

Святой ПРЕСТОЛ

ЭНЦИКЛИКИ ЛЬВА XIV

АНГЛИЙСКИМ

ЭНЦИКЛИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

MAGNIFICA HUMANITAS

О ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВЕ

ПАПА ЛЕО XIV

О ЗАЩИТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ
В ПЕРИОД ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

[**Мультимедиа**]

ВВЕДЕНИЕ

Новые силы нашего времени.

Два библейских образа.

Строительство во имя общего блага.

Сохранение человечности.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ДИНАМИЧНЫЙ ПОДХОД, ВЕРНЫЙ ЕВАНГЕЛИЮ.

Церковь, путешествующая по истории человечества.

Мудрость слова Божьего в диалоге с гуманитарными науками.

Социальная доктрина как общее различие.

Развитие социальной доктрины от Льва XIII до наших дней.

Первые этапы социальной доктрины Церкви.

Годы Второго Ватиканского собора.

Недавнее учительство Церкви.

Интерпретация истории в свете веры.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОСНОВЫ И ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ ЦЕРКВИ

Основы социальной доктрины.

Человек: образ Троицкого Бога.

Равное достоинство всех людей.

Высшая ценность прав человека.

Принципы социальной доктрины. Принцип общего блага. Принцип всеобщего предназначения благ. Принцип субсидиарности. Принцип солидарности. Принцип социальной справедливости. Целостное развитие человека. Экзамен для Церкви.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТЕХНОЛОГИИ И ДОМИНИРОВАНИЕ.

ВЕЛИЧИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В СВЕТЕ ОБЕЩАНИЙ ИИ.

Технократическая парадигма и цифровая мощь

Искусственный интеллект:

ценный инструмент, требующий бдительности

Ответственность, прозрачность и управление ИИ

Что нельзя упускать

В основе нарративов: трансгуманизм и постгуманизм

Предел, сердце, величие человеческой личности

Подлинное «больше, чем человек»: благодать и христианский гуманизм

Два города и две любви

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЗАЩИТА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ПЕРИОД ПЕРЕМЕН.

ИСТИНА, ТРУД, СВОБОДА.

Истина как общее благо

Истина и демократия

Коммуникация и коллективное воображение

На пути к экологии коммуникации

Образовательный альянс для цифровой эпохи

Центральная роль школ

Достоинство труда в период цифровой трансформации

Ценность труда

Проблема безработицы

Экономика, которая ценит достоинство

Семьи и молодежь: социальные условия для надежды

Защита свободы от зависимости и коммерциализации

Зависимость и общественный контроль

Разрыв цепей новых форм рабства

Общая ответственность

ГЛАВА ПЯТАЯ

КУЛЬТУРА ВЛАСТИ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЛЮБВИ

Цивилизация любви в цифровую эпоху.

Культура власти

Нормализация войны

Сила без ограничений

Оружие и искусственный интеллект

Кризис многосторонности

Предполагаемый политический реализм

Построение цивилизации любви

Мы все можем внести свой вклад

Необходимость разоружить слова

Построение мира через справедливость

Принятие точки зрения жертв

Культивирование здорового реализма

Возрождение диалога

Необходимость дипломатии и многосторонности

Молитва и надежда

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Слово стало плотью.

Одно тело во Христе.

Строительная площадка нашего времени.

Песнь надежды: Магнификат.

1. Человечество, сотворенное Богом во всем своем величии, сегодня стоит перед решающим выбором: либо построить новую Вавилонскую башню, либо возвести город, в котором Бог и человечество будут жить вместе. Каждое поколение наследует задачу формирования своей эпохи, направления истории к тому, чтобы стать местом, где достоинство каждого человека защищено, справедливость поощряется и братство становится возможным. Однако каждая эпоха также несет в себе риск создания бесчеловечного и еще более несправедливого мира. Всякий раз, когда человечество рискует исказить свою истинную идентичность, мы, христиане, обращаем свои взоры к Воплощенному Богу, зная, что «только в тайне Слова, ставшего плотью, тайна человечества становится по-настоящему ясной» [1]. В Иисусе Христе это человечество во всем своем величии становится Путем, Истиной и Жизнью, открывая каждому из нас путь к полноте.

2. Основанные на Христе, живом камне, мы переживаем могущественное и таинственное действие Святого Духа и верим, что каждое подлинное человеческое усилие сотрудничать с Ним во благо будет благословлено нашим Небесным Отцом, на Которого мы возлагаем надежду. По этой причине мы можем усердно вносить свой вклад в каждую инициативу, направленную на построение более справедливого мира, и призывать других к сотрудничеству в содействии всестороннему развитию каждого человека. Мы стремимся к диалогу со всеми мужчинами и женщинами нашего времени, с которыми мы разделяем события, вопросы и устремления человечества. [2] Вместе с ними мы стремимся определить новые пути к общему благу и к содействию достойной жизни для всех. Действительно, открытость к диалогу является неотъемлемой частью призвания Церкви, поскольку, будучи утвержденной во Христе как «таинство... общения с Богом и единства всего человеческого рода», [3] она признает историю как место, где Евангелие бросает вызов и направляет человеческий опыт.

3. В этом духе Папа Лев XIII опубликовал свою энциклику *Rerum Novarum*. В 1891 году, 135⁻летие которого мы в этом году отмечаем с глубокой благодарностью, мой возлюбленный предшественник дал толчок размышлениям об обществе, экономике и политике, которые теперь известны как «Социальная доктрина Церкви». Когда некоторые возражали, что Церковь не должна тратить энергию на мирские дела, а вместо этого должна сосредоточиться на передаче послания вечной жизни, Лев XIII ответил с реализмом и мудростью, сказав, что провозглашение Евангелия не может игнорировать конкретную жизнь людей. [4] С тех пор прошло много десятилетий, и Магистериум, пастыри, богословы и верующие продолжают размышлять о социальных проблемах в свете Евангелия. Сегодня Социальная доктрина Церкви — это наследие мудрости, где мы находим принципы мышления, критерии для различения и суждения, а также конкретные указания к действию. Основанная на Священном Писании и Традиции и взаимодействующая с науками, она помогает нам ясно интерпретировать вызовы настоящего и определять подходящие способы для жизни в ясном христианском свидетельстве, с радостью и в служении миру. Это не инертный набор концепций, а живой свод истины, который оберегает и толкует призвание человечества к полноценной и справедливой жизни. Поэтому я хочу присоединиться к этой живой традиции, призывая на помощь Духа мудрости, обитавшего в мире с самого его начала (ср. *Притчи* 8:22-31).

Новые силы нашего времени

4. В то время как Лев XIII говорил в своё время о «новых вещах» (*rerum novarum*), сегодня мы не можем ограничиваться лишь повторением его проницательных учений. Вместо этого мы должны просить Бога о мудрости для толкования великих тенденций нашего времени, особенно технологических достижений. В последние годы становится всё более очевидным, как быстро и глубоко цифровизация, искусственный интеллект (ИИ) и робототехника преобразуют наш мир. Технология сама по себе не должна рассматриваться как сила, враждебная человечеству. Напротив, она с самого начала являлась частью нашей истории как «глубоко человеческая реальность, связанная с автономией и свободой человека». [5] На протяжении веков технологическое развитие значительно улучшило условия жизни человечества. В то же время каждый этап прогресса также выявлял неоднозначность инструментов, которые могут причинить вред, если не ориентированы на благо. Сегодня, однако, мы сталкиваемся с новой ситуацией. Влияние и распространенность новых технологий вплетены в ткань повседневной жизни, формируя процессы принятия решений и глубоко воздействуя на коллективное воображение: «Никогда еще человечество не обладало такой властью над собой». [6] Новые технологии открывают горизонт, простирающийся в направлениях, которые можно представить, но которые еще не полностью предсказуемы. Это усложняет оценку их потенциального воздействия и долгосрочных последствий, которые они могут иметь как для достоинства отдельных лиц, так и для общего блага.

5. Теперь на нас лежит ответственность за решение проблем нашего времени, требующая ясности мышления и ответственности. Необходимо создать адекватные регулирующие инструменты, способные обеспечить справедливость и сдерживать искажающее воздействие технологической мощи. Тем не менее, проблема не ограничивается регулированием. Как предупреждал Папа Франциск, мы должны реалистично задать себе вопрос: кто сегодня обладает этой властью и как она используется? «Необходимо также признать, что ядерная энергия, биотехнологии, информационные технологии, знание нашей собственной ДНК и многие другие приобретенные нами способности... дали тем, кто обладает знаниями, и особенно экономическими ресурсами для их использования, впечатляющее господство над всем человечеством и всем миром». [7] В прошлом руководство и направление инноваций в значительной степени находились в ведении государства. Сегодня, однако, основными движущими силами развития являются частные, часто транснациональные, стороны,

обладающие ресурсами и возможностями вмешательства, превосходящими возможности многих правительств. Таким образом, технологическая мощь приобретает беспрецедентный, преимущественно «частный» аспект, что делает еще более сложным выявление, управление и направление такой власти на общее благо.

6. Поэтому необходимо начать процесс совместного осмысления духовных и культурных корней происходящих преобразований. Если мы сосредоточимся только на непредвиденных обстоятельствах, мы рискуем позволить череде чрезвычайных ситуаций диктовать направление нашего пути. Мы переживаем стремительную фазу перехода, «смену эпохи», в которой — в то время как одни борются за будущее новых технологий, а другие посвящают себя размышлениям об этом вопросе — большинство людей наблюдают и ждут, наблюдая издали и просто надеясь на лучшее. Именно поэтому перед нашей совестью встают важнейшие вопросы, которых больше нельзя избежать: Куда мы идем? К какой цели мы хотим себя направить? Какое направление нам следует выбрать как народу и как человеческому сообществу?

Два библейских образа

7. Чтобы ответить на эти вопросы и понять, как ответственно ориентироваться в эпоху ИИ, я хотел бы вспомнить две сцены из Библии: строительство Вавилонской башни (ср. *Быт.* 11:1-9) и восстановление стен Иерусалима (ср. *Неем.* 2-6). История Вавилона появляется в Книге Бытия, у истоков человечества, сразу после родословных сыновей Ноя. Поселившись на равнине в земле Шинар, люди решили построить город и башню, «вершина которой достигнет небес» (*Быт.* 11:4). Опасаясь рассеяния по земле, они стремились обеспечить себе стабильность и власть, и прежде всего, «прославиться». Это был впечатляющий подвиг: единый язык, единая технология, единое направление. Однако этот проект скрывал глубокую опасность. Это был проект, задуманный без обращения к Богу, подкреплённый единообразием, которое исключало разнообразие и ставило гомогенизацию выше общности. Когда город строится на гордости и стремлении к самодостаточности, нарушается коммуникация, происходит смешение языков, и люди перестают понимать друг друга. Результатом является не единство, а рассеяние. Таким образом, Вавилон показывает пределы любых усилий, которые, какими бы грандиозными они ни были, проистекают из самоутверждения, жертвуют человеческим достоинством ради эффективности и стремятся достичь небес без Божьего благословения.

8. Книга Неемии, в свою очередь, начинается в период крайней уязвимости в истории древнего Израиля. После вавилонского плена часть народа вернулась в Иерусалим, но город все еще лежал в руинах, стены рухнули, а ворота сгорели (ср. *Неем.* 1-2). Неемия, еврей, служивший персидскому царю Артаксерксу, получил известие о катастрофическом состоянии своего родового города. Прежде чем что-либо предпринять, он постился, молился и ходатайствовал за народ. Затем он попросил царя разрешения вернуться в Иерусалим и, прибыв туда, молча осмотрел разрушенные участки. Он не навязывал решения сверху. Он собрал семьи, выделил каждой из них участок стены для восстановления, выслушал их опасения, скоординировал их усилия и пресек любое сопротивление. Повествование показывает, как город возрождается не по инициативе одного человека, а благодаря общей ответственности всех: мужчины, женщины, священники, ремесленники, главы семей и молодежь — все играют свою роль. Это начинание, в центре которого находится Бог, которое сначала восстанавливает отношения, а затем — камни. Таким образом, древний Иерусалим вновь обретает общий язык — не язык единообразия, а язык единения, а именно гармонию, которая возникает, когда все люди принимают свою роль и признают, что их сила исходит от Господа.

9. В свете этих двух образов Святой Дух сегодня бросает нам вызов относительно наших отношений с технологией и продолжающейся цифровой революцией. Научные открытия — это таланты, доверенные человечеству, чтобы они приносили плоды (ср. *Мф* 25:14-30). Технология обладает силой исцелять, объединять, обучать и защищать наш общий дом; но она также может разделять, исключать и порождать новые формы несправедливости. В абстрактном смысле технология сама по себе не является решением проблем человечества, так же как она не является по своей сути злом. Однако на практике технология никогда не бывает нейтральной, потому что она принимает характеристики тех, кто ее разрабатывает, финансирует, регулирует и использует. Поэтому основной выбор стоит не между «да» или «нет» технологии, а между строительством Вавилона и восстановлением Иерусалима; между силой, претендующей на господство над небесами, и народом, который работает вместе в присутствии Бога, чтобы восстановить стены братского сосуществования.

10. Поэтому мы должны избегать «синдрома Вавилона», а именно идолопоклонства прибыли, приносящего в жертву слабых, единообразия, нейтрализующего различия, и притворства, что один язык — даже цифровой — может перевести всё, включая тайну личности, в данные и результаты. Риск дегуманизации — построения будущего, исключаящего Бога и сводящего другого к средству, — это древнее и постоянно обновляющееся искушение, которое сегодня принимает технический облик. Вместо этого давайте выберем «путь Неемии», который подчеркивает важность совместной работы, чтобы сделать Град Божий безопасным местом для возвращающихся изгнанников. Восстановление сегодня означает признание того, что именно из множества голосов и видений, которые, хотя иногда и напоминают нам о путанице, вызванной разнообразием разговорных языков, возникает яркая возможность. Действительно, это возможность строить вместе, превращать разнообразие в ресурс и делать слушание и диалог общей основой для культивирования справедливости и братства. В рамках этой общей задачи христиане открывают свою уникальную роль в направлении

действий к Богу, чтобы в Его свете плюрализм не растворился в беспорядке, а, наоборот, благодаря практике синодальности, стал пространством, в котором человечество заново обретает свои прочные основы и свою конечную цель. В Книге Откровения Иоанн видит Новый Иерусалим, «соходящий с неба от Бога» (Откр. 21:2), как дар для всего человечества. И это видение благодати — приглашение для нас, христиан, к совместной работе во имя мирной, справедливой и достойной жизни в общине в современных «городах».

Строительство во благо общества

11. Построение города, основанного на общем благе, подразумевает, прежде всего, построение прочных отношений с Богом. Это означает признание того, что истина Его любви призывает нас к жизни «во всей ее полноте» (Ин. 10:10) и общению с Ним. Подобно святому Августину, мы тоже можем сказать: «Ты сотворил нас для Себя, Господи, и сердце наше не успокоится, пока не обретет покоя в Тебе». [8] Действительно, Бог запечатлел в наших сердцах стремление к счастью, охватывающее все измерения жизни. Церковь, в диалоге с мужчинами и женщинами нашего времени, признает насущную необходимость оберегать и направлять это стремление к его глубочайшей истине.

12. Во-вторых, созидание во имя общего блага означает принятие ограничений и слабостей человечества, не рассматривая их как ошибку, которую нужно исправить. Сегодня стремление человека к полноте жизни рискует быть обманутым обманчивыми целями, такими как перспектива технологии, обещающей освободить нас от всех слабостей, и моделями благополучия, которые оставляют позади целые народы. Слишком часто мы возлагаем надежду на неограниченные «улучшения», на формы прогресса, которые усугубляют неравенство, и на немедленные решения, неспособные залечить раны людей. В результате, пока одни стремятся к иллюзии неограниченного самоутверждения, многие лишены основных потребностей. Церковь напоминает нам твердым, но смиренным голосом, что истинное удовлетворение достигается не путем устранения слабостей, а через гармоничный рост. Оно находится там, где свобода и ответственность переплетаются с взаимной заботой и истинной солидарностью, и где прогресс измеряется достоинством каждого человека и благом всех народов.

13. В-третьих, построение мира, в котором каждый может процветать, требует общей ответственности и мужества. Никто не может в одиночку нести бремя проблем, стоящих перед миром, так же как никто не настолько слаб, чтобы не внести свой вклад, ибо «сила совершается в немощи» (2 Кор. 12:9). Каждому отведена своя секция стены: ученым и исследователям, предпринимателям и рабочим, педагогам и законодателям, гражданскому обществу, народным движениям и религиозным общинам. В этом заключается логика субсидиарности, которая ценит сотрудничество между поколениями, народами, дисциплинами и культурами как наилучший способ содействия стабильности, процветанию и миру. Мы не должны бояться напряженности или различий, потому что они могут стать созидательными силами, если ими руководит общая ответственность.

14. Наконец, созидание во имя общего блага требует евангельского языка. Мы должны избегать унижительных или враждебных слов, отдавая предпочтение ясности, которая проливает свет, и откровенности, которая открывает новые возможности. Мы не можем мириться с наивным энтузиазмом и подпитывать необоснованные страхи. Вместо этого давайте установим стандарты для пронизательности — достоинство человеческой личности, универсальное предназначение благ, приоритетное право для бедных, забота о нашем общем доме и мире — и давайте воплотим эти стандарты в практику, такую как ответственное планирование, оценка воздействия на человека и общество, включение наиболее уязвимых групп населения, содействие цифровой грамотности и направление исследований и промышленности к справедливости и миру.

Оставшийся человек

15. В недавнем очередном юбилейном 2025 году мы шли как паломники надежды и были благословлены многими милостями. Укрепленные этими дарами, мы можем с уверенностью двигаться вперед, чтобы справиться с трудными задачами и сложными вызовами, которые нас ждут впереди. В эпоху искусственного интеллекта, когда человеческое достоинство находится под угрозой новых форм дегуманизации, наша насущная обязанность — оставаться глубоко человеческими. Мы должны с любовью оберегать величие человечности, дарованное нам и явленное во всей своей полноте во Христе, величие которого ни одна машина никогда не сможет заменить. Истинный прогресс всегда исходит из сердца, открытого другим, интеллекта, готового слушать, и воли, которая ищет того, что объединяет, а не того, что разделяет.

16. Я обращаюсь с этим искренним призывом ко всем католикам, ко всем христианам и ко всем мужчинам и женщинам доброй воли. Не будем бояться испачкать руки на «строительной площадке» нашего времени. Подобно Неемии, будем молиться, мудро планировать и настойчиво трудиться, ставя Бога во главу угла наших действий, а человека — в центр наших решений. Таким образом, «отвергнутые камни» — бедные, больные, мигранты и самые обездоленные среди нас — станут краеугольным камнем, и на земле возникнет прочный, гостеприимный общий дом, где любовь и верность наконец встретятся, а праведность и мир обнимут (ср. Пс 85:10). Это благословение, о котором мы молим Бога; и задача, стоящая перед нами, — быть строителями общения, а не архитекторами Вавилона. Мы должны быть слугами грядущего Царства, а

не господами башен, обреченных на разрушение. С сердцем пастуха и отца я прошу всех отказаться от строительства очередной Вавилонской башни и объединить усилия в созидании общего блага, чтобы человечество никогда не утратило своей красоты, и чтобы мир вновь признал человеческое сердце местом, где желает обитать Бог.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Динамичный подход, верный Евангелию.

17. В этой первой главе я намерен в сжатой форме представить, как Социальная доктрина Церкви сформировалась в недавнем Папском Магистерииуме и на Втором Ватиканском соборе, чтобы продемонстрировать ее динамичный характер. Действительно, в каждую эпоху *res nova* требует, чтобы это учение рассматривало исторические вопросы в свете открытой Истины. В этом отношении искусственный интеллект также следует рассматривать не просто как еще одну тему для изучения или кризис, который нужно преодолеть, а скорее как развитие, которое бросает вызов категориям Социальной доктрины изнутри, призывая к их дальнейшему развитию в верности Евангелию.

18. Однако этот обзор был бы не очень понятен, если бы, прежде чем размышлять о вкладе отдельных пап и их наиболее важных документах, мы сначала не прояснили некоторые фундаментальные принципы, касающиеся того, как Церковь существует в истории и взаимодействует с миром. В противном случае Социальная Доктрина может быть воспринята как чрезмерное вмешательство в «мирские» дела или как внешний этический кодекс, навязанный сверху. В действительности же она исходит из Церкви, которая идет рядом с человечеством, признавая автономию земных реалий и различие между церковными и политическими общинами. Именно поэтому она стремится служить общему благу.

Церковь, путешествующая сквозь человеческую историю.

19. Церковь присутствует в мире как знак единства для всей человеческой семьи. Она осознает сегодняшние вопросы и вызовы как нынешнюю обстановку, в которой следует осуществлять ее особое призвание – слушать, вести диалог и служить, а также быть отзывчивой ко всему, что касается жизни современных мужчин и женщин. Это участие в жизни людей помогает Церкви все яснее понимать, что ее миссия имеет исторический масштаб и влечет за собой ответственность за то, как строятся социальные отношения. По этой причине она не может считать себя чужой силой, формирующим общество. Напротив, Церковь активно участвует в процессах, посредством которых общество растет и организуется, и вносит свой вклад в создание более справедливого и братского общества. Папа Франциск подчеркнул это историческое измерение миссии Церкви: «Никто не может требовать, чтобы религия была отведена во внутреннее святилище личной жизни, без влияния на общественную и национальную жизнь, без заботы о целостности гражданских институтов, без права высказывать мнение о событиях, затрагивающих общество». [9]

20. Призвание и обязанность Церкви сопровождать человечество в конкретике истории побуждают её признать, что земные реалии обладают собственным характером и порядком. Второй Ватиканский собор с особой точностью выразил этот принцип в Пастырской конституции *Gaudium et Spes*, шестидесятую годовщину которой мы с благодарностью отметили 7 декабря 2025 года: «Если под автономией земных дел подразумевается, что сотворенные вещи и общества сами обладают своими законами и ценностями... тогда требование автономии совершенно оправдано». [10] Это утверждение показывает, что творение несёт на себе отпечаток изначальной доброты, которую наш человеческий взгляд должен сохранять, культивировать и доводить до совершенства. В этом отношении Церковь предлагает себя таким образом, который помогает истолковать реальность во всей её глубине. Она с смиренной твёрдостью поддерживает выбор, способствующий достоинству каждого человека, сплоченности сообществ и благу всех. Таким образом, Церковь стоит на стороне мира, не подавляя его, чтобы обещание справедливости и мира, которое Святой Дух продолжает поддерживать в сердцах человечества, могло воплотиться в жизнь во всех человеческих начинаниях.

21. Признавая, что Бог поддерживает свободу мужчин и женщин в ходе развития истории, Второй Ватиканский собор подтвердил различие между церковной и политической общинами, подчеркнув, что каждая из них должна действовать с полной автономией. Присутствие Церкви в мире также выражается через ее отношения с гражданским обществом и государственными институтами. Взаимодействуя с этими структурами, Церковь признает ценность социальных и политических реалий и чтит их особые обязанности, поддерживая все, что способствует благополучию отдельных лиц и укрепляет основы общества. Церковь не претендует на принятие функций, принадлежащих государству. Напротив, она высоко ценит тех, кто служит общему благу, и твердо признает ответственность, которую несут гражданские институты в обществе. В то же время миссия, возложенная на Церковь, побуждает ее обращать внимание на реальные страдания мужчин и женщин нашего времени. Эта близость не проистекает из намерения заменить гражданские институты, тем более из неявной критики их работы. Скорее, это проистекает из евангельской любви, которая побуждает Церковь приближаться к ранам человечества всякий раз, когда они проявляются с большей остротой. Когда Церковь вмешивается, она делает это, следуя примеру доброго самаритянина, с осмотрительностью и вниманием, осознавая, что то, что возникает из крайней необходимости, не может стать нормой и не может заменить институциональные обязанности, присущие гражданскому обществу.

22. Исходя из этого двойного признания — автономии земных реальностей и различия между церковной и политической сферами компетенции — можно яснее понять направление, которое Второй Ватиканский собор определил для Церкви в ее отношениях с миром. *Gaudium et Spes* напоминает нам, что «задача всего Народа Божьего, особенно его пастырей и богословов, состоит в том, чтобы слушать и различать множество голосов нашего времени и истолковывать их в свете Слова Божьего, чтобы открытая Истина могла быть глубже проникнута, лучше понята и более уместно представлена». [11] Прислушивание к «многим голосам» — это не просто социологическое упражнение, а требует духовного различения. Руководствуясь Духом, Народ Божий начинает распознавать в культурных и социальных преобразованиях как знаки присутствия Христа, Который приходит и направляет историю к ее завершению, так и те отклонения, которые заслоняют Его лик. Таким образом, основная суть открытой Истины не изменяется, а становится явной и принимается в качестве живого стандарта, направляющего конкретные решения, вдохновляющего пути личного и общинного обращения, способствующего структурным реформам и поддерживающего новые формы евангельского свидетельства в общественной жизни. История, таким образом, понимается как одно из мест, где Церковь позволяет Духу учить её гуманизирующей силе Евангелия; и она учится развивать своё собственное учение на службе достоинства каждого человека и блага всех народов.

Мудрость слова Божьего в диалоге с гуманитарными науками.

23. Церковь рассматривает всех, кто искренне ищет «истину, добро и красоту», как спутников на пути и считает их «драгоценными союзниками» [12] в защите достоинства каждого человека и заботе о творении. Принимая пастырский подход Второго Ватиканского собора, который призывает нас слушать, различать и толковать знаки времени, и просвещенная мудростью слова, Церковь не боится сталкиваться с человеческим знанием. Действительно, слово Божие предоставляет надежные стандарты для установления путей справедливости и открытия путей примирения и мира между народами. Когда речь идет о применении этих стандартов к сложным ситуациям нашего времени, вклад философии и гуманитарных и социальных наук имеет важное значение. Эти дисциплины помогают нам глубже понимать и анализировать культурную, экономическую и политическую динамику. Святой Иоанн Павел II напоминал, что Церковь приветствует вклад социальных наук, чтобы «извлечь из них конкретные идеи, которые помогут ей исполнять свое учительное служение». [13] Диалог с такими знаниями не умаляет силы Евангелия. Напротив, он позволяет с большей ясностью определить, что действительно способствует жизни отдельных людей и сообществ. Следуя этой точке зрения, Папа Франциск подчеркнул, что при рассмотрении многих конкретных вопросов Церковь не претендует на то, чтобы предложить «окончательное мнение», [14] но признает важность прислушиваться к научным исследованиям и поощрять серьезную и честную дискуссию среди экспертов, приветствуя при этом разнообразие мнений.

24. Питаемая этим плодотворным диалогом между Евангелием и человеческим знанием, Церковь постепенно развивала свою социальную доктрину, возвращая в истории мудрое понимание. наследие, отмеченное теологической и антропологической согласованностью, коренящейся в христианском понимании личности. Именно потому, что это наследие возникает из веры и соответствующего видения реальности, оно не является набором технических решений или экономической или политической моделью, которую следует сравнивать с другими. Вместо этого оно принадлежит к иному порядку [15], а именно к порядку принципов, которые направляют интерпретацию событий и поддерживают евангелическое понимание исторических процессов и выбора, который они влекут за собой. В этом заключается надлежащая функция Социальной Доктрины, которая не претендует на замену ответственности политики или институтов, но предлагает себя в качестве основы для коллективного различения, помогая распознавать и продвигать все, что служит достоинству личности, жизнеспособности сообществ и общему благу.

Социальная доктрина как общее суждение

25. Понимание того, что истина — это дар, которым нужно делиться, а не собственность, которую нужно монополизировать, освобождает Церковь от искушения искать формы присутствия, основанные на власти. Чтобы заново открыть для себя евангелический подход к мягкому провозглашению истины, не навязываемой силой, святой Иоанн Павел II призвал нас честно взглянуть на времена, когда попустительствовало «нетерпимости и даже применению насилия во имя истины». [16] В этом же ключе я также подтвердил, что Церковь «не претендует на монополию на истину», [17] потому что истина — это не территория, которую нужно защищать, а благо, которым нужно делиться. Со своей стороны, Папа Франциск выразил ту же точку зрения в своей поразительной фразе: «время важнее пространства». [18] Самое важное — это не занятие властных позиций или защита культурных твердынь, а инициирование благих процессов и содействие их созреванию. Таким образом, истина Евангелия не навязывается сверху, а развивается с течением времени в конкретном переплетении жизней, сообществ и культур. Это не истина, которая боится разнообразия, а, наоборот, приветствует и направляет его. Она не устраняет конфликты, а преобразует их, воссоединяя то, что история стремится рассеять. Эту концепцию можно также проиллюстрировать образом многогранного многогранника [19], в котором единая истина Евангелия отражается с разных сторон.

26. Эта открытость истине, одновременно единая и многообразная, глубоко выражает всеобщность Церкви, ибо она охватывает всю человеческую семью, но также погружена в конкретные ситуации народов и культур. Второй Ватиканский

собор напоминает нам, что в силу этой самой всеобщности «каждая часть вносит свой вклад в другие части и во всю Церковь» [20]. Таким образом, Церковь растет как целое и как отдельные общины благодаря взаимному обмену и общим усилиям по достижению все более полного общения. Следовательно, Народ Божий не только собран из многих народов, но и переплетен различными функциями, призваниями, культурами и традициями, каждый из которых призван поддерживать и обогащать друг друга. С этой точки зрения святой Павел VI признавал, что, учитывая большое разнообразие исторических ситуаций, нереалистично полагать, что Социальная доктрина Церкви может предложить единый ответ, действительный во всех контекстах. [21] По этой причине он призвал каждую христианскую общину с ясностью и ответственностью интерпретировать реальность в своей стране. Плодотворное напряжение между универсальностью миссии Церкви и ее местными корнями является неотъемлемым аспектом ее жизни, поскольку она охватывает весь мир, одновременно рассматривая специфические проблемы каждого контекста как реальную среду, в которой формируется Евангелие.

27. В свете сказанного выше, Социальное учение Церкви можно рассматривать более аутентично. Это не руководство по принципам и нормам, которые следует применять, а процесс совместного различения. Оно рождается из столкновения вечной истины Евангелия с вопросами истории. Оно позволяет себе подвергаться испытаниям знаков времени и черпает вдохновение из вклада науки, культуры и человеческого опыта. Поэтому, когда нарушается достоинство наших братьев и сестер, когда политика не справляется с трагедиями человечества, когда экономика обращается против человека или наука выходит за пределы своей компетенции, [22] Церковь — вместе с другими христианскими конфессиями и верующими других религий — должна заявить о себе не для того, чтобы доминировать, а для того, чтобы способствовать общению. В таком понимании Социальное учение становится теологией общения в истории, История, в которой Воплотившееся Слово продолжает присутствовать через диалог, память и пророчество.

Развитие социальной доктрины от Льва XIII до наших дней

28. Изложив роль Церкви в истории и ее диалог с миром, я хотел бы теперь рассмотреть развитие Социальной Доктрины в Учительстве Церкви, которая отреагировала на основные социальные преобразования с XIX века до наших дней. Естественно, я не могу в полной мере оценить все богатство этого учения, основные принципы которого представлены в «Компендиуме Социальной Доктрины Церкви» и были дополнительно изучены в недавних учениях Учительства. Я также не могу систематически исследовать все, что было разработано в энцикликах моих покойных достопочтенных предшественников, особенно в «Laudato Si'» и Fratelli Tutti. Тем не менее, я подчеркну некоторые важные моменты, чтобы показать, как настоящий текст находится в преемственности с этой традицией. Я также хотел бы подчеркнуть, как в рамках этой традиции неизменное ядро открытых истин о человеческой личности и обществе постоянно переплетается с обновленной способностью прислушиваться к историческим ситуациям и реагировать на современные проблемы. Теперь я рассмотрю некоторые важные этапы этого развития, начиная с периода, начатого энцикликой Rerum Novarum.

Первые этапы социальной доктрины Церкви

29. То, что мы сейчас называем «Социальной доктриной Церкви», не является спонтанным продуктом современности. Напротив, это плод восприятия и структурирования долгой традиции церковного размышления о жизни в обществе, укорененной в Священном Писании, Отцах Церкви и богословских и правовых разработках Средневековья и современной эпохи. Хотя выражение «Социальная доктрина Церкви» было введено Пием XII в 1950 году, [23] его содержание начало формироваться как органический корпус социального учения с энцикликой Льва XIII «Rerum Novarum». Столкнувшись с «новыми вещами» своего времени — конфликтом между капиталом и трудом, вопросом рабочей силы, а также экономическими и социальными преобразованиями — Лев XIII не ограничился лишь признанием беспорядков, но рассматривал эти ситуации как область для пастырской миссии Церкви. Он подверг их строгому различению, освещая их причины и возможные решения в свете Евангелия и целостного видения человеческой личности, созданной по образу Божьему. Святой Иоанн Павел II рассматривал этот подход как «непреходящую парадигму» [24] социальной доктрины: образцовую практику, посредством которой Церковь, сталкиваясь с историческими изменениями, осуществляет свое право и обязанность исследовать социальные реалии, делать заявления о них и указывать пути для поиска справедливых решений. Таким образом, вечные содержания веры и древняя церковная мудрость находят выражение в живой доктрине, которая остается верной Евангелию, развиваясь в ответ на «новые вещи» каждой эпохи.

30. Энциклика Льва XIII «Rerum Novarum» представляет собой важную веху в развитии социального учения Церкви. В документе на первый план выходит достоинство труда и трудящихся; утверждается право на справедливую заработную плату для себя и своей семьи; признается, что личность имеет фундаментальную ценность, которая имеет приоритет над капиталом и прибылью; защищается частная собственность наряду с ее незаменимой ролью в обществе; высоко ценятся рабочие объединения; и предлагаются формы сотрудничества между различными компонентами общества как альтернатива менталитету классово-борьбы. Поэтому неудивительно, что Пий XI назвал ее «Великой хартией вольностей» [25] христианской социальной деятельности. В «Rerum Novarum» древняя мудрость Церкви относительно человеческой личности и жизни в обществе обрела новую форму, способную ответить на вызовы индустриальной эпохи и предложить первую крупную систематическую основу для социальной доктрины, которая будет далее развиваться в последующие

десятилетия. Хотя многие исторические условия, описанные Львом XIII, изменились, по крайней мере два вывода остаются весьма актуальными и сегодня: первенство человеческого труда над любым мышлением, сосредоточенным исключительно на финансах или производительности — с вытекающим из этого вниманием к людям и семьям, наиболее подверженным эксплуатации, — и неразрывная связь между провозглашением Евангелия и стремлением к более справедливому социальному порядку. Таким образом, *Rerum Novarum* продолжает напоминать нам, что нет подлинной евангелизации, которая не затрагивала бы также структуры человеческого общества.

31. Энциклика *Пия XI Quadragesima Anno* была опубликована в 1931 году к сороковой годовщине *Rerum Novarum*. В разгар крупного глобального экономического кризиса энциклика ознаменовала собой дальнейший шаг в социальном учении Церкви. Вместо того чтобы ограничиваться рассмотрением «вопроса о рабочей силе», она расширила свой фокус, охватив общую структуру экономического и политического порядка. Энциклика осуждает концентрацию экономической власти в руках немногих; критикует как неограниченную конкуренцию, так и коллективистские проекты, подрывающие свободу и ответственность личности; решительно подтверждает право трудящихся на объединение; и подтверждает требование, чтобы заработная плата была соразмерна не только производительности, но и потребностям трудящихся и их семей. В этих рамках Пий XI систематически сформулировал принцип субсидиарности, который стал одним из краеугольных камней Социальной доктрины. Согласно этому принципу, все, что может быть осуществлено отдельными лицами, семьями, посредническими организациями и местными сообществами, не должно осуществляться вышестоящими органами власти. Наряду с этими достижениями, в различных выступлениях своего Учительства — от энциклик *Non Abbiamo Bisogno* и *Mit Brennender Sorge* до *Divini Redemptoris* — Пий XI ясно напоминал о социальной роли частной собственности и осуждал формы тоталитаризма, которые унижают достоинство личности, подавляют жизнь в обществе, возвышают государство над его справедливой ценностью и дискриминируют по расовому признаку. По меньшей мере три идеи его социального учения остаются особенно актуальными сегодня: осознание того, что несправедливость касается не только индивидуального поведения, но и экономических и институциональных структур; важность принципа субсидиарности, который призывает к укреплению структуры ассоциаций и сообществ, избегая при этом дальнейшей централизации власти; и связь между достоинством труда, справедливой оплатой труда и реальной возможностью для семей вести достойную жизнь.

32. В трагическом контексте Второй мировой войны и последующих лет восстановления учение Пия XII внесло значительный вклад в развитие социальной доктрины. Это особенно верно в отношении его рождественских радиопосланий, в которых он изложил рамки международного порядка, основанного на справедливости, мире и признании человеческого достоинства. В этих посланиях Папа предложил диалог с обществом, основанный на обращении к естественному праву, понимаемому как совокупность объективных принципов, предшествующих интересам отдельных лиц и государств и которые должны регулировать как внутреннюю жизнь наций, так и их взаимоотношения. Пий XII также отводил решающую роль профессиональным ассоциациям, профсоюзам и различным посредническим организациям в экономическом и социальном порядке. Он признавал эти организованные формы общества как важнейшую гарантию гражданского равновесия и защиты общего блага. Он подтвердил необходимость надежного верховенства права для защиты от злоупотребления властью и признал демократию средством обеспечения надлежащего осуществления власти. В то же время он предостерегал от любых попыток основывать закон на полезности или силе, напоминая, что международный порядок, управляемый преимуществами сильнейших, подвергает более слабые народы угнетению и коренным образом подрывает доверие между нациями. Наконец, Пий XII определил глубокий экономический дисбаланс между странами как один из факторов, подпитывающих конфликты. [26] Три принципа остаются особенно важными для нашего времени, которое в настоящее время отмечено новыми формами глобальной власти и растущим неравенством: необходимость того, чтобы закон имел приоритет над интересами; осознание того, что экономическое неравенство является благодатной почвой для напряженности и насилия; и необходимость сети ассоциаций, способных выступать посредниками между индивидом и государством. Эти принципы продолжают предоставлять важные критерии, которые позволяют социальной доктрине интерпретировать динамику глобализации и способствовать более справедливому и мирному международному порядку.

Годы Второго Ватиканского собора

33. Новый этап в социальном учении Церкви начался со святого Иоанна XXIII, который уделил больше внимания глобальному измерению социальных проблем и языку прав. В *«Mater et Magistra»* он представил христианскую веру как свет, способный объединить небо и землю. Он напомнил, что, хотя первостепенная миссия Церкви — освящение и провозглашение вечных благ, она не пренебрегает конкретными потребностями повседневной жизни людей и заботится о каждом подлинном человеческом благе. [27] Основываясь на этом едином видении человечества, Иоанн XXIII подчеркнул, что общественная жизнь требует баланса между инициативой граждан и групп, призванных к самоорганизации и совместной работе, и действиями государства, которое должно координировать и оказывать поддержку, не подавляя свободу и ответственность отдельных лиц. Поэтому он обратил внимание на справедливую оплату труда, участие трудящихся и растущее неравенство между странами. Несколько лет спустя, в *«Pacem in Terris»*, Иоанн XXIII впервые обратился не только к верующим, но и ко всем людям доброй воли, органично связав достоинство

личности с признанием основных прав и обязанностей и предложив направление для общества — в том числе и на международном уровне — основанное на истине, справедливости, любви и свободе. [28] В наши дни, отмеченные широкомасштабными конфликтами и новыми формами глобальной взаимозависимости, следующие аспекты его мысли остаются особенно значимыми: универсальная перспектива его обращения; его ссылка на права человека как на общую основу; и его убеждение, что прочный мир требует институтов и отношений между народами, вдохновленных достоинством каждой личности.

34. Второй Ватиканский собор ознаменовал поворотный момент в понимании Церковью себя в современном мире. В Пастырской конституции *Gaudium et Spes* Собор представил образ Церкви, близкой к человечеству, вовлеченной в мир и стремящейся размышлять о конкретной реальности исторических ситуаций, а не об абстрактных понятиях. Текст затрагивает основные вопросы брака и семьи, экономической и общественной жизни, политического сообщества, войны и мира. Он настаивает на том, что экономические и институциональные структуры справедливы лишь в той мере, в какой они служат всестороннему развитию личности и способствуют ответственному участию всех. [29] Важность этого соборного документа для Социальной доктрины Церкви заключается не только в том, что он открыл горизонты для тематического размышления, но и в его методе различения, который побуждает нас интерпретировать исторические изменения, руководствуясь Евангелием и человеческим опытом. Этот подход показывает, что диалог с миром для Церкви — это не тактический выбор, а конкретное выражение её миссии, поскольку Евангелие, подобно закваске, способно преобразовывать структуры общества изнутри и прокладывать пути к большей гуманности. В этом же контексте можно рассматривать Декларацию о достоинстве человека. В ней Собор признал, что свобода вероисповедания является основополагающим правом, основанным на человеческом достоинстве, которое должно быть гарантировано законом, чтобы предотвратить принуждение людей к действиям против своей совести или воспрепятствовать им в поиске и провозглашении истины как в частной, так и в публичной сфере. [30] Этот принцип весьма актуален сегодня и продолжает предоставлять социальной доктрине решающие критерии для защиты личности и построения плюралистических и мирных обществ.

35. Во время понтификата святого Павла VI сформировалось понимание мира, которое не сводилось к простому отсутствию войны, а принимало форму в рамках целостного развития человека. В *«Populorum Progressio»* он описал развитие как переход от менее гуманных к более гуманным условиям жизни. Он также понимал его как процесс, касающийся «каждого человека и всего человека» [31], то есть всех аспектов личности и всех людей без исключения. По этой причине Павел VI мог утверждать, что развитие, понимаемое таким образом, в действительности является «новым названием мира» [32], поскольку оно направлено на искоренение корней несправедливости и конфликтов и создание возможностей для более достойной жизни для всех. Создание Папской комиссии *«Iustitia et Pax»* следует рассматривать в этом свете как попытку придать стабильную форму этому пониманию на церковном и международном уровнях, принимая во внимание растущий разрыв между богатыми и бедными странами и необходимость политики, которая действительно способствует более гуманным условиям жизни для всех.

36. В *«Octogesima Adveniens»*, написанном по случаю восьмидесятой годовщины *«Rerum Novarum»*, Павел VI применил эту перспективу к постиндустриальному обществу, отмеченному урбанизацией, новыми формами бедности и быстрыми культурными изменениями, которые ставили под сомнение будущее отдельных людей и сообществ. Павел VI считал, что, хотя Евангелие провозглашалось, писалось и воплощалось в историческом и культурном контексте, сильно отличающемся от нашего, его послание не является «устаревшим». [33] Напротив, оно предлагает видение человеческой личности, отношений, власти и общего блага, которое по-прежнему способно направлять экономические, политические и культурные решения сегодня. Другими словами, Евангелие остается актуальным, потому что оно предоставляет критерии для распознавания того, что гуманизирует или дегуманизирует, а также того, что освобождает или угнетает в постоянно меняющихся условиях. Для социальной доктрины Церкви наиболее требовательным наследием Павла VI является именно это: пока в мире есть люди, исключенные из развития, подобающего человеческому достоинству, христианская община не может довольствоваться теоретическим провозглашением мира. Напротив, начиная с тех, кто находится на обочине общества, Евангелие должно позволить вынести суждение о тех экономических и политических структурах, которые — как позже напомнил нам Иоанн Павел II — могут стать настоящими «структурами греха». [34] В результате ни один человек или группа людей не будут рассматриваться как расходный материал в процессах развития.

Недавний Магистерийум

37. Богатое социальное учение святого Иоанна Павла II находится на стыке кризиса великих идеологических систем двадцатого века и начала экономической глобализации. Его энциклика *«Laborem Exercens»*, написанная через девяносто лет после публикации *«Rerum Novarum»*, открыла новый путь для размышлений о труде. Она представляет справедливую заработную плату как конкретное средство проверки справедливости всей социально-экономической системы, поскольку она показывает, рассматривается ли работник как личность или просто как издержки производства. [35] Труд рассматривается не просто как проблема, которую нужно решить, или средство получения дохода, а как фундаментальное благо для человека, принцип экономической деятельности и ключ ко всему общественному вопросу. Через труд люди

проявляют свою свободу, творчество и способность к сотрудничеству, способствуя культурному и нравственному возвышению общества. [36] В свете этого различные виды нестабильности занятости, фрагментированные карьерные пути и автоматизацию следует оценивать не только с точки зрения эффективности, но и в отношении достоинства работника, права на достаточное вознаграждение и реальной возможности участия в жизни общества.

38. В своей энциклике *Sollicitudo Rei Socialis*, приуроченной к двадцатой годовщине *Populorum Progressio*, Иоанн Павел II вновь рассмотрел проблему отсталости. Он признал провал многочисленных попыток ускорить экономическое развитие бедных народов и помочь им в процессе индустриализации, отметив сохраняющийся и даже увеличивающийся разрыв между Севером и Югом мира. [37] Он также осудил экономические, финансовые и торговые механизмы, которые, управляемые сильнейшими экономиками, структурно благоприятствуют собственным интересам, подавляя при этом более слабые экономики, и призвал подвергнуть их серьезному этическому, а не только техническому, анализу. [38] В этом контексте солидарность понималась как конкретная, общая ответственность отдельных лиц, народов и наций — форма социальной дружбы или политической благотворительности, ориентированная на «цивилизацию любви», предложенную Павлом VI. [39]

39. К столетию *Rerum Novarum* энциклика *Centesimus Annus* предложила размышление о крахе советской системы и подъеме демократии и рыночной экономики. Святой Иоанн Павел II повторил послание Пия XII о том, что Церковь ценит демократию постольку, поскольку она гарантирует эффективное участие граждан, позволяет им избирать и мирно заменять своих лидеров и предотвращает монополизацию власти небольшими элитными группами, мотивированными частными или идеологическими интересами. [40] Аналогичным образом, Церковь признает позитивный потенциал рынка и частной инициативы только в том случае, если они остаются подчиненными моральному закону и руководствуются принципом солидарности, не жертвуя наиболее уязвимыми ради прибыли. [41] Это добавляет особенно важное наследие к Социальной доктрине Церкви. Утверждение связи между достоинством труда, солидарностью между народами, критической оценкой демократии и рыночной экономики продолжает служить критериями для оценки новых форм эксплуатации, исключения и кризисов в политическом представительстве.

40. В своей социальной энциклике *Caritas in Veritate* Папа Бенедикт XVI стремился переосмыслить и расширить концепцию развития, представленную в *Populorum Progressio*, интерпретируя её в свете глобализации. Он отметил, что такое развитие должно выражаться в «реальном росте, приносящем пользу всем и подлинно устойчивом» [42]. То есть в экономическом прогрессе, который является по-настоящему инклюзивным и уважающим пределы творения. Однако он подтвердил, что в богатых странах возникают новые виды бедности, а также беспрецедентные формы исключения, в то время как в более бедных регионах небольшие меньшинства живут в потребительском достатке наряду с ситуациями дегуманизирующей бедности [43]. Кроме того, он отметил, что новая глобальная экономическая и финансовая система, характеризующаяся огромной мобильностью капитала и средств производства, уменьшила политическую власть государств и их способность влиять на экономические процессы. [44] По этой причине Бенедикт XVI подтвердил, что экономическая деятельность не может претендовать на решение социальных проблем просто путем расширения коммерческого мышления, но должна быть направлена на общее благо, за которое политическое сообщество несет свою незаменимую ответственность. [45]

41. Бенедикт XVI поставил благотворительность в центр своего анализа, заявив, что она «находится в сердце социальной доктрины Церкви» [46], при условии, что она всегда связана с истиной. Он также с обеспокоенностью отметил тенденцию игнорировать моральную значимость именно в социальной, правовой, политической и экономической сферах. Оригинальность его вклада заключается в том, что он показывает, что развитие, справедливость, институты и рынок не являются нейтральными реальностями, а представляют собой пространства, где благотворительность в истине должна найти историческое выражение. Это учение особенно актуально сегодня в свете растущего неравенства, давления на финансовых рынках, экологического кризиса и отсутствия доверия к политике. Оно служит призывом оценивать каждую модель развития с точки зрения ее способности быть инклюзивной и устойчивой, перестраивать отношения между экономикой и политикой на общее благо и признавать критическую и созидательную роль благотворительности в общественной жизни.

42. Социальное учение Папы Франциска развивается в соответствии с принципами *Gaudium et Spes*, которые призывают нас рассматривать историю через призму человеческих надежд и уязвимостей и вступать с ними в диалог с Евангелием. Этот подход особенно ясно проявляется в *Evangelii Gaudium*, где он утверждает, что христианское провозглашение имеет внутреннее социальное измерение и призывает к Церкви, способной прислушаться к крику бедных, мигрантов и жертв новых форм рабства. Настойчивое требование Франциска о синодальной Церкви, Церкви, которая «идёт вместе», которая стремится читать знаки времени в свете Евангелия и позволяет себя евангелизировать бедным, с которыми она разделяет историю, также вписывается в эту перспективу. [47]

43. В энциклике *Laudato Si'* Франциск впервые в социальной энциклике представил значимое систематическое рассмотрение экологического кризиса, показав, что это не изолированная проблема, а скорее экологический аспект современного социально-экономического кризиса. Его предложение о целостной экологии объединило заботу о нашем

общем доме с предпочтительным выбором в пользу бедных и решительно подтвердило, что «крик земли и крик бедных» [48] неразделимы. В этом свете на первый план вышла универсальная цель благ, наряду с критикой технократической парадигмы, стремящейся свести все к объекту, которым можно подчиниться; защитой человеческого труда, которому угрожает менталитет отходов; и необходимостью межпоколенческой справедливости. Наконец, он выступил за подлинный диалог между теми, кто работает в сфере политики и финансов, чтобы ни одна из сторон не стала самореферентной.

44. Столкнувшись с разрушением социальной структуры, «мировой войной, ведущейся по частям», индивидуалистической глобализацией и влиянием пандемии на общественные связи, Франциск в «*Fratelli Tutti*» стремился возродить мечту о человечестве, которое выбирает социальную дружбу и всеобщее братство. Он предложил культуру встречи, «лучшую политику», способную стремиться к общему благу, пути примирения и мир, который обеспечивает «землю, жилье и работу для всех». [49] Наконец, в «*Dilexit Nos*» он показал, что эти важные социальные начинания неотделимы от личных отношений со Христом. Обращаясь к слову Божьему, он напомнил нам, что истинный ответ на любовь сердца Иисуса — это конкретная любовь к нашим братьям и сестрам, и подтвердил, что «нет лучшего способа ответить любовью на любовь». [50]

Интерпретация истории в свете веры.

45. Учитывая этот исторический обзор, становится ясно, что Социальная доктрина Церкви — это не результат проекта, разработанного за письменным столом, а скорее продукт терпеливого процесса, в котором каждый понтифик — вместе со Вторым Ватиканским собором — внес уникальный вклад в свете «новых явлений» каждой отдельной эпохи. В ответ на вызовы своего времени каждый из них интерпретировал исторические изменения в соответствии с Евангелием, выявляя различные аспекты единого наследия: достоинство личности, ценность труда, универсальное предназначение благ, солидарность и субсидиарность, забота о творении и центральное место мира и братства. Результатом является гармоничное, хотя и не всегда линейное, развитие, отмеченное различными акцентами, прогрессивными идеями и, порой, изменениями в перспективе, которые не разрывают с тем, что было раньше, но позволяют его последствиям созреть. Если сегодня мы можем говорить о своде *общих* принципов и критериев, то это потому, что эта основанная на вере интерпретация истории никогда не прерывалась, оставаясь всегда открытой для вызовов, бросааемых каждым поколением. Именно к великим принципам социальной доктрины, которые направляют различие верующих в их личной и общественной жизни, я хотел бы сейчас обратиться, чтобы более эффективно понять их внутреннюю согласованность и способность направлять наше время.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОСНОВЫ И ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ ЦЕРКВИ

46. Социальная доктрина Церкви — это живая реальность, находящаяся в диалоге с историей, культурами и науками. В то же время она закрепляет набор неизменных истин. По этой причине её можно считать формой мудрости, способной направлять личную и общественную жизнь верующих даже сегодня. Во второй главе я хотел бы сосредоточиться на некоторых основах и принципах Социальной доктрины Церкви, которые помогут нам интерпретировать «новые вещи» нашего времени, особенно с учётом неотъемлемого достоинства человеческой личности. Для защиты человеческой личности в эпоху искусственного интеллекта я считаю, что сегодня мы должны вновь задуматься об общем благе, универсальном предназначении благ, субсидиарности, солидарности и социальной справедливости. Я убеждён, что гармоничные отношения между этими принципами требуют их коллективного рассмотрения, чтобы стало ясно, как они соотносятся и дополняют друг друга.

47. Предлагая эти размышления, я надеюсь, прежде всего, помочь мирянам и людям доброй воли заново осознать свой долг по применению вышеупомянутых принципов в повседневной жизни, семейных отношениях, работе и участии в жизни общества. Таким образом, они смогут вдохновиться стремлением воплотить любовь Божью в конкретных событиях жизни. В то же время я хотел бы призвать академические учреждения и университеты придать этим принципам новый импульс и применять их таким образом, чтобы это было актуально и эффективно в условиях цифровой революции. Таким образом, богословские и философские исследования смогут и дальше изучать и поддерживать пастырский путь Церкви и вносить свой вклад в задачу Магистериума по просвещению совести верующих и направлению их усилий на то, чтобы сделать жизнь наших обществ более справедливой и братской.

Основы социальной доктрины

Человек: образ Троицкого Бога

48. Социальная доктрина Церкви приводит нас к самому сердцу нашей веры: тайне живого Бога, явленного в Иисусе Христе, Который, как общение Лиц — Отца, Сына и Святого Духа — есть сама любовь в отношениях, выраженная во взаимном самоотдаче и в сопричастности миру. [51] Как напомнил Собор, люди призваны к общению с Богом и «могут полностью открыть свою истинную сущность только в искреннем самоотдаче». [52] Действительно, их глубочайшее призвание — войти в тринитарную динамику любви, получаемой и разделяемой.

49. Если тайна Бога как Любви является источником Социальной Доктрины, то мы видим её наиболее конкретное выражение в лице Иисуса Христа, Воплощённого Слова. Став человеком, Сын Божий входит в нашу историю и принимает человеческую плоть, принося с собой любовь, которая объединяет Его с Отцом и Святым Духом. В Нём «тайна человечности поистине становится ясной» [53], потому что Его человечность совершенно свободна, открыта для других, способна строить здоровые и прекрасные отношения и посвящена полному самоотдаче. Верующие в Него участвуют в великом деле обновления, начавшемся с тайны Его страданий, смерти и воскресения, и сотрудничают в созидании Царства Божьего, учась принимать всех мужчин и женщин как братьев и сестёр, детей одного Отца. Таким образом, как провозглашение Евангелия, так и христианская жизнь, направляемая действием Святого Духа, стремятся к социальным последствиям в мире. [54]

50. В основе христианского понимания человеческой личности лежит великое библейское утверждение о том, что мужчины и женщины созданы по образу и подобию (ср. *Быт 1:26-27*) Троица Божья. Созданный для отношений, каждый человек задуман и предназначен Богом для вступления в общение с Ним, с другими и с творением. Человеческое достоинство не зависит от способностей, богатства или положения человека в жизни, ни от правильного или неправильного выбора; вместо этого это дар, который предшествует и превосходит каждого человека, дарованный Богом как выражение Его неизменной любви. По этой причине человеческая личность всегда остается «путем для Церкви» [55] и сердцем каждого подлинного пути всестороннего развития человека. [56]

Равное достоинство всех людей

51. Святой Иоанн Павел II заявил, что «это обостренное чувство достоинства человеческой личности и ее уникальности, а также уважение, которое должно оказываться пути совести, безусловно, представляет собой одно из позитивных достижений современной культуры». [57] Это утверждение следует линии, уже изложенной Вторым Ватиканским собором, который отметил растущее признание возвышенного достоинства всех людей, их превосходства над материальными вещами и их универсальных и нерушимых прав и обязанностей. [58] Важно обеспечить, чтобы этот рост признания человеческого достоинства не был заслонен давлением новых идеологий или очень влиятельных интересов в современном мире. Среди этих идеологий я считаю особенно коварной ту, которая предполагает, что каждый человек должен зарабатывать или оправдывать свою собственную ценность, вплоть до приписывания большей ценности тем, кто более эффективен или результативен. С этой точки зрения, люди в конечном итоге сводятся к средству достижения результатов, ресурсу, который можно использовать и эксплуатировать, и больше не признаются самоцелью, которую никогда нельзя использовать в качестве инструмента. Однако ценность личности не зависит от того, чего она достигает или производит. Существуют права, которые распространяются на каждого человека просто по причине его человеческого существования, и никакая человеческая власть не может законно отрицать или произвольно ограничивать их. [59]

52. Когда мы говорим о достоинстве, мы не всегда используем это слово одинаково. Иногда мы имеем в виду моральное достоинство, а именно то, как человек направляет свой выбор и действия. В других случаях мы думаем о социальном достоинстве, которое относится к условиям жизни человека и конкретному уважению, получаемому от общества. В других случаях мы говорим об экзистенциальном достоинстве, то есть о том, как человек воспринимает свою собственную ценность и ценность жизни. Эти аспекты достоинства могут быть усилены или ослаблены. В дополнение к этим понятиям существует также более глубокий и важный уровень онтологического достоинства. Это достоинство, которое принадлежит каждому человеку просто в силу своего существования, того, что он был создан, сотворен и любим Богом. [60] Никакой грех, неудача, унижение или исключение не могут уменьшить глубокую ценность человеческой жизни, которую Бог предопределил и призвал к существованию. [61]

53. Таким образом, фундаментальное достоинство каждого человека не приобретается и не зарабатывается, и его не нужно обосновывать. Недавняя Декларация *«Dignitas Infinita» (Бесконечное достоинство)* предлагает краткое изложение позиции Церкви по этому вопросу: «Каждый человек обладает бесконечным достоинством, неразрывно связанным с самим его или её бытием, которое сохраняется во всех обстоятельствах, состояниях или ситуациях, с которыми человек может когда-либо столкнуться» [62] — другими словами, всегда и без исключения. Достоинство каждого человека можно описать как бесконечное, как утверждал святой Иоанн Павел II [63], по двум причинам: во-первых, потому что любовь Бога, призывающего нас к дружбе с Ним, бесконечна; и во-вторых, Его любовь абсолютно безусловна в том смысле, что, даже если мы будем искать бесконечно, мы никогда не найдем ничего, что могло бы стереть или отрицать её.

Высшая ценность прав человека

54. Церковь с благодарностью признает, что «движение к выявлению и провозглашению прав человека является одной из наиболее значимых попыток эффективно ответить на неизбежные требования человеческого достоинства». [64] В этой связи святой Иоанн Павел II заявил, что *Всеобщая декларация прав человека*, провозглашенная Организацией Объединенных Наций 10 декабря 1948 года, остается одним из высших выражений человеческой совести нашего времени. [65] Это «веха на долгом и трудном пути человечества». [66] По этой причине, с христианской точки зрения, права

человека являются не внешним дополнением к личности, а выражением неотъемлемого человеческого достоинства, которое международное сообщество призвано защищать и продвигать.

55. Права человека неприкосновенны, поскольку они «неотъемлемы для человеческой личности и человеческого достоинства». [67] Следовательно, они универсальны и неотчуждаемы. [68] Именно потому, что они основаны на общем достоинстве каждого мужчины и каждой женщины, они имеют практические последствия и юридические эффекты, ибо «было бы напрасно провозглашать права человека, если бы одновременно не делалось все возможное для обеспечения обязанности уважать их, уважать всеми, везде и для всех». [69] Среди этих прав первое — право на жизнь, от зачатия до ее естественного конца, [70] без которого невозможно осуществлять какое-либо другое право. Когда это основополагающее право отрицается — как в случаях искусственного аборта, убийства невинных и эвтаназии — мы сталкиваемся с выбором, который Церковь считает крайне неправильным. [71]

56. Глядя на наше время, мы не можем игнорировать тот факт, что защита прав человека подверглась двум особенно серьезным опасностям. Первая заключается в том, что эти права провозглашаются в чисто формальном смысле, в то время как технологический прогресс продолжается параллельно с скрытыми или открытыми нарушениями человеческого достоинства. Вторая, которая, по сути, является корнем первой, — это неспособность признать основу их универсальности, поскольку мы отказались от «поиска прочных основ, поддерживающих наши решения и наши законы». [72] Папа Франциск призвал нас не недооценивать эту последнюю проблему. Он указал, что когда разум серьезно исследует человеческую природу, он способен обнаружить ценности, применимые ко всем, поскольку они вытекают из человеческой природы. Если бы от этой задачи исследования отказались, можно предположить, что права, считающиеся сегодня неприкосновенными, в будущем могли бы быть поставлены под сомнение или отрицаться властью имущими, возможно, после того, как они получили бы лишь кажущийся консенсус от напуганного или манипулируемого населения. [73]

57. Наряду с повышением осведомленности о ценности каждого человека и его правах, растет и признание прав меньшинств. Тем не менее, еще предстоит пройти долгий путь, чтобы гарантировать, что права многих, а именно женщин, будут в равной степени и подлинно гарантированы во всем мире. Известно, что «вдвойне беднее те женщины, которые сталкиваются с ситуациями изоляции, жестокого обращения и насилия, поскольку они часто менее способны защищать свои права». [74] Поэтому недостаточно просто заявлять, что мужчины и женщины обладают равным достоинством и правами; необходимо, чтобы это отражалось в конкретных решениях, таких как законы, доступ к трудоустройству, образованию, социальным и политическим обязанностям, а также в том, как общество прислушивается к вкладу женщин и ценит его. Пока этот разрыв сохраняется, мы не можем сказать, что общество действительно и в полной мере признает, что женщины обладают тем же достоинством, что и мужчины.

58. Важны отдельные личности, каждый человек, вместе со своей семьей. Социальные движения, общественные идеологии и громкие политические заявления в интересах населения бесполезны, если они не способствуют процветанию людей — мужчин и женщин — с их неотъемлемыми правами. Точно так же недостаточно восхвалять индивидуальную свободу или частное предпринимательство, если мы затем позволяем множеству людей продолжать жить без достойной работы, защиты или доступа к основным предметам первой необходимости.

Принципы социальной доктрины

Принцип общего блага

59. Признание того, что каждый мужчина и каждая женщина обладают неотъемлемым достоинством, а также правами, которые никакая человеческая власть не может предать или аннулировать, требует от нас формирования того, как мы живем вместе, включая наш экономический и политический выбор, а также структуру наших городов. Из этого вытекает первый важный принцип социальной доктрины, который я хотел бы подчеркнуть: общее благо. Мы можем описать его как социальное выражение достоинства, признаваемого в каждом человеке. Когда Бенедикт XVI говорил о не подлежащих обсуждению ценностях, которые Церковь должна всегда защищать, он включил в их число «содействие общему благу». [75] Для христианина выход за узкие рамки собственных интересов и посвящение себя, в пределах своих возможностей, общему благу является не подлежащей обсуждению ценностью, как и содействие жизни.

60. Второй Ватиканский собор подтвердил, что общее благо состоит в «совокупности социальных условий, которые позволяют людям, как группам, так и отдельным лицам, более полно и легче достигать своего самореализации». [76] Это определение дает нам ценную отправную точку, поскольку общее благо нельзя свести к простому списку условий или институтов. Это не совокупность индивидуальных выгод и не пересечение их частных интересов; это большее благо, принадлежащее каждому, и оно может быть достигнуто, возвращено и защищено только нашими коллективными усилиями. Можно сказать, что социальное действие достигает своей полноты, когда оно направлено на это общее благо, подобно тому как моральное действие человека находит свое исполнение в выборе истинного блага. [77]

61. В этом смысле можно сказать, что целое «больше, чем сумма его частей» [78] и что именно по этой причине «простая сумма индивидуальных интересов не способна создать лучший мир для всего человечества» [79]. Действительно, это

иллюзия — думать, что простое стремление к собственному прогрессу без заботы о других достаточно для того, чтобы внести вклад в благо всех. Эта точка зрения игнорирует присущую и специфическую ценность общего блага, которое является результатом «взаимозависимости» [80], создающей сеть социального блага, которая расширяется и оказывает влияние на людей. Общее благо — это «плюс», результат взаимодействия и взаимного влияния, связывающего различные действия, инициативы, усилия и решения. Если бы мы сложили индивидуальные блага, мы не смогли бы объяснить существование этого «плюса», который превосходит их и одновременно обогащает их.

62. Именно стремление к общему благу дает жизнь народу, понимаемому не как простое собрание отдельных личностей, а как живая реальность, в которой люди учатся осознавать свою взаимосвязь и совместную ответственность за республику. В этом смысле каждый человек вносит свой вклад в развитие своего народа посредством «медленных и трудных усилий, требующих стремления к интеграции и готовности достичь этого путем развития мирной и многогранной культуры взаимодействия». [81] Совместная работа на общее благо означает наличие общего видения. Ясно, что между людьми существует множество идеологических и практических различий, а также различных интересов и частых разногласий, но это не означает, что невозможно вести диалог для установления ряда основных соглашений, позволяющих создать общее видение, на основе которого все могут двигаться вперед вместе.

63. Государство обязано обеспечивать сплоченность, единство и надлежащую организацию гражданского общества, чтобы общее благо могло быть достигнуто с участием каждого. На практике это означает, что на государственных органах лежит деликатная обязанность «гармонизировать различные отраслевые интересы с требованиями справедливости» [82], стремясь к балансу между индивидуальными интересами и общим благом, не оставляя без внимания наиболее уязвимых. Когда политика отказывается от долгосрочной перспективы и сводится к краткосрочным расчетам или бесплодной поляризации, тогда язык общего блага теряет доверие, и одновременно растет социальное неравенство и разобщенность.

64. Это также относится к международной политике. По мере того как разрыв между нациями увеличивается, начинает укореняться менталитет конфронтации и агрессии, и трудный путь к более единому и братскому миру сталкивается с новыми и болезненными препятствиями. В этом контексте говорить о совместном пути к более справедливому развитию для всей человеческой семьи «звучит как безумие». [83] Тем не менее, мы не должны терять надежду. Я призываю всех задуматься о путях сотрудничества и о более эффективных международных институтах, способных защищать общее благо всего мира, не ставя под угрозу законное многообразие народов и наций. Действительно, содействие общему благу никогда не может быть отделено от уважения права народов на существование, на сохранение своей идентичности и на внесение своих уникальных качеств в семью народов. [84] Более того, любая попытка или план по уничтожению или порабощению нации является крайне аморальным и, следовательно, неприемлемым.

Принципуниверсальное место назначения товаров

65. «Среди многочисленных последствий общего блага непосредственное значение приобретает принцип всеобщего предназначения благ». [85] Прежде всего, этот принцип напоминает нам, что блага земли — почва, вода, воздух и природные ресурсы — даны Богом всему человечеству для поддержания жизни всех, и что каждый человек имеет неотъемлемое право на использование таких благ как сейчас, так и в будущем. Святой Иоанн Павел II напоминал, что «Бог дал землю всему человечеству для пропитания всех его членов, не исключая и не отдавая предпочтение никому». [86] Следовательно, «не соответствует Божьему замыслу использовать этот дар таким образом, чтобы его блага доставались исключительно избранным». [87] Сегодня мы призваны признать, что это всеобщее предназначение относится не только к материальным благам, но и к нематериальным и культурным благам.

66. Безусловно, существует право на частную собственность, которое имеет свое специфическое значение и цель, однако оно всегда подчинено всеобщему предназначению благ. По словам Иоанна Павла II, это подчинение является золотым правилом общественного поведения и «первым принципом всего этического и социального порядка». [88] В церковной традиции собственность рассматривалась как средство защиты и управления благами, чтобы они лучше служили общему благу. Поскольку «христианская традиция никогда не признавала право на частную собственность как абсолютное или неприкосновенное», [89] его социальная функция не должна рассматриваться как просто богословское мнение, а как доктрина Церкви, уже присутствующая в Священном Писании и в трудах Отцов Церкви. По этой причине Папа Франциск напомнил нам, что солидарность, если она проявляется в полной мере, также означает «возвращать бедным то, что им принадлежит». [90]

67. Сегодня к благам, предназначенным для всех без исключения, необходимо также отнести новые формы собственности, такие как патенты, алгоритмы, цифровые платформы, технологическая инфраструктура и данные. В условиях, когда богатство наций все больше зависит от знаний и технологий, когда эти блага остаются сосредоточенными в руках немногих, без адекватных форм обмена и доступа, возникает новый дисбаланс, противоречащий универсальному предназначению благ. В свою очередь, это увеличивает разрыв между включенными и исключенными, между теми, кто может участвовать в цифровой революции, и теми, кто остается на периферии. Кроме того, забота о нашем общем доме и наша ответственность перед бедными и будущими поколениями требуют, чтобы использование созданных благ и новых

возможностей, предоставляемых технологиями, регулировалось таким образом, чтобы уважать окружающую среду, избегать отходов и предотвращать новые формы эксплуатации.

Принцип субсидиарности

68. Принцип субсидиарности вытекает из того же самого понимания человеческой личности, которое направляло наши размышления о достоинстве и общем благе. Если каждая женщина и каждый мужчина призваны брать на себя ответственность за свою жизнь и вносить вклад в формирование общества, то социальные институты также должны уважать и поддерживать эту ответственность. Социальная доктрина Церкви называет субсидиарность принципом, согласно которому роль отдельных лиц, семей, местных сообществ и посреднических организаций не должна заменяться органами власти более высокого уровня. Более того, институты более высокого уровня должны признавать, защищать и поощрять свободу и творчество организаций более низкого уровня, координируя их вклад таким образом, чтобы они могли эффективно сотрудничать на благо общества. [91]

69. Начиная с Льва XIII и истоков современного социального учения, Церковь настаивала на том, что ни индивид, ни семья не должны быть подчинены государству, а должны иметь возможность действовать свободно, насколько это возможно, не нанося вреда общему благу. [92] Святой Иоанн Павел II подхватил и развил эту точку зрения, отметив, что политическое сообщество служит гражданскому обществу и что государство должно защищать общее благо, вмешиваясь при необходимости, но не заменяя навсегда обязанности посреднических организаций и социальных институтов. [93] Принцип субсидиарности не оправдывает отстранение государства, а скорее направляет его действия. Действительно, государственное вмешательство необходимо именно для того, чтобы все социальные субъекты могли выполнять свою миссию, не будучи подавленными. Ответственность политического сообщества заключается в создании условий, позволяющих отдельным лицам, семьям, ассоциациям и посредническим организациям выполнять свою миссию в обществе, не будучи замененными или сведенными к простым посредникам. [94]

70. Этот принцип побуждает нас выйти за рамки любой формы патерналистского или основанного на социальном обеспечении управления общественной жизнью и вместо этого способствовать развитию культуры общей ответственности в государстве, которое ценит инициативу граждан, и гражданского общества, способного укреплять связи и мобилизовывать энергию на благо общества. В соответствии с принципом субсидиарности решения принимаются на максимально близком уровне к заинтересованным лицам, тем самым способствуя развитию общественной жизни и избегая ситуации, когда людям предлагаются уже принятые решения. Таким образом, люди могут участвовать в процессе принятия решений. Когда семьи, ассоциации, местные сообщества, волонтерские организации и так называемый «третий сектор» признаются и поддерживаются, социальная жизнь становится более доступной для людей, услуги становятся более соответствующими реальным потребностям, а решения — более креативными и уважительными к достоинству каждого человека. [95]

71. Принцип субсидиарности особенно применим в контексте цифровой революции. Здесь высшим уровнем является не государство, а крупные экономические и технологические субъекты, которые фактически осуществляют власть над условиями повседневной жизни. Этот уровень, монополизирующий экспертизу, данные и полномочия по принятию решений, включает компании и платформы, которые определяют условия доступа, правила прозрачности, формы взаимодействия и даже экономические возможности. Принцип субсидиарности требует, чтобы такие процессы не навязывались сверху непрозрачным и односторонним образом, а были направлены на общее благо с прозрачностью, подотчетностью и значимыми формами участия (включая независимые проверки, прозрачность в отношении алгоритмов, равный доступ к данным и возможности обжалования). [96]

72. В этом контексте государства и транснациональные институты призваны обеспечить справедливые правила и эффективные гарантии, чтобы местные сообщества, посреднические организации, школы, университеты, религиозные учреждения и ассоциации имели право голоса и могли вносить свой вклад в принятие решений, затрагивающих повседневную жизнь людей, таких как занятость, доступ к услугам, управление данными и цифровая среда. Когда речь идет о решениях, касающихся экономических потоков и цифровых платформ, а также управления данными и алгоритмами, мы не можем позволить горстке участников диктовать эти процессы самостоятельно; вместо этого мы должны выстраивать формы сотрудничества, которые уважают различные уровни глобального сообщества и возлагают на них совместную ответственность за общее благо. [97]

Принцип солидарности

73. Рассмотрев общее благо и принцип субсидиарности, я хотел бы поразмышлять о принципе солидарности. Он вытекает из видения человеческой личности, порожденного верой, а именно, что каждый человек создан по образу Божьему и является частью сети отношений, которые связывают его с другими, с определенными группами населения и с творением. Святой Павел VI заметил, что обязательства солидарности, справедливости и милосердия коренятся в человеческих и сверхъестественных братских узах, которые объединяют отдельных людей и группы населения. [98] Братство — это не просто стремление верующих, но социальная и политическая реальность, которая должна быть воплощена в

коллективных решениях и усилиях. Таким образом, солидарность — это конкретное признание того, что будущее каждого человека связано с будущим всех; действительно, «никто не спасается в одиночку». [99] Тесная связь между субсидиарностью и солидарностью становится очевидной. Когда субсидиарность не связана с солидарностью, она в конечном итоге становится лишь защитой частных интересов; Когда солидарность не подкрепляется субсидиарностью, она вырождается в форму благосостояния, которая не способствует ответственности. [100] Эта взаимосвязь также относится к ответственности за подлинное участие. Солидарность выражается, когда каждый человек, как индивидуально, так и коллективно, принимает участие в жизни сообщества — оставаясь информированным, взаимодействуя с другими, высказывая свое мнение и внося свой вклад в общественные решения и выборы, — принимая на себя реальную ответственность, чтобы общее благо достигалось посредством совместного принятия решений.

74. Во многих областях мы уже переживаем своего рода « фактическую солидарность », поскольку наши жизни переплетены; цифровые сети связывают людей и сообщества по всему миру в режиме реального времени, а глобальная экономика и коммуникации означают, что события в одном месте имеют далеко идущие последствия. Однако эта сеть взаимоотношений представляет собой солидарность в самом полном смысле этого слова только тогда, когда она становится осознанным выбором. Вера призывает нас рассматривать эту реальность как призыв: мы не просто соседи друг другу, но доверены друг другу, чтобы каждый из нас мог взять на себя ответственность, насколько это в наших силах, за жизни и страдания наших братьев и сестер. Солидарность возникает именно тогда, когда мы решаем не оставаться равнодушными к тому, что происходит с нашим соседом, а вместо этого преобразовывать неизбежные связи — экономические, культурные и технологические — в пути обмена, сотрудничества и взаимной заботы, принимая идею « мышления и действия в терминах сообщества ». [101]

75. Социальное учение Церкви подчеркивает, что солидарность является одновременно принципом и добродетелью. Как принцип, она выражает объективный порядок отношений между отдельными людьми, группами и народами, указывая на осознание взаимозависимости, при которой благо каждого человека зависит от блага других. Как добродетель, она требует « твердой и настойчивой решимости » [102] стремиться к общему благу, уделяя особое внимание тем, кто больше всего в этом нуждается. Папа Франциск отметил, что солидарность — это « способ творить историю » [103], который создает сообщества, а не просто массы отдельных людей. По этой причине она требует скромного и совместного образа жизни, способности отказаться от сиюминутных выгод ради создания возможностей для других в будущем, а также готовности оспаривать привычки и привилегии — в том числе связанные с цифровым потреблением и использованием технологий — когда они мешают другим жить достойно.

76. В мире, отмеченном все более тесными связями между людьми, сообществами и нациями, солидарность также приобретает глобальное измерение. Бенедикт XVI решительно подчеркивал связь между развитием, справедливостью и ответственностью перед будущими поколениями, заявляя, что подлинное развитие требует солидарности и межпоколенческой справедливости [104], а также осознания связей, объединяющих нас с окружающей средой. Сегодня эта ответственность распространяется и на цифровую и информационную инфраструктуру. Как и окружающая среда, « цифровая экосистема » может быть сохранена или использована, разделена или монополизирована. Солидарность требует, чтобы решения, касающиеся данных, алгоритмов, платформ и искусственного интеллекта, учитывали не только непосредственную выгоду для немногих, но и влияние на все народы и на будущие поколения.

Принцип социальной справедливости

77. Для христианской общины социальная справедливость — это конкретный способ следовать за Иисусом и оставаться верным Евангелию. В Новом Завете Иисус провозглашает « благую весть нищим » (Лк 4:18) и отождествляет себя с нищими, больными, заключенными и странниками (ср. Мф 25:31-46). Таким образом, Он учит нас, что справедливость рождается из братства и исполняется в нем, потому что то, как мы относимся к самым обездоленным среди нас, становится в конкретных терминах мерилom наших отношений с Богом и с нашими братьями и сестрами. Однако справедливость касается не только поведения отдельных людей, но и того, как устроены и организованы структуры общества. В этом отношении Второй Ватиканский собор напоминает нам, что каждое учреждение призвано служить человеческой личности и ее достоинству. [105] Таким образом, социальная справедливость характеризуется способностью социального, экономического и политического порядка позволить каждому — особенно самым слабым — жить по-настоящему достойной жизнью, никого не оставляя позади.

78. В недавнем Магистерии настаивали на том, что социальная справедливость начинается с самых обездоленных. Святой Иоанн Павел II говорил о предпочтительном выборе в пользу бедных [106], который должен определять как личные, так и общественные решения, в то время как Папа Франциск осудил « культуру выбрасывания » [107], порождающую все новые формы исключения. С этой точки зрения, социальная справедливость требует от нас рассматривать отдельных людей и сообщества, начиная с наиболее уязвимых: бедных, мигрантов, беженцев, внутренне перемещенных лиц, жертв насилия и людей, живущих на городских или экзистенциальных окраинах.

79. Идея « социальной справедливости » помогает нам понять, что несправедливость возникает не только из-за неправильного выбора отдельных людей, но и из-за структур, механизмов и экономических и культурных систем, которые

почти автоматически порождают неравенство. Святой Иоанн Павел II говорил в этом ключе о структурах греха [108], которые противостоят воле Божьей и требуют приверженности личному и социальному обращению. В этой перспективе справедливость – это не просто более справедливое распределение ресурсов или исправление существующей несправедливости, но и приобретает восстановительное измерение. Она направлена на восстановление разорванных связей и реинтеграцию тех, кто был исключен, принимая во внимание раны, нанесенные несправедливостью, такой как войны, колониализм, расовая или гендерная дискриминация, насилие в отношении целых народов и эксплуатация. Это может включать в себя восстановление достоинства и голоса тех, кто был проигнорирован, содействие процессам исцеления коллективной памяти, противодействие дискриминационным законам и практикам, а также оказание конкретной поддержки тем, кто все еще несет последствия несправедливости, совершенной в прошлом.

80. В наше время социальная справедливость должна также учитывать среду, формируемую цифровыми технологиями. Распространение глобальных сетей, платформ и систем искусственного интеллекта меняет способы получения информации, общения и доступа к услугам. Справедливость требует предотвращения появления новых форм исключения и лишения свобод: отдельных лиц и народов, которым ограничен или отказано в доступе к базовым технологиям, сообществ, подвергающихся навязчивому наблюдению, и социальных групп, наказуемых непрозрачными алгоритмами, которые увековечивают предрассудки и дискриминацию. В цифровую эпоху справедливый общественный порядок гарантирует каждому равный доступ к возможностям, защищает самых молодых и слабых членов общества, борется с ненавистью и дезинформацией и подчиняет использование данных и технологий общественному контролю, так что руководящим принципом является не только прибыль, но и достоинство каждого человека и общее благо всех людей.

81. Сегодня лакмусовой бумажкой социальной справедливости является отношение к мигрантам, беженцам и тем, кто вынужден переселяться из-за бедности, насилия, изменения климата и экологических катастроф. То, как общество относится к ним, показывает, движет ли его чувство справедливости страх или дух братства. Папа Франциск призвал нас рассматривать мигрантов не просто как проблему, которую нужно решить, а как живой образ Народа Божьего в движении. [109] Это люди, обладающие достоинством, ресурсами и мечтами, которые имеют право на уважительное отношение и на то, чтобы стать активными членами общества, которое их принимает. Социальная справедливость в этой области предполагает как минимум два взаимодополняющих обязательства. С одной стороны, это означает защиту законных надежд тех, кто вынужден покинуть страну, путем обеспечения безопасных и законных путей, достойных условий для их приема и подлинных путей интеграции. С другой стороны, это означает содействие праву оставаться на родине в мире и безопасности путем устранения коренных причин, вынуждающих людей мигрировать, включая те, которые связаны с экономической несправедливостью и климатическим кризисом. При соблюдении этих прав миграция может стать возможностью для встреч и взаимного обогащения между народами.

Целостное развитие человека

82. В своей энциклике *Populorum Progressio* Павел VI утверждал, что развитие является подлинным только в том случае, если оно «целостно», то есть может «способствовать развитию каждого человека и человека в целом». [110] В последующие десятилетия Социальная доктрина Церкви вновь и вновь обратилась к этому выражению, чтобы указать на практические способы, которыми благородные принципы — достоинство, общее благо, всеобщее предназначение благ, субсидиарность, солидарность и социальная справедливость — реализуются в реальной жизни. Под «целостным развитием человека» мы понимаем процесс, в котором рост отдельных людей и народов охватывает все измерения существования и открывает будущее для последующих поколений.

83. Для отдельных людей, как и для наций, развитие является одновременно долгом и правом. Необходимы минимальные условия для того, чтобы каждый человек и каждый народ могли процветать в соответствии со своим достоинством, не находясь в состоянии зависимости или лишены доступа к необходимым благам. Развитие является по-настоящему гуманным, когда оно ставит людей в центр, а не накопление богатства, и когда оно касается как отдельных людей, так и народов. Справедливость требует признания прав общества и прав народов, а также включает в себя ответственность перед будущими поколениями. Развитие не является по-настоящему гуманным, если оно увеличивает потребление для одних, перекладывая издержки и бремя на других, или отводит целые регионы на подчиненные позиции, препятствуя им в полной мере реализовать свой потенциал. [111] Развитие является целостным, когда оно не ограничивается экономической сферой, а способствует повышению качества жизни в ее духовном, культурном, моральном и межличностном измерениях, уважая при этом наш общий дом, разнообразие народов и их образ жизни. [112]

84. Сегодня концепция целостного развития человека является эталоном для оценки целостной экологии, которая стала неотъемлемой частью социальной доктрины Церкви. Действительно, качество развития измеряется способностью интегрировать справедливость по отношению к людям и заботу о нашем общем доме, а также содействовать достойным условиям жизни, доступу к необходимым благам, справедливым социальным отношениям, заботе о природе и вниманию к будущим поколениям. Отсюда следует, что истинный прогресс — это не то, что повышает благосостояние одних за счет деградации экосистем, перекладывания издержек на наиболее обездоленные сообщества или ухудшения условий жизни тех, кто придет после нас.

85. В этом свете целостное развитие человека является основой для интерпретации изменений нашего времени, включая те, которые вызваны цифровой революцией. Технологические инновации, включая искусственный интеллект, не являются нейтральными, поскольку они могут либо способствовать участию и справедливости, либо усугублять неравенство, контроль и изоляцию. По этой причине их необходимо оценивать, задавая важнейший вопрос: действительно ли они помогают отдельным людям и народам стать более гуманными и братскими, уважая при этом наш общий дом и будущие поколения? Именно здесь принципы социальной доктрины становятся конкретными критериями для различения вопросов, которые мы рассмотрим в следующих главах.

Анэкзамен для Церкви

86. В заключение я хотел бы затронуть момент, который мне особенно близок. Социальная доктрина — это не просто послание, адресованное обществу; это также самоанализ совести Церкви — дома и школы общения, которая всегда призвана обеспечивать применение принципов, изложенных в этой главе, особенно в рамках своих собственных структур. В церковном контексте общее благо принимает форму синодального подхода к миссии на службе Царства. Действительно, Церковь является «общинным и историческим субъектом синодальности и миссии». [113] Это требует внимания к тому, как принимаются решения и осуществляется ответственность. В Итоговом документе Синода культура прозрачности, подотчетности и оценки определяется как ключевые практики для миссионерского преобразования. [114]

87. С учетом этого, принцип субсидиарности становится руководящим принципом управления и пастырской жизни. Он предполагает признание и поддержку верующих и посреднических церковных организаций в выполнении ими своих обязанностей, ценность харизмы и навыков и избегание любых форм патернализма, которые душат евангельскую свободу. На практике участие крещеных в процессах принятия решений и их общая ответственность за миссию достигаются посредством подлинных, а не просто номинальных, органов участия. [115]

88. Для христианской общины солидарность черпает свой источник в тайне Христа и питается Евхаристией. Солидарность возникает из общения в вере и Таинств: Крещение и Миропомазание объединяют нас во Христе, так что мы становимся одним Телом и одним Духом, одним Сердцем и одной Душой (ср. *Еф.* 4:4; *Деян.* 4:32). Евхаристия, являющаяся таинством единства, питает нашу принадлежность к Телу Христову и учит нас делиться. Разнообразные чувства, присутствующие в Церкви, и твердые убеждения, которые оживляют каждого человека, являются источником богатства, если они остаются укорененными в уверенности, что единство — это полученный дар и ответственность, которую необходимо исполнять.

89. Воплощение справедливости в Церкви означает очищение церковных отношений и структур от искажений, порождающих неравенство, отсутствие прозрачности и злоупотребление властью. В этом отношении выслушивание жертв духовного, экономического, институционального, сексуального и основанного на власти насилия, а также злоупотреблений совестью, является неотъемлемой частью пути к справедливости, который включает в себя признание причиненного вреда, справедливое возмещение и принятие мер по предотвращению повторения подобного. Всякая власть служит общению и миссии. Всякая власть служит народу Божьему. Это служение выражается не только через нашу веру, отмечаемую и проживаемую в Таинствах, и в принятии синодального стиля, но и в конкретном распределении благ. Следуя примеру ранней Церкви, церковные ресурсы необходимо распределять таким образом, чтобы никто из нас не нуждался (ср. *Деяния* 4:34), и чтобы их использование поддерживало миссию провозглашения Евангелия беднейшим. Регулярная оценка исполнения служебных обязанностей должна поощряться не как суждения об отдельных лицах, а как инструменты обучения и исправления, ориентированные на миссию. [116] Только в той мере, в какой мы открыты действию Святого Духа, эти принципы Социальной Доктрины воплотятся в церковной жизни. Таким образом, Церковь сможет убедительно свидетельствовать обществу о том, что совместное стремление к общему благу, с общей ответственностью и братством, — это не утопия, а реальная возможность. [117]

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТЕХНОЛОГИИ И ДОМИНИРОВАНИЕ.

Величие человечества в свете обещаний искусственного интеллекта

90. Вспомнив принципы, проливающие свет на социальную доктрину, я хотел бы теперь сосредоточиться на некоторых проблемах, которые глубоко формируют наш образ жизни сегодня. Библейский образ, сопровождающий эти размышления, — это строительный проект. С одной стороны, есть Вавилонская башня, где коллективные усилия следуют плану, который доминирует и в конечном итоге дегуманизирует (ср. *Быт.* 11:1-9). С другой стороны, есть руины Иерусалима, которые под руководством Неемии восстанавливаются по частям в рамках проекта общей ответственности (ср. *Неем.* 2-6). Мы призваны размышлять о великих «строительных площадках» нашей эпохи и спрашивать: что мы строим? Поскольку технологическое развитие быстро трансформирует языки, отношения, институты и формы власти, мы, верующие, должны и можем выбирать, над какими проектами работать и каким образом, чтобы сохранить и ценить величие человечества, дарованное нам как дар. Это выбор не только для нашего будущего, но и для нашего настоящего, поскольку искусственный интеллект и другие новые технологии уже стали частью нашей повседневной жизни.

91. Я убежден, что конкретный способ осуществления социальных отношений в свете Евангелия не установлен раз и навсегда, но остается задачей, возложенной из поколения в поколение на христианскую общину. Под руководством Святого Духа Церковь позволяет себе быть просвещенной словом Божиим, читает знаки времени и творчески ищет новые пути для того, чтобы отношения между народами и нациями все больше соответствовали требованиям Царства Божьего. [118] Поэтому я призываю всех членов Церкви не бояться нынешних вызовов, но слушать друг друга и твердо брать на себя ответственность за построение более гуманного и братского общества.

Технократический парадигма и цифровая власть

92. В своей энциклике *Laudato Si'* Папа Франциск осудил растущее господство технократической парадигмы [119] в нашем глобализованном мире: тенденцию позволять логике эффективности, контроля и прибыли в одиночку формировать личные, социальные и экономические решения. Это ясно показывает, что технология — это не просто инструмент. Когда она становится стандартом, по которому все оценивается, она начинает диктовать, что важно, а что можно отбросить, сводя созидание к объекту эксплуатации, а людей — к простым винтикам в системе, стремящейся к постоянно возрастающей эффективности.

93. Эта парадигма быстро распространилась в последние годы, отчасти благодаря развитию искусственного интеллекта, когнитивной науки, нанотехнологий, робототехники и биотехнологий. Сами по себе эти инновации могут в значительной степени способствовать всестороннему развитию человека и заботе о нашем общем доме. Однако именно из-за своей мощи они также могут ускорить распространение технократической парадигмы и, следовательно, потребовать новой духовной, этической и политической структуры. Большая власть не обязательно означает что-то лучшее. В этом отношении слова Романо Гуардини остаются актуальными: «Современного человека не научили хорошо использовать власть». [120]

94. Опасность того, что человечество станет жертвой собственных достижений, была ясно осознана еще святым Павлом VI, который предупреждал, что «самый выдающийся научный прогресс, самые поразительные технические достижения и самый удивительный экономический рост, если они не сопровождаются подлинным моральным и социальным прогрессом, в конечном итоге пойдут против человека». [121] По этой причине технологический прогресс — ценный сам по себе — требует тщательного осмысления антропологического видения, которое им руководит, и целей, которые он преследует. Если технологическое развитие продвигается без соответствующего этического и социального прогресса, результатом может стать увеличение средств без роста человечества: «иметь больше» без «быть больше». В таком сценарии существует риск того, что индивиды будут оцениваться главным образом по результатам, которые они производят. [122]

95. Здесь необходимо признать еще один важный аспект, который я уже отмечал ранее. Во многих случаях в цифровом контексте контроль над платформами, инфраструктурой, данными и вычислительными мощностями находится не в руках государств, а в руках крупных экономических и технологических игроков. Эти структуры фактически устанавливают условия доступа, определяют правила прозрачности и формируют сами возможности для участия. Когда такая власть сосредоточена в руках немногих, она, как правило, становится непрозрачной и ускользает от общественного контроля, что увеличивает риск искаженных форм развития, порождающих новые зависимости, исключения, манипуляции и неравенство.

96. В условиях такой концентрации власти в цифровом мире критериями оценки и суждения в этой новой ситуации являются благородные принципы социальной доктрины: неотъемлемое достоинство человеческой личности, общее благо, универсальное предназначение благ, субсидиарность, солидарность и социальная справедливость. Они требуют от нас оценки того, действительно ли власть цифровых инфраструктур и алгоритмов способствует участию и ответственности, защищает уязвимые группы населения, обеспечивает справедливый доступ к возможностям и остается направленной на благо всех. На этой основе мы можем теперь более подробно изучить, что такое искусственный интеллект, какие возможности он открывает и какие риски влечет за собой.

Искусственный интеллект

97. Я не ставлю перед собой цель здесь предложить всеобъемлющее рассмотрение искусственного интеллекта, а также дать обзор обширной соответствующей литературы, поскольку авторитетные работы уже существуют, в том числе и в церковном контексте. [123] Я ограничиваюсь лишь напоминанием нескольких существенных элементов для морального и социального различия, которое гарантирует первенство человеческой личности, чтобы обеспечить, что именно человеческий интеллект, со своей совестью и свободой, всегда будет направлять технические инновации и ответственно определять их использование и ограничения.

98. Перед началом обсуждения уместно сделать два замечания. Во-первых, любое утверждение об ИИ рискует быстро устареть, учитывая поразительные темпы развития этих систем. Во-вторых, все мы, включая тех, кто их разрабатывает, обладаем лишь ограниченным пониманием их фактического функционирования. Действительно, современные системы ИИ скорее «культивируются», чем «создаются», поскольку разработчики не проектируют непосредственно каждую

деталь, а создают структуру, в рамках которой интеллект «растет». В результате фундаментальные научные аспекты — такие как внутренние представления и вычислительные процессы этих систем — в настоящее время остаются неизвестными. Таким образом, возникает острая необходимость в двойном подходе: с одной стороны, углублении научных исследований; с другой — проявлении моральной и духовной проницательности.

99. Невозможно дать единое, всеобъемлющее определение ИИ. Однако можно сказать, что мы должны избегать ошибочного представления о том, что этот тип «интеллекта» приравнивается к человеческому. Эти системы лишь имитируют определенные функции человеческого интеллекта. При этом они часто превосходят человеческий интеллект по скорости и вычислительным возможностям, предлагая ощутимые преимущества во многих областях. Тем не менее, эта мощь остается полностью связанной с обработкой данных. Так называемый искусственный интеллект не переживает опыт, не обладает телом, не чувствует радости или боли, не развивается через отношения и не знает изнутри, что означают любовь, работа, дружба или ответственность. У них также нет моральной совести, поскольку они не судят о добре и зле, не постигают истинный смысл ситуаций и не несут ответственности за последствия. Они могут имитировать язык, поведение и аналитические навыки, или даже моделировать эмпатию и понимание, но они не понимают, что производят, поскольку им не хватает аффективной, межличностной и духовной перспективы, благодаря которой люди растут в мудрости. Даже когда эти инструменты описываются как способные к «обучению», способ их обучения отличается от человеческого. Это не опыт тех, кто позволяет жизни формировать себя и расти со временем через выбор, ошибки, прощение и верность. Скорее, это форма статистической адаптации, основанная на данных и обратной связи, которая может быть очень эффективной, но не подразумевает внутреннего роста.

Ценный инструмент, требующий бдительности.

100. В свете сказанного мы можем лучше понять, почему ИИ может быть ценным инструментом и, в то же время, почему он требует взвешенного и бдительного подхода. В последние годы его частное использование значительно расширилось, что вызвало растущее осмысление как предоставляемых им возможностей, так и рисков, связанных с его быстрым распространением. В личном использовании особенно заслуживают внимания три аспекта: легкость получения результатов, впечатление объективности и имитация человеческого общения. Скорость и простота доступа к информации, сложным анализам, медиаконтенту и практической помощи, несомненно, облегчают жизнь. Однако они также могут способствовать чрезмерной зависимости и поиску готовых ответов, ослабляя личную креативность и способность к принятию решений. Кажущаяся объективность ответов и предложений, предоставляемых этими системами, может привести к тому, что мы упустим из виду тот факт, что они отражают культурные представления тех, кто их разработал и обучил, со всеми их сильными и слабыми сторонами. Искусственная имитация позитивного человеческого общения — слова совета, сочувствия, дружбы и даже любви — может быть привлекательной и порой действительно полезной. Однако для менее разборчивых пользователей это может быть обманчиво, создавая иллюзию отношений с реальным человеком. Когда слова имитируются, они не создают подлинных отношений, а лишь видимость. Искусственная имитация заботы или поддержки может стать особенно рискованной в контекстах, где отсутствуют реальные отношения и эмоциональные связи. Здесь опасность заключается не столько в том, что человек может поверить, что общается с другим человеком, сколько в том, что он постепенно может потерять само желание устанавливать подлинные человеческие связи.

101. Расширяя наше понимание использования ИИ в обществе, мы видим, что он теперь интегрирован в процессы принятия решений во многих секторах и на разных уровнях: в коммуникации, управлении и контроле. Преимущества в эффективности и потенциал улучшения определенных услуг очевидны, однако быстрое и некритическое внедрение подвергает нас ряду рисков, включая тенденцию игнорировать воздействие на окружающую среду. Современные системы ИИ требуют огромного количества энергии и воды, что значительно влияет на выбросы углекислого газа, и предъявляют высокие требования к природным ресурсам. По мере увеличения их сложности, особенно в случае больших языковых моделей, растет и потребность в вычислительной мощности и емкости хранения, что требует обширной сети машин, кабелей, центров обработки данных и энергоемкой инфраструктуры. По этой причине крайне важно разрабатывать более устойчивые технологические решения, которые снижают воздействие на окружающую среду и помогают защитить наш общий дом. [124]

Ответственность, прозрачность и управление ИИ

102. Использование ИИ никогда не является чисто техническим вопросом: когда он проникает в процессы, влияющие на жизнь людей, он затрагивает права, возможности, статус и свободу. Важные и деликатные решения — касающиеся трудоустройства, кредита, доступа к государственным услугам или даже репутации человека — рискуют быть полностью делегированы автоматизированным системам, которые не знают «сострадания, милосердия, прощения и, прежде всего, надежды на то, что люди способны измениться» [125] и, следовательно, могут породить новые формы исключения. Безусловно, существуют вредные способы использования, такие как манипулирование информацией или нарушение конфиденциальности. Однако существует и более тонкая опасность, поскольку, когда системы ИИ позиционируют себя как нейтральные и объективные, они в конечном итоге отражают и усиливают стереотипы или идеологические предубеждения своих разработчиков.

103. Действительно, на практике доверить алгоритму право выбирать, кто достоин, а кто нет, без какой-либо ответственности за это суждение, значит передать задачу переопределения границ человеческих возможностей. В этом процессе теряется и политическая ответственность, а не только сочувствие к исключенным, которое, в конце концов, можно имитировать. Исключение уязвимых групп населения облекается в оболочку нейтральности и объективности, против которой становится трудно возражать. Таким образом, несправедливость остается незамеченной, а сострадание, милосердие и прощение — понимаемые не как просто видимость, а как реальные политические действия — постепенно исчезают из поля зрения.

104. Из этого следует простое, но убедительное следствие: мы не можем считать ИИ морально нейтральным. В действительности каждый технический инструмент воплощает выбор и приоритеты посредством того, что он измеряет, игнорирует и оптимизирует, а также того, как он классифицирует людей и ситуации. Если система разработана или используется таким образом, что некоторые жизни считаются менее ценными или исключаются без возможности обжалования, то это не просто инструмент, «который следует использовать во благо», поскольку он уже ввел критерии, противоречащие неотъемлемому достоинству человеческой личности. По этой причине этическое различие не может ограничиваться вопросом о том, используем ли мы систему в благих или злых целях; оно также должно исследовать, как эта система разработана и какое видение человеческой личности и общества заложено в данных и моделях, которые ею управляют. [126]

105. Для того чтобы ИИ уважал человеческое достоинство и действительно служил общему благу, ответственность должна быть четко определена на каждом этапе: от тех, кто проектирует и разрабатывает эти системы, до тех, кто их использует и полагается на них при принятии конкретных решений. Однако во многих случаях внутренние процессы, ведущие к результату, остаются непрозрачными, что затрудняет определение ответственности и исправление ошибок. Именно здесь подотчетность становится решающей: возможность определить, кто должен «отчитываться» за принятые решения, обосновывать их, контролировать их и, при необходимости, оспаривать их и устранять причиненный вред. [127]

106. Призывы к осмотрительности, тщательной оценке и даже, порой, замедлению темпов внедрения ИИ не означают противодействия прогрессу; напротив, это проявление ответственной заботы о человечестве. Эта необходимость тем более актуальна, учитывая частый дисбаланс между скоростью технологического роста и более медленным развитием осведомленности, норм, гарантий и институтов, способных регулировать его последствия. Недостаточно абстрагироваться от этики; необходимы надежные правовые рамки, независимый надзор, информированные пользователи и политическая система, не отказывающаяся от своей ответственности. В противном случае изменения будут регулироваться только технократическим мышлением и представляться как необходимые и неизбежные, в конечном итоге навязывая правила, сформированные теми, кто контролирует данные, инфраструктуру и вычислительные мощности.

107. Мы не можем довольствоваться лишь призывами к морализации машин — так называемому «соответствию» ИИ человеческим ценностям — без смелости настоять на еще одном условии: возможности открытого обсуждения этических рамок и подчинения их общим стандартам социальной справедливости. В противном случае те, кто контролирует ИИ, навязут свое собственное моральное видение, которое станет невидимой инфраструктурой этих систем. Более морального ИИ недостаточно, если эта мораль определяется немногими. Необходимо более активное политическое участие, способное замедлить процессы, когда все ускоряется, и защитить возможности для сообществ, которые все еще могут участвовать и задавать вопросы.

108. Фактически, как и любой крупный технологический сдвиг, ИИ, как правило, усиливает власть тех, кто уже обладает экономическими ресурсами, опытом и доступом к данным. В свете общего блага и универсального предназначения товаров это вызывает серьезные опасения, поскольку небольшие, но весьма влиятельные группы могут формировать информационные и потребительские модели, влиять на демократические процессы и направлять экономическую динамику в свою пользу, подрывая социальную справедливость и солидарность между народами. По этой причине крайне важно, чтобы использование ИИ, особенно когда оно затрагивает общественные блага и основные права, регулировалось четкими критериями и эффективным надзором, основанным на участии и принципе субсидиарности. Сообщества и посреднические организации не должны быть сведены к пассивным получателям решений, принимаемых где-либо еще; они должны иметь возможность вносить свой вклад в принятие решений и надзор. Более того, право собственности на данные не может оставаться исключительно в частных руках, а должно надлежащим образом регулироваться. Данные являются продуктом многих участников и не должны рассматриваться как нечто, что можно продать или доверить избранным. Необходимо мыслить творчески, чтобы управлять данными как общим или общим благом, в духе участия, как уже предлагал святой Иоанн Павел II в отношении коллективных благ. [128]

109. Принципы социальной доктрины предлагают основу для понимания этой новой реальности. В мире, где данные, вычислительные ресурсы и регулирующее влияние остаются в руках немногих, говорить об общем благе означает разоблачение этой новой формы эпистемологической, экономической и политической асимметрии и обозначение новых монополий ИИ. Говорить об универсальном предназначении благ означает поиск способов обеспечения универсального

доступа как к технологиям, так и к образованию, необходимому для их использования. Говорить о субсидиарности требует защиты способности сообществ делать выбор и вносить коррективы, а не ограничивать их роль простым надзором после того, как стандарты установлены в другом месте. Говорить о солидарности обязывает нас признать скрытых, часто эксплуатируемых работников, которые поддерживают алгоритмические системы. Говорить о справедливости требует поставить под сомнение глобальное распределение власти, которое определяет, кто на самом деле может обучать эти модели, а кто просто подчиняется им. Точно так же это означает признание того, что социальная справедливость — это не только цель, которую необходимо защищать после внедрения технологий, но и условие, которое должно определять саму их разработку с самого начала.

110. Наконец, я хотел бы использовать выражение «разоружить», которое мне очень близко. Разоружение ИИ означает освобождение его от менталитета «вооруженной» конкуренции, которая сегодня не ограничивается лишь военным контекстом, но также является экономическим и когнитивным феноменом. Это подразумевает гонку за все более мощными алгоритмами и большими массивами данных, движимую желанием обеспечить геополитическое или коммерческое доминирование. Разоружить означает дискредитировать предположение о том, что техническая мощь автоматически дает право на управление. Разоружить не означает отвергать технологии, а предотвращать их доминирование над человечеством. Это означает освобождение технологий от монополистического контроля и открытие их для обсуждения и дебатов, тем самым делая их удобными для человека и возвращая их в многообразие человеческих культур и образов жизни. Наша задача сегодня не только этическая или техническая. Она экологическая в самом глубоком смысле, поскольку касается нового измерения нашего общего дома. ИИ уже является средой, в которой мы погружены, а также силой, с которой мы должны взаимодействовать. По этой причине простого регулирования недостаточно; Оно должно быть непринужденным, гостеприимным и доступным.

111. Я хотел бы обратиться с особым призывом к тем, кто разрабатывает искусственный интеллект. В некотором смысле, технологические инновации могут представлять собой участие человека в божественном акте творения. Поэтому разработчики несут особую этическую и духовную ответственность, поскольку каждый проектный выбор отражает видение человечества. Подобно тому, как создатель художественного или литературного произведения должен учитывать ценности, которые оно передает, разработчики призваны с должной серьезностью внедрять эти ценности в свои проекты: с прозрачностью, ответственностью перед затронутыми сообществами и тщательным вниманием к обеспечению того, чтобы то, что культивируется, было подлинным благом.

То, что нельзя упустить

112. Рассмотрев вопросы ответственности и управления ИИ, мы должны вернуться к нашему центральному вопросу: что значит защитить нашу человечность? Риск выходит за рамки злоупотребления некоторыми технологиями. Еще более серьезна повсеместная технократическая парадигма, в которой мы живем и которая усиливается цифровой революцией и ИИ, угрожает нормализовать античеловеческое видение. В этом видении полнота жизни приравнивается к обладанию большим количеством, уменьшению слабости, устранению неопределенности и установлению тотального контроля. Когда эффективность становится высшей мерой ценности, люди начинают рассматривать себя как проект, который нужно оптимизировать, а не как личностей, призванных к взаимоотношениям и общению.

113. В действительности, возведение любого отдельного аспекта человеческого существования в абсолют всегда является ошибкой. Действительно, беспорядок возникает не только из-за дефицита; даже неконтролируемый рост может привести к обнищанию. В экосистеме баланс нарушается, когда один вид расширяется за счет других; в человеческой жизни нечто подобное происходит, когда одна способность претендует на то, чтобы быть мерилем всего. Таким образом, интеллект, будучи абсолютизированным, затмевает другие существенные аспекты жизни, такие как привязанность, воля, преданность и отношения. Аналогично, техническая мощь, если она остается несбалансированной, не делает нас более способными; она делает нас более изолированными и более уязвимыми для доминирования и исключения. Этот важный момент не противоречит интеллекту, а служит напоминанием о том, что когда интеллект становится самореферентным, его истинная цель — служение жизни и человеческой личности — теряется.

114. Качество цивилизации измеряется не мощностью её средств, а заботой, которую она способна проявлять, её способностью воспринимать другого как лицо, а не просто как функцию. Способность заботиться друг о друге — это фундаментальное измерение нашей человечности, которое приобретает и совершенствуется благодаря жизненному опыту. Чтение сказок ребёнку, общение с пожилым человеком и обустройство дома так, чтобы он был гостеприимным, — это простые жесты, часто уходящие корнями в семейную жизнь. Они учат нас ценить заботу на общественном уровне и приучают нас воспринимать других как личностей, достойных внимания. Технологии также могут поддерживать эту взаимную заботу между людьми, например, предоставляя инструменты, которые помогают нам предвидеть и организовывать события, не подрывая при этом свободу и рассудительность человека. В конце концов, люди являются субъектами отношений и несут ответственность за свои собственные решения.

Основные нарративы: трансгуманизм и постгуманизм

115. В попытке пролить свет на культурные предположения, сопровождающие продолжающуюся цифровую революцию, я хотел бы теперь обратить наше внимание на определенные течения мысли, которые интерпретируют прогресс как превосходящий человеческое состояние и которые часто объединяются под названиями трансгуманизма и постгуманизма. Эти перспективы формируют идеологическую основу, присутствующую в некоторых центрах технологической власти, и занимают коллективное воображение в упрощенной форме, особенно в средствах массовой информации и социальных сетях. Они, как правило, разжигают энтузиазм по отношению к новым технологиям посредством футуристического видения «улучшенного человека» или «гибрида человека и машины».

116. Трансгуманизм и постгуманизм охватывают множество течений и взглядов, что затрудняет их однозначное определение. Их можно сравнить с архипелагом концептуальных «островов», отдельных, но связанных общим «морем» предположений, а именно центральной ролью технологий и стремлением преодолеть пределы человеческого существования. В целом, трансгуманизм предполагает улучшение человеческих существ с помощью технологий — таких как биомедицина, биоинженерия, устройства и алгоритмы — с целью повышения производительности и возможностей. Постгуманизм, особенно в своих более радикальных формах, идет дальше: он бросает вызов антропоцентризму и предполагает гибридизацию человека, машин и окружающей среды, даже предвосхищая порог, на котором человечество превзойдет себя на новом эволюционном этапе. Даже когда такие идеи остаются в значительной степени спекулятивными, они приобретают актуальность, изменяя коллективное воображение и тем самым влияя на социальные, экономические и политические решения. [129]

117. С точки зрения социальной доктрины Церкви, ключевой вопрос заключается не в использовании технологий как таковых, а в лежащей в их основе концепции. Если к человеку относятся как к чему-то, что нужно усовершенствовать или превзойти, становится легче принять тот факт, что некоторые жизни менее полезны, менее желательны или менее достойны. Во имя прогресса могут начать оправдываться «необходимые жертвы», возлагая бремя на наиболее уязвимых в погоне за предполагаемой оптимизацией вида. В этом отношении упомянутое выше предостережение святого Павла VI сохраняет большую прозорливость: действительно, научные и технологические достижения, оторванные от морального и социального прогресса, в конечном итоге обращаются против человечества. [130] По этой причине необходимо провести четкое различие. Одно дело — интегрировать технологии в человекоцентричное, реляционное видение; совсем другое — руководствоваться взглядом, который обесценивает человеческие ограничения и обещает чисто техническую форму «спасения».

Предел, сердце и величие человеческой личности

118. Наши отношения с жизнью сегодня, кажется, переживают кризис. Все, что представляется «пределом» — неспособность, болезнь, старость, страдание, уязвимость — как правило, воспринимается прежде всего как недостаток, который нужно исправить, а не как реальность, благодаря которой наша человечность созревает и открывается для отношений. И все же мы должны помнить, что человечество процветает не *вопреки* ограничениям, а часто *благодаря* им. Свет веры предлагает перспективу на реальность, которая помогает нам распознать то, что мы называем «случайностью» вещей этого мира. Хотя стремление облегчить страдания, которые сопровождают человеческую жизнь, является правильным, также мудро признать нашу фундаментальную конечность, зная, что «религиозный опыт, и в частности христианская вера, предлагают нам жить, без упрощения, этой двойственностью между человеческим величием и ограничением, интерпретируя ее в свете наших первоначальных и фундаментальных отношений с Богом». [131]

119. Именно в пределах наших ограничений находят свое место следующие качества: сострадание, а также искренняя забота о нуждах других; щедрость, которая может проявиться даже посреди тьмы и неудач; духовный опыт и поклонение Богу. Мы видим это во многих моментах, когда наши ограничения становятся ощутимыми: когда мы сталкиваемся с отвержением, когда страдаем от болезни или потери близкого человека, когда сталкиваемся со своей собственной слабостью или неудачей. Таинственным образом именно в такие моменты мы можем открыть для себя новую мудрость, ощутить близость других и встретить присутствие Господа.

120. Даже когда ограничения воспринимаются как внутреннее страдание, человеческая мудрость учит нас не отрицать и не подавлять его, а интегрировать. Полное устранение страдания в конечном итоге означало бы также игнорирование любви и желания. Те, кто любит и желает, не могут избежать испытаний и страданий; и с годами мы носим в себе уроки, оставляющие свой след, как шрамы, воспоминания о путешествии, сформированном свободой и неудачами, мечтами и разочарованиями. Только благодаря взаимодействию этих элементов в нас происходят чудеса души, позволяющие нам ощутить богатство нашей человечности. [132] Отказаться от этого приключения, одновременно трагического и великопного, во имя предполагаемого преодоления всех ограничений, могло бы означать многое, но это перестало бы быть человеческим.

121. Моральная деградация наших ограничений как сотворенных существ — а именно зло, которое явно терзает человеческое сердце, — разрушает общество и жизнь, порой достигая крайних форм бесчеловечности. И все же даже эти болезненные проявления наших ограничений оставляют возможности для добра. Даже когда люди дегуманизируют себя и приводят к трагедии, маленький свет продолжает сиять внутри человечества, свет, который может быть вновь зажжен, с

Божьей благодатью, на путях обращения и примирения. Как справедливо заметил Виктор Франкл в моменты ужаса: «Мы познали человека таким, какой он есть на самом деле. В конце концов, человек — это то существо, которое изобрело газовые камеры Освенцима; однако он также является тем существом, которое вошло в эти газовые камеры прямо, с молитвой Господней или Шема *Израэль* на устах». [133]

122. Конечность, если её по-настоящему принять, не умаляет нас, а открывает нам путь к познанию лика Бога и других людей. Действительно, именно потому, что мы испытываем ограничения — уязвимость, страдания и неудачи — мы можем осознать нерушимое достоинство каждого человека, как своё собственное, так и чужое. В этом же опыте мы сохраняем способность интуитивно чувствовать братство, большее, чем мы сами, и воспринимать несправедливость как скандал. Подлинная культура и искусство сохраняют эту искру, сопротивляясь нормализации зла. По этой причине некоторые произведения приобрели почти пророческое значение: Девятая симфония Бетховена может рассматриваться как стремление к единству; «Герника» — как обличение дегуманизации; «Список Шиндлера» — как призыв не предать прошлое забвению.

123. История предстает не только как летопись человеческого насилия, но и как свидетельство того, что человечество способно создавать институты, защищающие нашу общую жизнь. За последние два столетия это можно увидеть в нескольких знаковых достижениях: создании Международного комитета Красного Креста (1863 г.), чья оперативная нейтральность обеспечивает сострадательную заботу обо всех; длительном процессе, приведшем к отмене рабства, который представлял собой не только юридический сдвиг, но и трансформацию совести; создании Организации Объединенных Наций (1945 г.) и Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), которые сформулировали общий язык для утверждения, по крайней мере, как общего идеала, универсальности человеческого достоинства; и Конвенции о беженцах 1951 года, которая признает обязанность защищать тех, кто бежит от преследований и опасности. В каждом из этих случаев стремление к благу обретало конкретную форму в общественном контексте — законах, институтах и практике — способных ограничить злоупотребление властью и защитить уязвимых. Однако ни одно из этих событий не прошло без сопротивления, узких интересов или культурной инерции. Нравственный прогресс почти всегда достигается долгим и трудным путем, часто отмеченным неудачами. Достаточно вспомнить зашедшие в тупик мирные процессы или медленное выполнение экологических обязательств. Сама хрупкость этих достижений подчеркивает, насколько ценна ответственность тех, кто их инициирует и поддерживает.

124. Некоторые события ясно показывают, что история может измениться, когда люди действительно серьезно относятся к достоинству каждого: движение за гражданские права в Соединенных Штатах Америки, тесно связанное со свидетельством Мартина Лютера Кинга-младшего, или окончание апартеида в Южной Африке после освобождения Нельсона Манделы и его решения не отдавать будущее ненависти. В разных контекстах также выделялись многие смелые и великодушные женщины, в том числе святая Лаура Монтойя, святая Тереза Калькуттская, Дороти Дэй, Мария Склодовская-Кюри, Мария Монтессори, Элизабет Эллиот, Вангари Маатаи, Беназир Бхутто и бесчисленное множество других с каждого континента, чья преданность делу способствовала тому, чтобы история стала более гуманной.

125. Наряду с этими публичными символами, существует более скрытая, но решающая история. Мы видим её в религиозных общинах, которые выбирают служение в бедных и опасных местах. Мы также видим её в мучениках братства и справедливости, таких как святой Максимилиан Мария Кольбе, святой Оскар Ромеро и блаженный Энрике Анжелелли; и в тех свидетелях, которые воплощали надежду Евангелия, а также человеческое достоинство в суровых, часто бесчеловечных условиях, таких как преподобный Франциск-Ксавье Нгуен Ван Тхуан. Прежде всего, она видна в «мучениках повседневной жизни», которые заботятся, обучают, сопровождают и утешают без лишней помпы, таких как родители, медсёстры, врачи, волонтеры и те, кто остаётся рядом с пожилым человеком или изгоем. Их свидетельства показывают, что добро не приходит само собой, а требует настойчивости, памяти и внутреннего преобразования, необходимых для того, чтобы начать всё заново, даже после поражения.

126. Именно это переплетение справедливых институтов, заслуживающих доверия свидетельств и ежедневной верности поддерживает надежду и обеспечивает четкое направление для технологического прогресса, не позволяя сердцу регрессировать. По этой причине человечество — во всем его величии и ранимости — никогда не должно быть заменено или превзойдено. Мы можем принять технологический прогресс, который облегчает страдания и открывает новые возможности, при условии, что мы не откажемся от самой сущности нашей человечности, а именно от способности к отношениям и любви. Это приводит к важному вопросу: если существует подлинное «больше, чем человек», где его можно найти? Христианская вера отвечает на этот вопрос, указывая на исполнение, которое возникает не из технологического обожествления, а через Божью благодать, полученную во Христе.

подлинный «Больше, чем человек»: благодать и христианский гуманизм

127. Выражение «больше, чем человек» не является исключительной прерогативой технологических достижений. На протяжении веков христианская традиция утверждала, что люди не ограничены рамками своей собственной природы; скорее, они призваны к самопреодолению не через бегство от реальности или презрение к своим ограничениям, а через их исполнение в любви. Вера признает открытость к «запредельному», которое исходит как дар Божий. Это преобразование

— дело Святого Духа. Как учил святой Фома Аквинский, этот процесс возвышения и преображения «превосходит все возможности сотворенной природы» [134], ибо бесконечная разница отделяет нашу конечную природу от жизни Бога [135]. Тем не менее, остается возможным войти в сердце этой неисчерпаемой жизни, даже путешествуя сквозь ограничения этого мира. Тот, кто делает этот переход возможным, может быть только Вечный, отдающий Себя. Действительно, именно Бог преодолевает «бесконечную» диспропорцию. [136] В Нем происходит воссоздание человеческой личности. «Кто во Христе, тот новое творение: все старое прошло, вот, все стало новым» (2 Кор. 5:17).

128. Когда мы принимаем возможность превзойти себя через благодать Божью, мы не отрицаем свою природу и не становимся менее человеческими. Напротив, как объяснил Папа Франциск: «Мы становимся полноценными людьми, когда становимся больше, чем людьми, когда позволяем Богу вывести нас за пределы самих себя, чтобы достичь полной истины нашего бытия». [137] В этом заключается радикальное отступление от прометеевских мечтаний: человечество спасает не повышение самодостаточности, а отношения, которые освобождают, общение, которое преобразует. В этом свете технология, которая лишь классифицирует и оптимизирует то, что уже существует, может, пусть и непреднамеренно, стать препятствием для перемен и роста. Для алгоритма ошибка — это недостаток, который нужно исправить; для человека же ошибка может стать катализатором глубоких перемен. Будущее человека не поддается расчету, а зависит от его свободы — возвышенной неисчерпаемой благодатью Божьей — и от культивируемых отношений.

Два города и две любви

129. Христианский гуманизм не отвергает науку или технологии, но принимает их с благодарностью и реализмом, и основывает их на более высоком призвании. Творческий интеллект человечества — это дар, способный облегчить страдания и открыть новые возможности, но он должен оставаться направленным на общее благо, справедливость, заботу об уязвимых и созидание. В этом смысле истинная альтернатива — это не между энтузиазмом и страхом, а между двумя путями развития: прогрессом, служащим отдельным людям и народам, или прогрессом, подчиняющим их менталитету власти. В конечном счете, ключевой вопрос остается тем, который задал святой Иоанн Павел II: делает ли ИИ «человеческую жизнь на земле „более человеческой“ во всех аспектах этой жизни? Делает ли он ее более достойной человека?» [138] Если ответ «да», то мы можем признать это возможностью, которую следует использовать ответственно, на пути терпеливого, совместного восстановления, подобного восстановлению Иерусалима, описанному в Книге Неемии. Однако если власть растет, а сердце увядает, а человеческие узы ослабевают, то мы сталкиваемся с новой формой Вавилона — конструкцией грандиозной, но в основе своей дегуманизирующей.

130. Постановка под сомнение этого альтернативного пути прогресса, того, как мы его интерпретируем и живем им, в конечном счете сводится к исследованию собственных сердец. То, как мы понимаем и формируем отношения, работу и институты на практике, раскрывает наши фундаментальные ценности. В конце концов, все это исходит из того, что нам дороже всего. Это любовь, которая направляет нас в том, что мы действительно ценим, как отдельные личности, так и общество, и определяет нашу жизнь и действия. Святой Августин описывал человеческую историю как борьбу между двумя видами любви, которые порождают два способа существования в мире и совместной жизни — или, так сказать, два «города»: с одной стороны, любовь к Богу и ближнему; с другой — исключительная любовь к себе. «Две любви построили два города: земной город, любовь к себе даже до презрения к Богу; небесный город, любовь к Богу даже до презрения к себе». [139] Как и на протяжении всей истории, эти две любви продолжают бороться за господство в наших сердцах и сегодня. Эпоха искусственного интеллекта не является исключением: строительство Вавилона или восстановление Иерусалима начинается внутри каждого из нас.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАЩИТА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИЙ.

ПРАВДА, ТРУД, СВОБОДА

131. Определив контекст, в котором рассматривается проблема технологической трансформации, особенно в отношении искусственного интеллекта и трансгуманистических и постгуманистических течений, мы не можем оставаться на уровне лишь общего анализа. Когда меняются языки и инструменты, меняются и повседневные действия, и социальные отношения. Поэтому мы должны сосредоточиться на определенных областях, в которых эти трансформации имеют особенно конкретные, а порой и трагические последствия. В свете принципов Социальной доктрины Церкви цифровая трансформация призывает нас заново открыть истину как общее благо, защитить достоинство труда и обезопасить свободу от всех форм зависимости и коммерциализации.

Истина как общественное благо

Правда и демократия

132. Использование цифровых платформ и систем искусственного интеллекта приводит к глубоким изменениям в общественной и политической коммуникации. Инструменты, которые могли бы способствовать диалогу и участию, часто используются для создания искаженных нарративов и размывания границ между истиной и ложью, смешивая факты с

мнениями. Дезинформация не началась с ИИ, однако сегодня она находит в нем мощный усилитель. Возможность манипулировать контентом, изображениями и видео подвергает людей предвзятым или вводящим в заблуждение взглядам. Эта проблема имеет как культурные, так и моральные аспекты, поскольку качество общественной коммуникации напрямую зависит от социального доверия и, в свою очередь, формирует его. В то же время правдивая информация не возникает в результате централизованного или автоматизированного контроля. В публичном дискурсе истинность фактов имеет рациональное измерение, поскольку требует проверки, перекрестной проверки источников и ответственной аргументации. Более того, она глубоко взаимосвязана, строится на основе доверительных отношений и общих практик, а также честного обмена с другими и с миром. Только общее стремление к достоверности фактов, воспринимаемое как общее благо, может обеспечить прочную основу для справедливой коммуникации.

133. Те, кто обладает мощными технологическими и экономическими ресурсами, а также значительным человеческим капиталом для вмешательства, имеют существенные возможности для влияния на культурные изменения. В конечном счете, они могут повлиять на значительное число людей в отношении истины о человечестве, мире, смысле существования, семье и даже Боге. Это чистая власть, оторванная от истины, которая тонко или открыто навязывает то, что, по ее мнению, другие должны принять за истину. В ее основе лежит более глубокая и часто неосознанная «болезнь»: тот факт, что «современный человек ошибочно убежден, что он является единственным автором самого себя, своей жизни и общества. Это самонадеянность, вытекающая из эгоистичной замкнутости в себе». [140] Следовательно, люди считают, что они могут конструировать реальность, и что все, что лучше всего соответствует их утверждениям, соответствует истине. Святой Иоанн Павел II размышлял о последствиях этого «кризиса истины», доходя до того, что заявлял: «Как только утрачивается идея универсальной истины о добре, познаваемой человеческим разумом, неизбежно меняется и понятие совести». [141] В таком контексте общепризнанные истины, предшествующие нам и которые совесть должна принять, больше не признаются. Это побудило Папу Франциска реалистично спросить: «Что такое закон без убеждения, рожденного многовековым размышлением и великой мудростью, что каждый человек священен и неприкосновенен?» На что он заключил: «Если общество хочет иметь будущее, оно должно уважать истину о нашем человеческом достоинстве и подчиняться этой истине. Убийство не является злом просто потому, что оно социально неприемлемо и карается законом, а из-за более глубокого убеждения. Это не подлежащая обсуждению истина, достигнутая с помощью разума и принятая совестью. Общество благородно и достойно, не в последнюю очередь благодаря поддержке стремления к истине и приверженности самым основным истинам». [142]

134. Поиск истины — это существенный элемент демократии, которая сама по себе является средством содействия общему благу. Когда вопросы о том, что является истиной, теряют свою привлекательность, и преобладает прагматизм, довольствующийся тем, что кажется полезным или эффективным, тогда демократическая жизнь ослабевает. В конце концов, демократия состоит не только из правил и процедур, но прежде всего из прочного соответствия фактам и подлинной приверженности благу отдельных лиц и общества в целом. Безразличие к истине медленно, но верно ведет к скатыванию к тоталитаризму. Как писала философ Ханна Арендт, идеальными субъектами таких режимов являются не столько идеологически убежденные люди, сколько «люди, для которых различие между фактом и вымыслом (т. е. реальностью опыта) и различие между истинным и ложным (т. е. стандартами мышления) больше не существует». [143]

Коммуникация и коллективное воображение

135. В связи с этим важно помнить, что коммуникация «— это не только передача информации, но и создание культуры». [144] Контент, циркулирующий в цифровой среде, формирует восприятие мира людьми и вводит в коллективное сознание образы и нарративы, которые направляют наши желания и влияют на наш повседневный выбор. Это «не параллельный или чисто виртуальный мир», [145] поскольку то, что появляется в сети, теперь становится частью жизни людей, особенно самых молодых.

136. По этой причине те, кто контролирует цифровые платформы и средства коммуникации, обладают значительной способностью влиять на коллективное воображение и представлять определенное видение реальности как желательное. Такая власть должна постоянно руководствоваться стремлением к истине и уважением к человеческому достоинству, чтобы культура, культивируемая в интернете, не стала инструментом чрезмерного отвлечения внимания, гомогенизации или доминирования, а, наоборот, средой, в которой может созреть внутренняя свобода и критическое мышление.

На пути к экологии коммуникации

137. Наша первоочередная задача — не демонизировать и не идеализировать технологические инструменты, а использовать их на основе фундаментального принципа, а именно, что истина — это общественное благо, а не собственность тех, кто обладает властью или влиянием. Поэтому мы должны содействовать развитию коммуникационной экологии. На уровне государственной политики это подразумевает установление норм, обеспечивающих большую прозрачность процесса отбора и разработки контента, а также защиту персональных данных. В социально-культурном плане это требует укрепления посреднических организаций, серьезной журналистики и дискуссионных площадок, где аргументированная позиция и проверка фактов имеют больший вес, чем немедленная реакция. Для семей и школ растет потребность в новом образовательном подходе и обучении правильному и критическому использованию цифровых

инструментов, ИИ и онлайн-платформ для коммерческой и финансовой деятельности. В университетах главная задача заключается в интеграции знаний, развитии как способности связывать и синтезировать знания для понимания сложности, так и навыков, необходимых для проверки фактов.

138. Христианские общины также призваны к прозрачности в коммуникации и честному поиску фактов. К сожалению, так было не всегда. Мы с стыдом стали свидетелями появления болезненных истин, касающихся даже членов Церкви и церковных реалий. В частности, некоторые журналисты, движимые страстью к истине, сыграли решающую роль в выявлении несправедливости и злоупотреблений. Им я хочу повторить слова Папы Франциска, обращенные к журналистам: «Я также благодарю вас за то, что вы рассказываете нам о том, что идет не так в Церкви, за то, что помогаете нам не замалчивать это, и за голос, который вы дали жертвам злоупотреблений». [146] Тем не менее, бдительность и прозрачность остаются прежде всего серьезной ответственностью самой Церкви, и мы не должны ждать, пока другие заставят нас столкнуться с неудобными истинами о самих себе.

Образовательный альянс для цифровой эпохи

139. В эпоху, когда истина часто искажается в угоду определенным интересам и коммуникационным стратегиям, сфера образования приобретает решающее значение. Однако стремительные технологические преобразования показывают, насколько мы не готовы к этому на образовательном уровне. Распространение цифровых медиа способствует культуре мгновенного доступа и гиперстимуляции, что приводит к усталости, скуке и апатии по отношению к усилиям, необходимым для поиска истины.

140. Образование, напротив, — это долгий путь, требующий терпения, и поэтому ему нужно время для развития и для взаимодействия с реальностью за пределами видимости. Это фундаментальный вопрос, поскольку каждая технология формирует тех, кто ее использует. Таким образом, обучение людей использованию ИИ включает в себя обучение их тому, когда и для каких целей его не следует использовать. Скорость и легкость получения ответов или резюме рискуют погасить желание задавать вопросы, а это процесс, который приносит плоды только со временем. Как писал Платон, самые глубокие и важные вещи познаются только после долгих лет и усилий, путем обсуждения с другими, «постигая» идеи и опыт вместе, как кремень, пока в нас не загорится искра понимания. [147] Следовательно, мы должны научиться проявлять сдержанность в использовании ИИ и защищать нашу молодежь от обещания идеальной машины, от того тонкого искушения, которое делает человеческую мысль, казалось бы, излишней именно тогда, когда она больше всего необходима.

141. В последние годы в психологической и психиатрической литературе все чаще подчеркивается, как раннее и неконтролируемое использование цифровых устройств и социальных сетей может негативно влиять на сон, концентрацию внимания, контроль эмоций и отношения, особенно в наиболее уязвимые периоды жизни, порой с трагическими последствиями. Ситуация усугубляется легким доступом к насильственному или унижающему достоинство контенту, оскорбляющему чувства, к порнографическим и гиперсексуализированным материалам, к сообщениям, которые принижают тело и эмоции, и к предложениям, нормализующим рискованное поведение. Такие онлайн-феномены, как совращение несовершеннолетних, шантаж и сексуальная эксплуатация несовершеннолетних, не являются редкостью и становятся еще более коварными из-за использования фейковых профилей, алгоритмов, облегчающих опасные контакты, и инструментов искусственного интеллекта, способных манипулировать изображениями и видео. Наличие личного мобильного устройства в слишком раннем возрасте и его использование без присмотра взрослых может усугубить уязвимость молодых людей, способствовать развитию зависимостей и подвергнуть их изоляции, издевательствам и кибербуллингу, а также давлению с целью обмена интимными изображениями или конфиденциальной информацией.

142. Родителям трудно самостоятельно противостоять влиянию бизнес-моделей, монетизирующих внимание и время. Поэтому крайне важно сформировать альянс между политиками, образовательными учреждениями и семьями, способный оказать конкретную поддержку взрослым в этой задаче. Необходима дальновидная государственная политика, чтобы противостоять сиюминутным интересам платформ, сосредоточенных в руках немногих, когда они вступают в конфликт с благополучием несовершеннолетних. В этом отношении уместны вмешательства законодателей для установления возрастных ограничений, привлечения поставщиков услуг к ответственности, а не перекладывания всего бремени контроля на семьи, и обеспечения конкретной защиты от всех форм онлайн-сексуальной эксплуатации и насилия. Таким образом, дети и подростки, доверенные нашей заботе, могут быть подлинно защищены как драгоценное сокровище. [148] В то же время необходимо также учить детей, подростков и молодежь распознавать манипуляции, защищать свое достоинство и уважать достоинство других в цифровой среде. [149]

Онцентральная роль школ

143. Школа — это место, где новые поколения могут научиться искать и любить истину, размышлять о смысле жизни и признавать достоинство каждого человека. По этой причине многие родители, желающие, чтобы их дети развивали способность к построению отношений, формированию критического мышления и формированию твердых ценностей, возлагают большие надежды на школы как на ценных партнеров в образовании своих детей. Однако родители имеют

первостепенное и неотъемлемое право выбирать вид образования и воспитания для своих детей в соответствии со своими моральными, культурными и религиозными убеждениями. Сегодня мир образования сталкивается с рядом неотложных проблем.

144. Первая проблема носит социально-политический характер. Как внутри отдельных стран, так и в разных регионах мира сохраняется значительное неравенство в доступе к базовому образованию и высшему образованию. Во многих странах правительства еще не вложили необходимые ресурсы для обеспечения качественного образования для всех, будь то путем адекватной поддержки государственной системы школ или оказания помощи частным учреждениям, предоставляющим эту важную услугу. Когда значительная часть образования на различных уровнях возлагается на частные учреждения, доступ к школьному образованию может стать чрезмерно зависимым от финансовых возможностей семей, особенно при отсутствии адекватной государственной поддержки. Тем не менее, перед лицом этого риска важно признать и поощрить вклад многочисленных частных католических образовательных учреждений, которые обеспечивают инклюзивный доступ для детей и молодежи из всех слоев общества, даже когда экономическое положение семей не позволяет этого сделать.

145. Вторая серьезная проблема носит педагогический характер. Многие образовательные системы с трудом успевают за изменениями и поддерживают всестороннее развитие учащихся. Развитие информационных технологий и искусственного интеллекта быстро делает устаревшими учебные программы, разработанные для другой эпохи. Между тем, необходимо переосмыслить организацию школ, физическое пространство, методы оценки и роль самих учителей, чтобы способствовать подлинно всестороннему образованию, учитывающему все аспекты личности. Необходимо поддерживать непрерывное повышение квалификации учителей на протяжении всей их профессиональной жизни, чтобы они могли позитивно взаимодействовать с новыми технологиями, помогая учащимся использовать их ответственно, критически и творчески, а не пассивно поддаваться их влиянию.

146. Третья серьезная проблема – интеллектуальная, и касается знаний. Без должного внимания может возникнуть система образования, лишенная любви к истине, в которой непрерывный поток информации заменит необходимые исследования, размышления и осмысление. По мере того как знания становятся все более фрагментированными, становится трудно постичь реальность в целом, задавать глубокие вопросы о смысле жизни или развивать подлинное, критическое и творческое мышление. Многие педагоги уже отмечают признаки дегуманизации, когда люди могут «знать многое», но испытывают трудности с определением направления в жизни, отчасти из-за неспособности связать информацию с более глубокими знаниями или сохранить чувство цели. Необходима по-настоящему здоровая позиция, требующая ритмов, включающих тишину, углубленное изучение, чтение и взвешенный анализ, поскольку без этих элементов внутренняя свобода может быть подорвана.

147. Социальная доктрина Церкви призывает семьи, школы, христианские общины и общественные учреждения к формированию обновленного образовательного альянса. Он обретает форму, когда фундаментальные принципы воплощаются в образовательные цели, включая обучение учащихся чувству умеренности и границ; признанию прав других и будущих поколений на пользование благами, которые либо предоставлены нам, либо стали доступны благодаря человеческой изобретательности; свободе и ответственности; а также чувству трансцендентности и общего блага. Школы призваны не следовать темпу цифрового мира, а предлагать то, чего цифровая сфера сама по себе не может обеспечить, а именно, совместное время для обучения и развития доверительных отношений.

Ондостоинство труда в период цифровой трансформации

Онценность труда

148. С момента появления её Социальной Доктрины, начиная с *«Rerum Novarum»*, Церковь подчеркивала защиту трудящихся и необходимость борьбы со всеми формами эксплуатации. Однако прежде всего Учительство Церкви признавало труд «существенным ключом» [150] к пониманию всего социального вопроса, поскольку именно через свой труд люди развивают многие аспекты своего существования. В свете этого мы можем понять великую интуицию святого Бенедикта Нурсийского, который объединил молитву и труд, показав, что повседневная деятельность является частью человеческого ответа на Божий призыв. Созданные по образу Творца, наши собственные труды в некотором смысле продолжают Его, ибо тем самым мы вносим вклад в прогресс общества и общее благо, используем полученные нами способности во благо, улучшаем и украшаем мир, поддерживаем свои семьи, участвуем в кооперативных отношениях и, посредством слушания и диалога, учимся вместе строить то, чего никто не смог бы достичь в одиночку.

149. По этим причинам труд — это не просто инструмент; он выражает и повышает достоинство нашей жизни. Это требование человеческого существования, нормальный путь к зрелости, развитию и личностному самосовершенствованию. В этом отношении финансовая помощь бедным может быть необходима в чрезвычайных ситуациях, но она не может стать единственным ответом, поскольку цель состоит в том, чтобы дать каждому человеку возможность жить достойно благодаря своему собственному труду. [151]

150. Сегодня сближение автоматизации, робототехники и ИИ быстро трансформирует саму структуру труда. Говорят, что это принесет значительные улучшения для всех. Однако в действительности «новые способы» работы не обязательно лучше, поскольку «хотя ИИ обещает повысить производительность, взяв на себя рутинные задачи, он часто заставляет работников адаптироваться к скорости и требованиям машин, вместо того чтобы машины были разработаны для поддержки тех, кто работает. В результате, вопреки рекламируемым преимуществам ИИ, существующие подходы к технологиям могут парадоксальным образом снизить квалификацию работников, подвергая автоматизированному наблюдению и заставляя выполнять жесткие и монотонные задачи. Необходимость идти в ногу с темпами развития технологий может подрывать чувство самостоятельности работников и подавить инновационные способности, которые от них ожидаются». [152] Именно для того, чтобы избежать этого дрейфа, необходимо проектировать системы, ориентированные на человека, а не только на производительность.

Онпроблема безработицы

151. Святой Иоанн Павел II признавал, что безработица — это серьезное зло. Действительно, когда она достигает массовых масштабов, она становится настоящей социальной катастрофой, которая особенно требует от государства проявления ответственности. [153] Сегодня, в условиях «четвертой промышленной революции», эта обеспокоенность еще более остра, поскольку инновации часто преследуются исключительно с целью снижения затрат и увеличения прибыли. [154] В некоторых контекстах существует обоснованный страх перед значительным и быстрым сокращением числа доступных рабочих мест, что вызовет цепную реакцию, глубоко затронувшую семьи, молодежь и местную экономику. Во многих секторах это уже можно наблюдать в новых формах нестабильности занятости и неравенства, характеризующихся чрезмерно высокой оплатой труда для узкоспециализированного меньшинства наряду со снижением заработной платы для значительной части рабочей силы.

152. Безусловно, желательно, чтобы технологии освобождали людей от трудной, монотонной или опасной работы и обеспечивали интеллектуальную поддержку человеческой деятельности. Тем не менее, защита рабочих мест и незаменимая роль личности должны оставаться общим правилом. Стремление к большей прибыли не может оправдывать выбор, систематически приводящий к сокращению рабочих мест, поскольку человек является целью, а не средством, и экономический порядок должен оставаться подчиненным человеческому достоинству и общему благу.

153. В то же время мы должны признать, что любой реальный переход сопряжен с разрывами, поскольку он неравномерен, фрагментарен и порой конфликтен. Следовательно, единой модели изменений или универсального решения не существует, поскольку есть места и ситуации, требующие различных ответных мер. Учитывая неравенство, характеризующее наш мир, распространение ИИ и вычислительных систем приводит к различным последствиям в разных местах. Богатые общества автоматизируют процессы быстро и хаотично, снижая потребность в рабочей силе и создавая условия для безработицы и институциональных конфликтов. Обширные регионы мира, напротив, остаются в ловушке гибридных экономик, где низкооплачиваемый человеческий труд и частично реализованные технологии сосуществуют без достижения подлинной трансформации. Эти регионы становятся местами нестабильной занятости и очагами нестабильности и вынужденной миграции. Поэтому решения должны исходить на национальном и местном уровнях с участием посреднических сообществ. Нам нужны адаптивные инструменты, включая хорошо структурированные модели, местные инициативы, прогрессивное перераспределение и новые права доступа к основным товарам. Не стремясь к абстрактной гармонии, мы должны строить конкретные формы человеческого сосуществования в этот период трансформации.

154. Труд остается фундаментальным измерением человеческого опыта, поскольку он является не только средством существования, но и контекстом для самовыражения, построения отношений и внесения вклада в общество. Поэтому проблемы, связанные с трудом, выходят за рамки дохода, необходимого для выживания семьи. Общество, гарантирующее занятость лишь небольшой части населения, несмотря на высокий уровень технического развития, рискует подвергнуть многих вынужденной бездеятельности, отсутствию ответственности и повседневных задач и стимулов, что приведет к обнищанию человека и культуры. Это создает парадокс материального прогресса и антропологической регрессии, подрывающий основы справедливого и стабильного социального мира. По этой причине Социальная доктрина Церкви настаивает на том, что доступ к труду для всех должен быть приоритетом государственной политики и экономических процессов, служа критерием оценки человеческого потенциала любой модели развития. [155] Более того, в тех частях мира, где работа имеет тенденцию сокращаться или радикально меняться из-за технологических и организационных процессов, находящихся вне демократического контроля, мы должны переосмыслить природу труда и его связь с гражданством, гарантируя, что безработица не поставит под угрозу участие в общественной жизни.

155. В свете этого убеждения мы можем лучше оценить историю Социальной Доктрины Церкви после *Rerum Novarum*. Инициативы, возникшие из этой традиции, включая ассоциации, профсоюзы, кооперативы и благотворительные организации, внесли решающий вклад в совершенствование трудового законодательства, защиту наиболее уязвимых слоев населения и содействие более гуманным условиям труда. [156] Однако сегодня эти инструменты сами по себе уже недостаточны перед лицом преобразований, вызванных ИИ, новой организацией рынков и конкуренцией, которая редко

учитывает социальную устойчивость. Необходимы новые совместные усилия политических лидеров, профсоюзных организаций, делового мира и научного сообщества для быстрой разработки адекватных общих правил и мер защиты, в том числе на международном уровне. [157] Профсоюзы, которые Церковь последовательно поддерживала, призваны быть открытыми к новым видам занятости и соответствующим потребностям работников, чтобы представлять и защищать их интересы. В этом контексте, без решительных действий, высока вероятность усиления бедности и неравенства, что оставит многих людей на обочине жизни, в безвыходном положении и в окружении машин и автоматизированных систем, которые пришли им на смену.

156. В этот переходный период недостаточно реагировать только на исчезновение рабочих мест; необходимо заранее контролировать трансформацию. Один из жизнеспособных путей – это, прежде всего, установление социальных критериев для инноваций. При этом каждое внедрение автоматизации и ИИ должно сопровождаться проверяемыми мерами по защите занятости, переподготовке и участию работников. Таким образом, технологии будут ориентированы на высвобождение времени и возможностей людей, а не на создание изоляции. Во-вторых, необходимы активные политические меры, которые сделают непрерывное обучение и профессиональные переходы доступными для всех, гарантируя, что затраты на адаптацию не лягут исключительно на плечи отдельных лиц. Наконец, необходимо корпоративное обязательство включить качество и достоинство труда в число показателей успеха. При наличии этих условий инновации могут служить союзником более безопасной, творческой и достойной работы; без них инновации, как правило, становятся ускорителем несправедливости.

Анэкономика, которая ценит достоинство

157. Рынок труда – это одна из областей, где риски, связанные с новыми технологиями, проявляются наиболее отчетливо. Поэтому необходимо помнить, что экономическая свобода не абсолютна; ее всегда следует оценивать с учетом общего блага и достоинства каждого человека. Предпринимательская инициатива действительно может быть истинным призванием, создающим богатство и улучшающим жизнь, а не переменной, зависящей только от прибыли. Это возможно, когда признается, что создание достойных, ценных рабочих мест является неотъемлемой частью ее надлежащего служения обществу. [158]

158. Папа Франциск, с пророческим настроем, предостерегал от экономической свободы, провозглашенной лишь на словах, в то время как реальные условия мешают многим извлечь из нее выгоду. [159] Экономические модели, превозносящие эффективность и индивидуальный успех, часто рассматривают инвестиции в обездоленных людей или в тех, кто имеет более медленный путь развития, как бесполезные или неудобные, как если бы их будущее зависело исключительно от их способности не отставать от «победителей». В действительности справедливое общество требует бдительного государства и гражданских институтов, способных преодолеть однобокое мышление эффективности и обеспечить, чтобы ресурсы, креативные решения и правила благоприятствовали наиболее уязвимым слоям населения. [160] Вместо того чтобы ждать, пока выгоды от роста «в конце концов» дойдут до бедных, необходимо принимать решения, обеспечивающие инклюзивность роста с самого начала. Опыт последних десятилетий показывает, что в экономических и финансовых кризисах именно бедные всегда платят самую высокую цену, в то время как теории, обещающие автоматическое всеобщее процветание, часто оказываются иллюзорными.

159. Важно выйти за рамки существующих показателей развития, которые более восьмидесяти лет были связаны с концепцией валового внутреннего продукта (ВВП), поскольку эти показатели почти систематически игнорируют аспекты, имеющие важное значение для общего благополучия людей и окружающей среды. Разработка параметров и показателей, дополняющих ВВП, имеет решающее значение для улучшения баз данных, используемых для проведения анализа, принятия политических и экономических решений и определения региональных, национальных и международных приоритетов. Введение новых параметров позволит проводить всестороннюю и своевременную оценку того, как законодательные и нормативные решения влияют на достоинство труда, общее процветание, сокращение неравенства и охрану окружающей среды. Это также повлияет на концепцию развития, образовательные процессы, образ мышления и общественное мнение, а также на мир, который является подлинным только тогда, когда основан на справедливости.

160. В последние годы финансы приобрели большее значение и претерпели значительные инновации, отчасти обусловленные внедрением криптовалют. Размышления и наблюдения, содержащиеся в учении моих предшественников, особенно в их энцикликах, подчеркивают, как сектор финансового посредничества, «действуя без необходимых антропологических и моральных основ, не только порождает явные злоупотребления и несправедливость, но и демонстрировал способность создавать системные и глобальные экономические кризисы». [161] Аналогично, доход от капитала рискует заменить доход от труда, который часто находится на периферии основных интересов экономической системы. Тем не менее, сбережения, преобразованные в кредит для реальной экономики, создающие тем самым рабочие места и самозанятость, остаются центральными для развития и инвестиций, которые должны сопровождать продолжающиеся преобразования. Социальная функция кредита остается незаменимой. Финансы ради самих себя принципиально отличаются от финансов, направленных на развитие, создание и эволюцию труда.

161. Эта перспектива должна стать частью более широкого понимания глобальной динамики. Хотя мировое богатство в абсолютном выражении выросло, оно все больше концентрируется в руках меньшего числа людей, что усугубляет неравенство как внутри стран, так и между ними. «Есть немногие, у которых слишком много, и слишком много тех, у кого мало — такова логика сегодняшнего дня». [162] Научно-технические достижения, даже в области медицины, нелегко доступны подавляющему большинству людей, что наглядно продемонстрировала недавняя пандемия. В то время как некоторые регионы тратят огромные средства на излишние вмешательства или мечты об индивидуальном улучшении, доступные лишь избранным, в других частях мира отсутствует необходимое оборудование для спасения миллионов человеческих жизней. Думать, что новые технологии автоматически принесут пользу всем, значит игнорировать факты. Если на этапе проектирования преобразования не будут отдавать приоритет предотвращению новых и дальнейших неравенств, технологический прогресс неизбежно приведет к структурному неравенству. Сегодня справедливость требует доступа к преимуществам инноваций, включая уход, знания, инструменты и возможности.

162. Справедливые законы и методы перераспределения, безусловно, необходимы для исправления дисбалансов, включая налоговые системы, которые облегчают бремя для самых слабых и требуют большего от тех, кто обладает большими ресурсами. Однако стремление к социальной справедливости не следует рассматривать как отдельный вопрос, возникающий только после создания богатства, как если бы экономика существовала исключительно для создания богатства, а политики вмешивались только после этого, чтобы его распределить. Действительно, справедливость касается каждого этапа экономической деятельности, от приобретения ресурсов до финансирования, от производства до потребления; каждый выбор имеет моральные последствия. [163]

163. В эпоху ИИ и робототехники как никогда прежде невозможно полагаться исключительно на «невидимую руку» рынка. [164] Политика призвана ориентировать экономику и технологии на общее благо, способствуя достойной работе, социальной интеграции и справедливому распределению благ инноваций. Поскольку многие экономические решения выходят за национальные границы, существует также необходимость в международном сотрудничестве, способном определять общие стратегии, особенно в интересах наиболее уязвимых стран и народов, для содействия развитию и преодоления зависимости от социального обеспечения. В основе этих решений лежит неизмеримое достоинство каждого человека, общее благо и мир, действительно управляемый для всех. Взаимозависимость между миром и развитием, как пророчески писал святой Павел VI в 1967 году, [165] остается актуальной и сегодня, поскольку процветание способствует построению и укреплению мира только в том случае, если оно широко распространено, инклюзивно и устойчиво.

164. На практике, в эпоху ИИ и робототехники, обеспечение того, чтобы экономика способствовала человеческому достоинству, означает принятие определенных критериев для действий компаний. Во-первых, прозрачность и подотчетность: когда данные и алгоритмы влияют на распределение кредитов, отбор персонала или доступ к услугам и возможностям, необходимо, чтобы решения были понятными, оспариваемыми и подлежащими контролю, чтобы люди не сводились к простым профилям. Во-вторых, инклюзивность и доступность: преимущества инноваций должны сочетаться с инвестициями в навыки, инфраструктуру и основные услуги, чтобы гарантировать, что технологии не увеличат разрыв между теми, кто имеет, и теми, кто не имеет. Наконец, меры по обеспечению равенства: налогообложение, социальная защита и промышленная политика должны корректировать дисбалансы, созданные концентрацией богатства и власти. Действительно, эти критерии не являются ограничением инноваций; напротив, они делают их цивилизованными и гуманными.

Семья и молодежь: социальные условия для надежды

165. Семья является первостепенным общественным благом. Основанная на прочном союзе мужчины и женщины, она является первой средой, в которой все люди развивают свой потенциал, осознают свое достоинство и познают самые ранние формы истины и добра, усваивая привычки, которые готовят их к жизни в обществе. [166] Как первое естественное общество, наделенное основополагающими правами, семья является фундаментальной и незаменимой ячейкой любой общественной организации. [167] Следовательно, когда политические проекты и важные экономические решения отводят семье маргинальную или второстепенную роль, подлинный рост всего социального тела оказывается под угрозой. [168]

166. Однако семья — это хрупкое общественное благо, непосредственно подверженное влиянию экономических и технологических преобразований, меняющих характер труда. Поэтому ей необходима культурная, юридическая и экономическая поддержка. Разрушительное воздействие безработицы и нестабильности занятости на семейные структуры хорошо известно. В краткосрочной перспективе может показаться выгодным сократить затраты на рабочую силу или максимизировать финансовую эффективность, но в долгосрочной перспективе это подрывает сами основы социального сосуществования. Пока технологические успехи приветствуются, социальная ткань постепенно разрушается, словно под воздействием невидимого вируса.

167. Для молодежи нестабильность рабочего места особенно разрушительна. Как напоминали епископы Соединенных Штатов Америки, работа — это не просто источник дохода, а важнейшая сфера, в которой формируется личность, завязываются дружеские и романтические отношения, усваиваются практические обязанности и определяется призвание. [169] Когда доступ к работе затруднен высоким уровнем безработицы, неадекватными системами обучения или

структурными барьерами, многие молодые люди обнаруживают, что путь к их самореализации заблокирован. Необходимость менять работу несколько раз в течение жизни требует постоянного обновления знаний и переподготовки, чтобы новые поколения могли компетентно и самостоятельно противостоять рискам экономической среды, которая одновременно меняется и часто непредсказуема. [170]

168. Это порождает особую общественную ответственность. Государство обязано поддерживать предпринимательскую деятельность, создавая благоприятные условия для занятости, способствуя созданию рабочих мест там, где их не хватает, и защищая их во времена кризиса, поскольку они являются первостепенным благом для семей и общества. [171] Особенно в эпоху непрерывных технологических преобразований нам необходима политическая креативность, которая будет способствовать «работе» и ставить семью и будущие поколения в центр внимания; в противном случае наш экономический прогресс приведет к новым формам незащищенности и изоляции.

169. Поддержка семей и молодежи в этом переходном периоде требует выбора, обеспечивающего стабильность. Как отмечалось выше, трудовая политика должна способствовать преемственности и качеству занятости, противодействуя нестабильности как нормальному состоянию жизни и поощряя реалистичные пути для выхода на рынок труда и профессионального роста. Во-вторых, необходимы меры для обеспечения здорового образа жизни, поскольку без надлежащего баланса между работой, досугом и отдыхом семьи ослабевают, а молодежи трудно развивать чувство ответственности. Кроме того, крайне важно инвестировать в доступное образование и переподготовку, чтобы профессиональная мобильность, требуемая цифровой экономикой, не превратилась в жесткий отбор между теми, кто может обновить свои навыки, и теми, кто не может. Наконец, необходимо поддерживать социальные связи, создавая сети и образовательные сообщества, которые сопровождают жизненный выбор и предотвращают возникновение одиночества или зависимостей из-за неопределенности. При условии реализации эти технологические преобразования могут быть осуществлены без подрыва способности строить будущее, что и делает общество процветающим.

Защита свободы против зависимостей и коммерциализации

Зависимости и общественный контроль

170. Размышляя об истине и образовании, работе и семье, мы должны теперь рассмотреть влияние цифровой революции на свободу человека, учитывая риски как для психического здоровья отдельных лиц, так и для более широких социальных проблем. Не следует недооценивать более тонкие формы зависимости, связанные с «цифровой экономикой внимания», поскольку платформы и сервисы часто созданы для того, чтобы захватывать время и внимание пользователей, эксплуатируя их уязвимость и ослабляя их внутреннюю свободу. Когда бизнес-модели процветают за счет человеческих слабостей, человек рассматривается как средство, а не как цель; те, кто разрабатывает или финансирует такие системы, несут моральную ответственность, которую нельзя игнорировать. Существует острая необходимость в продвижении технологий, которые укрепляют внутреннюю свободу путем содействия образованию в области цифровой трезвости и защиты несовершеннолетних, тем самым противодействуя моделям, эксплуатирующим уязвимость.

171. Еще один риск, менее заметный, но не менее серьезный, — это социальный контроль, ставший возможным благодаря массовому сбору данных и использованию алгоритмических систем. Когда каждое действие — перемещения, покупки, отношения и предпочтения — оставляет след, возникает новая форма власти, а именно власть профилировать, прогнозировать и влиять на поведение, часто без полного осознания этого отдельными лицами. Если такие данные используются для принятия решений, затрагивающих конкретные возможности — такие как доступ к кредиту, трудоустройство или необходимые услуги, — существует риск подрыва свободы и дискриминации наиболее уязвимых групп населения. Более того, контроль осуществляется не только посредством явных запретов, но и посредством архитектуры видимости: то, что усиливается или скрывается, то, что вознаграждается или наказывается, в конечном итоге формирует мнения и выбор, способствуя конформизму и самоцензуре. По этой причине свобода в цифровую эпоху — это не просто вопрос внутреннего мира, но и общественная проблема. Это подразумевает четкие правила, прозрачность, возможность обжалования и соразмерные ограничения на использование навязчивых технологий, чтобы технологии оставались на службе человека, а не превращались в форму контроля над совестью.

172. В основе этих проблем лежит технократический и постгуманистический менталитет, который склонен рассматривать человека как объект для манипуляций или ресурс для оптимизации, [172] устраняя все гарантии против безудержного стремления к прибыли. Преобладает эффективность, а не уважение к свободе и человеческому достоинству. Некоторые постгуманистические течения даже заходят так далеко, что представляют себе «второклассных» людей, подчиненных интересам элит, которые считают себя выше. Эта тревожная перспектива становится еще более серьезной в сочетании с технологическими инструментами, которые экспоненциально увеличивают возможности контроля и отбора. Даже определенные формы структурной задолженности, которые держат целые народы в условиях зависимости, отражают тот же менталитет, в новых формах, который допускает отношения подчинения, подобные рабству.

Разрушение цепи новых форм рабства

173. Это искаженное представление о человеческой личности сегодня отражается в различных формах рабства, напрямую связанных с цифровой экономикой. В мире ИИ нет ничего нематериального или волшебного. Каждый, казалось бы, мгновенный и безупречный ответ является результатом длинной цепочки посредничества, включающей обширные сети природных ресурсов, энергетической инфраструктуры и, прежде всего, людей. Значительная часть функционирования цифровой экономики опирается на невидимый труд миллионов людей, занятых важной, но в значительной степени незаметной деятельностью, такой как маркировка данных, обучение моделей и модерация контента, часто содержащего тревожный материал. Во многих случаях эти работники — молодые люди, преимущественно женщины, работающие в тяжелых условиях за минимальную заработную плату. К этому невидимому труду добавляется еще более тяжелая работа по добыче ресурсов, необходимых для производства устройств и микропроцессоров, от которых зависит ИИ. В некоторых регионах мира дети и подростки работают в опасных условиях, измельчая материалы, из которых добываются редкоземельные элементы. Тела этих людей изуродованы, травмированы и изношены, чтобы вычислительный поток мог продолжаться бесперебойно. Более того, преступные сети используют онлайн-платформы, системы обмена сообщениями, анонимные способы оплаты и методы профилирования для вербовки, контроля и транспортировки жертв торговли людьми — очень часто несовершеннолетних, — превращая мужчин и женщин в «данные», которые нужно отслеживать, и в «посылки», которые нужно перемещать в тех же цифровых каналах, которые поддерживают значительную часть мировой экономики. Эта реальность глубоко бросает вызов моральному сознанию нашего времени. Недостаточно сослаться на эффективность или восхвалять преимущества инноваций, если они построены на цепочке эксплуатации, которая намеренно скрывается. Если технологии обещают эмансипацию, но при этом порождают новые формы глобального подчинения, это противоречит основополагающему принципу человеческого достоинства.

174. Борьба с новыми формами рабства является решающим испытанием для этической проницательности искусственного интеллекта и цифровой трансформации. В соответствии с традицией, заложенной Львом XIII, Церковь вновь подтверждает свое твердое осуждение всех форм рабства, торговли людьми и превращения людей в товар. Она также подчеркивает насущную необходимость размышления и действий, которые сохраняют неотъемлемое достоинство каждого человека и общее благо как в центре внимания и цели общества, так и в качестве руководящих критериев для каждого личного, социального и политического выбора. Без этого этического и гуманистического размышления растущая мощь цифровых систем может привести нас к новым зверствам, не менее позорным, чем те, которые мы сейчас осуждаем, в то время как мы продолжаем представлять себя «развитыми» и «цивилизованными» обществами.

175. Торговлю людьми необходимо признать современной формой рабства и серьезным нарушением человеческого достоинства. Неспособность решительно реагировать или терпимость к этим практикам в какой-либо мере означает соучастие в сегодняшних грехах, которые сродни грехам прошлого, когда рабство скрывалось и оправдывалось. [173]

176. В процессе развития своей доктрины Церковь постепенно пришла к более глубокому осознанию серьезности этих вопросов. Правда, прошлые события нельзя оценивать анахронично, как если бы моральные критерии, сформировавшиеся с течением времени, всегда были доступны. Однако мы не можем отрицать или преуменьшать задержку, с которой и общество, и Церковь стали осуждать бич рабства. В древности и Средневековье многие люди и даже церковные учреждения имели рабов. Уже в ранний период Нового времени Апостольский Престол Рима, отвечая на просьбы монархов, несколько раз вмешивался, чтобы регулировать и легитимизировать формы порабощения, а в некоторых случаях и порабощение «неверных». [174] Только в XIX веке было четко сформулировано формальное, абсолютное и всеобщее осуждение рабства, в частности, при Папе Льве XIII. [175] Это развитие является наглядным примером роста Церкви в понимании вечных истин Откровения, которые она оберегает. Хотя на практике не всегда наблюдалась последовательность — учитывая, что рабство долгое время терпелось, прежде чем было однозначно осуждено, — на протяжении всей истории непрерывно утверждалось достоинство каждого человека, созданного по образу Божьему, даже если потребовалось восемнадцать веков, чтобы его полная несовместимость с рабством была явно признана. Это представляет собой рану в христианской памяти, от которой мы не можем считать себя отстраненными. [176] Невозможно не испытывать глубокой скорби, размышляя об огромных страданиях и унижениях, которые перенесли многие, в резком контрасте с их неизмеримым достоинством как людей, бесконечно любимых Господом. За это от имени Церкви я искренне прошу прощения.

177. Именно поэтому память о прошлом соучастии и слепоте перед лицом несправедливости рабства становится призывом к бдительности. То, чему мы научились, должно быть воплощено в проницательность и ответственность в настоящем. Если мы хотим избежать необходимости снова просить прощения в будущем за несоблюдение сокровища человеческого достоинства, которое требует наша вера, то сегодня на нас лежит обязанность четко и твердо осудить торговлю людьми во всех ее формах и вместе со всеми, кто предан этому делу, поддержать конкретные усилия по предотвращению, защите, освобождению и реабилитации.

178. Даже сегодня колониализм принимает новые формы. Он больше не доминирует только над телами, а присваивает данные, превращая личную жизнь в информацию, пригодную для эксплуатации. Целые регионы, особенно те, которые отличаются структурной уязвимостью и ограниченной геополитической значимостью, в настоящее время подвергаются

новому подходу к извлечению информации: данных о здоровье, эпидемиологических профилях, генетических картах и демографической информации. Они стали новыми «редкими землями» власти: жизненно важными данными, которые, будучи агрегированными и проанализированными, могут быть использованы для обучения прогностических моделей, определения инвестиционных стратегий, прогнозирования кризисов и, прежде всего, определения того, кто и что считается важным. Те, кто контролирует данные о здоровье целых народов — часто собираемые под предлогом помощи, исследований или инноваций — обладают структурным рычагом влияния на будущее, поскольку они могут формировать потребности и рынки. Они также могут решать, прежде других, кому будут выделены лекарства, инвестиции и защита. Здесь кроется одна из самых насущных моральных проблем нашего времени: обеспечить, чтобы общие знания стали подлинным общественным благом, а не инструментом господства. Для этого необходимо вернуть людям не только данные, описывающие их, но и возможность решать, как эти данные будут использоваться, кем и в чьих интересах. В противном случае цифровая эпоха будет не постколониальной, а колониальной в иной форме.

179. Новые формы рабства подпитываются экономическими цепочками и цифровой инфраструктурой. Поэтому необходимы действия на нескольких фронтах. Во-первых, цепочки поставок, лежащие в основе технологической индустрии и цифровой экономики, должны стать более прозрачными, чтобы конкурентное преимущество не строилось на скрытой эксплуатации. Во-вторых, компаниям и инвесторам необходимо принять четкие критерии для превентивной этической проверки (должная осмотрительность), поставив в число приоритетов защиту работников, борьбу с принудительным трудом и оценку социального воздействия бизнес-моделей, основанных на данных. Кроме того, цифровые платформы должны ответственно сотрудничать с властями и гражданским обществом, чтобы предотвратить превращение инструментов коммуникации, оплаты и профилирования в каналы вербовки и контроля жертв. Когда эти усилия объединятся, цифровая среда может быть преобразована из пространства эксплуатации в пространство защиты, предотвращения и продвижения человеческого достоинства.

Общая ответственность

180. Рассмотренные выше различные области — поиск истины в общественной жизни, образование в цифровой среде, трансформация труда, хрупкость семей и новые формы рабства — не являются изолированными явлениями. Скорее, они отражают общую фундаментальную проблему, а именно: если технология становится высшим критерием, человек рискует быть сведен к данным, винтику в машине или товару. Однако, если технология интегрирована с разумным подходом, она может стать инструментом роста, справедливости и братства.

181. С этой точки зрения, Социальная доктрина Церкви призывает к общей ответственности. Она требует, чтобы эти процессы направлялись с дальновидностью: институтами, способными регулировать, не подавляя, и защищать, не захватывая; предприятиями, которые признают труд и достоинство мерилем успеха; посредническими организациями и образовательными сообществами, которые восстанавливают доверие и отношения; и гражданами, которые развивают ответственность, умеренность, проницательность и чувство истины. Только таким образом инновации могут действительно служить целостному развитию человека, а не становиться источником исключения и доминирования. И только таким образом обещание прогресса может быть признано подлинным, поскольку оно измеряется с учетом неприкосновенного достоинства каждого мужчины и каждой женщины.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КУЛЬТУРА ВЛАСТИ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЛЮБВИ

182. Рассмотрев, как ИИ трансформирует определенные аспекты жизни и общества, в частности, серьезные последствия для человеческого достоинства, мы должны теперь обратить внимание на еще более трагический вопрос войны. Здесь речь идет не только об эффективности новых инструментов, но и о риске того, что технологии, оторванные от этики и ответственности, сделают решения о жизни и смерти более быстрыми и обезличенными, и представят применение силы как немедленный и жизнеспособный вариант. В мире, где все большая взаимозависимость, мир — это не просто один из многих вопросов, а предпосылка для всеобщего блага и проверка моральной зрелости народов, особенно тех, кто несет ответственность за управление.

183. Цифровая революция меняет характер конфликтов. Наряду с традиционными методами ведения войны, появляются гибридные формы, такие как кибератаки, манипулирование информацией, кампании влияния и автоматизация стратегических решений. Искусственный интеллект выступает в качестве ускоряющего фактора в этих процессах, особенно в контексте, где многие технологии по своей природе неоднозначны. Следовательно, то, что создано для обороны, может быть быстро перепрофилировано для нападения, и тонкая грань между защитой и агрессией размывается. Хотя ИИ может улучшить оборону и защиту гражданского населения, он также может снизить порог применения силы, оградить людей от ответственности и способствовать формированию культуры, в которой враг сводится к статистической единице, а жертва — к «сопутствующему ущербу». Столкнувшись с этими преобразованиями, мы должны помнить о принципах социальной доктрины — достоинстве личности, общем благе, универсальном предназначении благ, субсидиарности, солидарности и справедливости, — поскольку они являются критериями для оценки того, действительно

ли технологии служат человечеству или поработают его. Поэтому мы должны рассматривать эти принципы как руководящие указания для принятия решений.

184. Поэтому в этой главе я сравню два противоположных подхода, которые я уже описал с помощью библейских образов во Введении. С одной стороны, существует искушение построить Вавилонскую башню, полагаясь на власть и гордость. С другой стороны, требуется терпение, чтобы восстановить Иерусалим «по кусочкам», как во времена Неемии, оберегая человечество и общее благо.

185. Если мы рассмотрим глобальную динамику, мы сможем яснее увидеть распространение культуры власти, характеризующейся поляризацией и насилием. Современный Вавилон можно увидеть не только в глобализированной технократической парадигме, но и в отдаленном столкновении противоборствующих империализмов, между державами, стремящимися сохранить свое превосходство, и теми, кто стремится захватить это превосходство, что приводит к множеству локальных конфликтов. Более того, кажется, нет предела гонке — движимой дегуманизирующими амбициями — за разработкой все более мощных технологий или за установлением контроля над ними. И все же, несмотря на эту нисходящую спираль, мы можем также увидеть значительную часть человечества, стремящуюся оставаться человеческим и работающую над строительством священного города сосуществования и мира. Слишком часто мы являемся невольными строителями и неуклюжими архитекторами этого города, способными на щедрые жесты, но лишенными общего видения. Этот строительный проект развивается медленнее, менее заметен и менее зрелищен, и требует лучшего понимания и большей координации, чтобы стать осознанной и ясной ответственностью каждого сообщества, от семей до государств, и отношений между нациями. Именно эту перспективу приверженности, эту строительную площадку надежды мы называем «цивилизацией любви».

Цивилизация любви в цифровую эпоху

186. Когда святой Павел VI ввел в обиход фразу «цивилизация любви» [177], мир находился в разгаре холодной войны, гонки вооружений и серьезной экономической нестабильности. В этом контексте Церковь предложила альтернативный путь идеологическому противостоянию систем и представила себе социальный порядок, в котором справедливость и милосердие переплетаются, а любовь становится руководящим принципом экономической, политической и культурной жизни. Сегодня мы должны решительно возродить это видение, ибо цивилизация любви — это не наивная утопия, а сложный проект, который состоит в преобразовании милосердия в структуры справедливости, придании институциональной формы братству и рассмотрении других — будь то отдельные лица или народы — как союзников, необходимых для построения общего блага. Как напоминает нам энциклика *Fratelli Tutti*, только эта социальная любовь способна стать культурой и нормой и тем самым установить стабильный международный порядок, превратив простое вооруженное сосуществование в сообщество с общим будущим. [178]

187. Это понимание оказывается еще более фундаментальным в нынешнем контексте цифровой трансформации. Цифровые сети, глобализированная экономика и развитие ИИ создают все более тесные связи, связывая — в режиме реального времени — решения, принятые в одном месте, с последствиями, которые они производят в другом месте. В этом смысле слова Второго Ватиканского собора о растущей взаимозависимости между народами остаются актуальными, поскольку общее благо приобретает все более универсальное измерение, с правами и обязанностями, касающимися всей человеческой семьи. [179] Поэтому проект цивилизации любви должен взять на себя задачу преобразования этой навязанной взаимозависимости в осознанную и выбранную солидарность. Это руководящий принцип технологических процессов: искусственному интеллекту недостаточно сделать нас более эффективными или связанными; он также должен служить построению универсальной человеческой семьи с общими правами и обязанностями, где цифровая близость становится реальной возможностью для встречи и взаимной заботы.

Культура власти

188. В наше время распространяется культура власти, в которой наличие ресурсов и способность доминировать определяют повестку дня и критерии принятия решений. Таким образом, общее благо человечества отходит на второй план, а конкретная трагедия народов, находящихся в состоянии войны, сводится ко второстепенному соображению по отношению к стратегическим интересам. Эта культура власти проникает в общество, меняет отношения и поведение и растет за счет нормализации войны, стремления к постоянно растущей военной мощи, использования кризиса многосторонности и подпитывания ложного реализма, который настаивает на отсутствии альтернативы.

Нормализация войны

189. В 1965 году слова святого Павла VI мощно прозвучали на Генеральной Ассамблее ООН: «Никогда больше войны, никогда больше войны!» [180] Мы должны признать, что, несмотря на стремление к миру и заявления о нем, последние шестьдесят лет были отмечены конфликтами поразительной жестокости, часто затрагивающими гражданское население в массовом масштабе, приводящими к гибели невинных жертв, массовому перемещению населения, социальной дестабилизации и долговременным ранам. Тем не менее, в общественном дискурсе широко распространено убеждение, что война должна оставаться крайней мерой, подчиняющейся строгим этическим и правовым ограничениям и всегда

ориентированной на политическое видение мира. После событий, произошедших непосредственно после Первой мировой войны, после Второй мировой войны произошел поворотный момент: мир стал центром международного порядка, что подтверждается, в частности, Уставом Организации Объединенных Наций, с целью «спасти грядущие поколения от бедствия войны». [181] Аналогичным образом, многие национальные конституции ограничивали применение силы крайними и строго ограниченными обстоятельствами. Даже во время холодной войны, несмотря на существование серьезных конфликтов, сохранялось понимание того, что новой мировой войны необходимо было избежать любой ценой.

190. Однако сегодня мы наблюдаем настоящий сдвиг парадигмы в общественном дискурсе и в решениях, касающихся перевооружения, с тревожным возрождением войны как инструмента международной политики, в то время как сами этические принципы, которые ранее ограничивали ее использование, размываются. Региональные конфликты, затягивающиеся на длительное время, эскалация напряженности и взаимные угрозы становятся почти обыденным явлением, и вновь появляются формы конфликтов, движимые стремлением к территориальной экспансии, которые, как считалось, уже преодолены. Общественное мнение постепенно формируется и обуславливается поляризующими медийными нарративами, которые часто усиливаются алгоритмами, отдающими приоритет конфликтам и конфронтации.

191. Мы также наблюдаем тревожную утрату исторической памяти, поскольку исчезают свидетельства очевидцев Холокоста и двух мировых войн. Это приводит к избирательному или искаженному переписыванию прошлого в контексте, где фейковые новости и манипулирование нарративами заслоняют извлеченные уроки. Без живой памяти об ужасах войны политические решения рискуют приниматься исключительно на основе власти, без учета долгосрочных последствий.

192. Ко всему этому средства массовой информации и цифровые технологии добавляют новые и решающие элементы. Коммуникационные сети, фрагментированная информационная среда и алгоритмы, поощряющие конфликты, могут усиливать поляризацию и недовольство, увеличивать пропаганду и затруднять формирование единого мнения. Таким образом, война не только ведется, но и культурно обусловлена упрощенными нарративами, менталитетом «друг или враг», дезинформацией и страхом. Когда историческая память стирается, а этические принципы, защищающие гражданское население и наиболее уязвимых, ослабевают, становится легче оправдывать насилие как необходимое, неизбежное или даже «очищенное». Именно в этом контексте человечество скатывается к насильственной культуре власти, где мир больше не представляется обязанностью, которую нужно взять на себя, а лишь хрупким промежутком между конфликтами. Сегодня, как никогда прежде, без ущерба для права на самооборону в самом строгом смысле слова, важно подтвердить, что теория «справедливой войны», которая слишком часто использовалась для оправдания любой войны, устарела. [182] Человечество обладает гораздо более эффективными и действенными инструментами для защиты человеческой жизни и разрешения конфликтов, такими как диалог, дипломатия и прощение. Применение силы, насилия и оружия отражает бедность в отношениях, которая всегда имеет катастрофические последствия для гражданского населения.

Сила без границ

193. Рост военно-промышленного комплекса стал определяющей чертой современного политического ландшафта и ключевым сектором экономики различных стран. Тесная связь между экономическими интересами, военным аппаратом и политическими решениями порождает «вооруженное государство», в котором война предстает как естественное продолжение политики, а рынок вооружений становится автономной движущей силой военных решений. Нельзя игнорировать и огромные экономические интересы, стоящие за войной. Военно-промышленный комплекс и страны-поставщики оружия получают прибыль от рынка, который процветает именно за счет конфликтов. В этом смысле существуют и финансовые интересы, которые способствуют разжиганию напряженности в различных регионах мира.

194. Военные арсеналы вновь привлекают к себе внимание. В прошлом осознание угрозы, исходящей от оружия, способного уничтожить все человечество, способствовало развитию путей *разрядки* и переговоров по разоружению. К сожалению, этот подход был отброшен, и эволюция ядерных арсеналов, включая перспективу их «тактического» применения, делает использование такого оружия менее вероятным. В этом контексте важным шагом является Договор о запрещении ядерного оружия, вступивший в силу в 2021 году при поддержке более семидесяти стран. Однако он рискует остаться в значительной степени символическим, поскольку основные ядерные державы не согласились с ним. Это привело к широко распространенному, но ошибочному убеждению, что ядерное сдерживание является необходимым условием безопасности. Это также способствовало новой гонке вооружений, которую трудно контролировать и которая сопровождается постепенным разрушением соглашений о сокращении ядерного оружия, а также разработкой «миниатюрного» оружия, что делает его использование более жизнеспособным вариантом.

195. Та же логика применима и к обычной войне. Военная сила, слабые дипломатические инициативы и сложность интересов, стоящих на кону, способствуют конфликтам, которые, как правило, затягиваются и влекут за собой чрезвычайно высокие человеческие и экологические издержки. Начать войну гораздо проще, чем остановить её, и тем не менее, обсуждение предотвращения конфликтов трагически остаётся на периферии.

196. Ситуация еще больше дестабилизируется появлением новых вооруженных группировок, таких как джихадистские группировки, частные ополчения и криминальные сети, которые знаменуют конец монополии государства на применение силы. Зачастую эти группы переплетают расплывчатые идеологические мотивы с конкретными экономическими интересами, превращая войну в «образ жизни» для целых поколений молодежи и детей. Здесь целью уже не является окончательная победа, а увековечивание конфликта как источника власти и дохода.

Оружие и искусственный интеллект

197. Вышеупомянутый сценарий связан с непрекращающимся развитием систем вооружения, особенно тех, которые включают в себя ИИ. Святой Престол недавно отметил, что растущая легкость, с которой могут быть развернуты автономные системы вооружения, делает войну более «осуществимой» и менее подверженной человеческому контролю. Это нарушает принцип, согласно которому вооруженная сила должна применяться только в крайнем случае, в случаях законной самообороны. [183] По этой причине разработка и использование ИИ в войне должны подчиняться самым строгим этическим ограничениям, чтобы гарантировать уважение человеческого достоинства и святости жизни и избежать гонки за разработкой такого оружия. [184]

198. Иногда говорят об «искусственных моральных агентах», как будто машины способны различать добро и зло с большей точностью, чем человек. Однако моральное суждение нельзя свести к расчету, поскольку оно включает в себя совесть, личную ответственность и признание другого человека как личности. Поэтому недопустимо доверять искусственным системам принятие решений, ведущих к летальному исходу или иным необратимым последствиям. Никакой алгоритм не может сделать войну морально приемлемой. ИИ не устраняет присущую конфликту бесчеловечность; напротив, он может лишь ускорить конфликт и сделать его более безличным, снижая порог для применения насилия, превращая оборону в прогнозирование угроз и, таким образом, сводя жертв к данным. Таким образом, он приучит нас к мысли, что насилие неизбежно и нуждается лишь в оптимизации. Это не уменьшает важности привития, насколько это возможно, ценностей и здравого суждения в создаваемые нами искусственные системы, чтобы они могли способствовать созданию моральной экосистемы, в которой люди лучше способны прислушиваться к своей совести, а также позволять моделям ИИ устанавливать соответствующие границы.

199. Недостаточно просто ссылаться на общий тип этики. Необходимо установить конкретные критерии для принятия решений. Первый такой критерий касается личной ответственности. Когда решение о нанесении удара становится автоматизированным или непрозрачным, риск отказа от ответственности возрастает. По этой причине цепочка ответственности должна быть идентифицируемой и проверяемой; те, кто разрабатывает, обучает, санкционирует и использует технологии, должны нести ответственность за свои решения. Второй критерий относится к моральным временным рамкам принятия решений. Хотя ИИ, как правило, ускоряет процессы принятия решений, скорость и эффективность никогда не должны быть главной движущей силой для необратимых решений, принимаемых в контексте войны. Третий критерий — идентификация и защита гражданского населения. Любая технология, облегчающая атаки без возможности видеть лица людей, снижает моральный порог конфликта. Выбор цели и применение силы не должны вводить в заблуждение комбатантов и мирных жителей, а также игнорировать воздействие на беззащитное население.

200. Эти критерии порождают ряд не подлежащих обсуждению требований. Во-первых, все системы, используемые в условиях войны, должны гарантировать возможность восстановления и реконструкции процессов принятия решений, чтобы ответственность и вина не сводились к «машине». Во-вторых, решение о применении смертоносной силы не может быть делегировано непрозрачным или автоматизированным процессам, а должно оставаться под эффективным, самосознательным и ответственным контролем человека. Наконец, крайне важно создать общую структуру — в том числе на международном уровне — для сдерживания гонки технологических вооружений и обеспечения надежной защиты гражданского населения и инфраструктуры, необходимой для его выживания.

Кризис многосторонности

201. Культура власти также проистекает из кризиса многосторонней системы. Институты, созданные для защиты концепции общего будущего для всех народов и глобального общего блага, похоже, ослабли. Это связано не только со структурными ограничениями, но и с частым отсутствием общей воли к их поддержке и реформированию, или к признанию их морального авторитета. Вместо прогресса мы откатываемся от значительного поворотного момента двадцатого века. После 1989 года, после краха коммунистических режимов в Европе, последовала преимущественно экономическая глобализация, которой не хватало адекватной политической структуры, способной поддерживать диалог и мир. Почти слепая вера была возложена на способность рынков обеспечивать процветание, демократию и стабильность. В действительности, вместо того чтобы автоматически порождать единство и мир, глобализация спровоцировала фундаменталистские, основанные на идентичности и националистические реакции. Результат далек от подлинного многостороннего подхода; вместо этого возник беспорядочный и конфликтный многополярный подход с преобладающим чувством недоверия.

202. Также вновь возникло искушение создать коллективную идентичность в противовес врагу, подпитываемое нарративами, в которых каждая сторона изображает себя жертвой, имеющей право на возмездие. Сведение сложных вопросов к упрощенным категориям — «я первый», «друг или враг», «мы или они» — способствует принятию решений, которые часто являются безответственными и подрывают взаимное доверие между нациями. Таким образом, сила международного права заменяется утверждением, что «сила — это право». Следовательно, трибуналы, компетентные для разрешения споров между государствами или рассмотрения военных преступлений, часто ослабляются или обходятся стороной, что имеет разрушительные последствия для политической культуры и социальной сплоченности. [185]

203. В этом контексте миростроительство отодвинуто на второй план. Сотрудничество в целях развития, разоружения, предотвращения конфликтов и установления взаимного доверия игнорируется во имя силовой политики. Достижения гуманитарного права также ставятся под угрозу. Действительно, принцип соразмерности в реагировании на агрессию, защита доступа к воде, продовольствию и товарам первой необходимости, а также уважение к жизни гражданского населения, особенно детей, начинают рассматриваться как наивные пережитки прошлого.

Предполагаемый политический реализм

204. Мы живем во времена значительной духовной и культурной слепоты. Ложный прагматизм подталкивает нас к тому, чтобы разорвать корни нашей истории, как будто возможно положить начало своего рода «новому творению», оторванному от прошлого. Даже те, кто ссылается на важные моральные принципы, могут впасть в этот исторический нигилизм, ошибочно полагая, что зверства двадцатого века никогда не повторятся. Однако в действительности та же динамика возрождается под новыми обличьями. Менталитет вооруженного равновесия и сдерживания, похоже, вновь утверждает себя. Сегодня, однако, в отличие от двусторонней динамики холодной войны, распространение оперативников и полей сражений делает этот менталитет все более хрупким. Эскалация конфликтов приводит к асимметричным и «гибридным» войнам, которые ведутся не только на поле боя, но и на экономическом, финансовом и киберфронте, где дезинформация и кампании, разжигающие страхи людей, используются для манипулирования общественным мнением. Во многих странах, в том числе и в странах Глобального Юга, увеличение военных расходов представляется единственным ответом на неопределенное будущее или предполагаемые угрозы. Между тем, реальные издержки ложатся на беднейшие слои населения, которые сталкиваются с сокращением ресурсов для здравоохранения, образования и социальных услуг.

205. В основе этих проблем лежит ложный реализм, основанный не только на преобладающем менталитете силы, но и на культурном и антропологическом убеждении, что война является неизбежной частью человеческой природы. Говорят, что так было всегда, за исключением редких перерывов, и так будет всегда! В результате, забота сводится не к поиску мира — который утрачен как ориентир на международной арене — а к тому, как и когда предпринимать военные действия. Этот же аргумент утверждает, что было бы безответственно не готовиться к конфликту. Однако я бы утверждал, что по-настоящему безответственной является *реальная политика*, форма политического «реализма», которая сеет в сознании и обществе смирение перед неизбежностью войны и отвергает мир и диалог как утопические или иррациональные позиции, игнорирующие риски. На самом деле, мир — это не наивная надежда и не просто отсутствие войны; напротив, он всегда возможен как плод справедливости и милосердия.

206. В такой обстановке нигилизм и прагматизм переплетаются и в конечном итоге приводят к нормализации серьезных ошибок. Религиозный экстремизм и фанатизм, основанный на идентичности, объединяются с иррациональной экономической политикой, в то время как политика часто обращается к дезинформации и высмеиванию оппонентов, систематически культивируя страхи и обиды. Таким образом, разнообразие все чаще воспринимается как угроза, что подпитывает стремление к обладанию, волю к доминированию, гегемонистские амбиции, злоупотребления властью и страх перед теми, кто отличается, создавая тем самым среду, в которой новые конфликты могут развиваться почти незаметно. [186]

207. Таким образом, это благодатная почва для новых войн, которые, возможно, даже опаснее войн прошлого, поскольку они, как правило, игнорируют все этические нормы. То, что когда-то считалось неприемлемым, теперь может быть осуществлено почти без колебаний, в то время как международная реакция все больше определяется интересами отдельных правительств, чем объективной серьезностью ситуации. Решения теперь, кажется, принимаются почти исключительно на основе экономических расчетов, оправдываемых искажениями в СМИ, искусственно созданным энтузиазмом и «мечтами», которые неизбежно рушатся, порождая разочарование и дальнейшее насилие. Когда люди начинают верить, что ничто не является подлинной истиной, а принципы — пустые слова, тогда в их сердцах загорается фитиль для новых вспышек нетерпимости и агрессии.

208. В таких ситуациях вопрос о конкретных гарантиях предотвращения будущего насилия остается открытым. Когда культура нормализует и оправдывает конфликт, открывается опасный путь, поскольку то, что сегодня кажется немислимым, завтра может стать приемлемым во имя пользы или безопасности. В странах, отмеченных серьезной социальной напряженностью, нельзя исключать возможность того, что некоторые лидеры могут рассматривать вооруженный конфликт как эффективный способ отвлечения внимания от внутренних проблем и циничный инструмент управления трудностями.

209. Особая ответственность лежит на плечах тех, кто работает в сфере исследований. Все ключевые игроки в этой области — ученые, владельцы бизнеса, инвесторы, научные авторитеты, политики и другие — должны работать прозрачно и ответственно, сохраняя при этом острое понимание более широкого контекста технологических достижений, в развитии которых они участвуют, включая достижения в области искусственного интеллекта. Когда люди ограничиваются рассмотрением только своей сферы, они могут обманывать себя, полагая, что совершают действия, которые являются морально нейтральными, и избегают вопросов о конечных целях, лежащих в основе тех или иных экспериментов. Таким образом, они рискуют сотрудничать — возможно, неосознанно — с сомнительными проектами, которые подпитывают новые формы насилия, манипуляций и доминирования.

Построение цивилизации любви

210. Создание мира, находящегося в состоянии вечного конфликта, — это зло, и его необходимо назвать таковым. Такой способ описания нашей нынешней ситуации может показаться мрачным или пессимистичным, но я считаю необходимым это сделать. Однако христианская точка зрения не ограничивается осуждением зла. Мы рассматриваем историю в свете распятого и воскресшего Господа, которому Отец дал «всю власть на небе и на земле» (Мф 28:18). Мы не рассматриваем настоящее как predetermined судьбу, а как возможность для личного и коллективного обращения. Более того, мы верим в силу Царства, которое произрастает из крошечного горчичного зерна, которое, будучи посеяно, прорастает и растет (ср. Мк 4:26-32). В то время как вокруг нас царит смятение, добро тихо произрастает из земли. Как сказал пророк Исаия: «Вот, Я творю новое; вот, оно прорастает, разве вы не видите этого?» (Ис 43:19).

211. Более тщательный анализ истории подтверждает это. Даже в самые темные ночи Господь воздвигает мужчин и женщин, которые отказываются сдаваться, которые упорствуют в совершении добра, которые защищают уязвимых и открывают пути к примирению. Память о святых, праведниках и часто забываемых миротворцах показывает нам, что благодать не устраняет конфликты волшебным образом, а, наоборот, вдохновляет на активное сопротивление злу и поразительную творческую силу в совершении добра. Христиане видят тьму и признают ее такой, какая она есть, но они не просто пассивно смотрят на нее, ибо знают свет и понимают, что тьма не одолела ее и не может победить (ср. Ин. 1:5). По этой причине, даже когда кажется, что страдание имеет последнее слово, христиане служат добру и поддерживаются богословской надеждой, которая придает реальности смысл и направление.

Мы каждый из нас может внести свой вклад.

212. Однако на этом этапе может возникнуть тонкое искушение, а именно мысль о том, что проблемы слишком велики, а мы слишком малы, и поэтому наши решения ничего не изменят. Это вежливая форма смирения, часто замаскированная под реализм. Конечно, не у всех одинаковая власть, чтобы что-то изменить. Есть те, кто управляет, принимает инвестиционные решения, руководит учреждениями, проводит исследования, занимается образованием, производит или предоставляет информацию, а есть те, кто, кажется, просто живет своей повседневной жизнью. Тем не менее, никто не свободен от ответственности. У каждого из нас есть свои сферы деятельности, и именно там — и нигде больше — мы должны выбирать, подпитывать ли менталитет силы (пусть даже только безразличием, цинизмом, ложью или ненавистью) или сохранять мирный настрой (с помощью правды, умеренности, близости и заботы).

213. Католический писатель XX века Дж. Р. Р. Толкин, словами одного из героев своих романов, описал нашу ответственность следующим образом: «Наша задача не в том, чтобы управлять всеми приливами мира, а в том, чтобы делать то, что в наших силах, для помощи тем годам, в которых мы находимся, искореняя зло на полях, которые мы знаем, чтобы те, кто будет жить после, имели чистую землю для обработки». [187] Цивилизация любви возникнет не из одного-единственного или впечатляющего жеста, а из совокупности малых и непоколебимых актов верности, которые служат оплотом против дегуманизации. По этой причине стоит остановиться и поразмышлять о некоторых аспектах того, как мы, каждый по-своему, можем сотрудничать в построении цивилизации любви. Не претендуя на исчерпывающее изложение этой темы, я хотел бы предложить пять путей к повседневной и общественной ответственности: необходимость обезоруживать слова, построение мира через справедливость, принятие точки зрения жертв, культивирование здорового реализма и возрождение диалога и многостороннего сотрудничества.

Необходимость обезоружить слова

214. Первый вклад, который мы можем внести в более гуманную цивилизацию, — это внимательно относиться к своим словам. «Давайте разоружим слова, и мы поможем разоружить мир». [188] Слова обладают огромной силой, которую мы ощущаем в повседневном общении; например, произнесенные слова могут изменить наше настроение к лучшему или к худшему. «Мир начинается с каждого из нас: с того, как мы смотрим на других, слушаем других и говорим о других. В этом смысле способ нашего общения имеет основополагающее значение: мы должны сказать «нет» войне слов и образов, мы должны отвергнуть парадигму войны». [189] Поэтому мы все должны исследовать свою совесть относительно слов, которые мы используем, наших предубеждений и явной или скрытой агрессии, которая в них заложена. У нас есть реальная возможность внести свой вклад в общее благо каждый раз, когда мы говорим правду, даем мудрые советы, поддерживаем нуждающихся в утешении, осуждаем несправедливость и даем голос тем, кто его лишен.

Построение мира через справедливость

215. Каждый из нас, на любом уровне, может внести свой вклад в построение фундамента мира, которым является справедливость. Мы стремимся не просто к любому виду мира — например, к отсутствию конфликта любой ценой, — а к истинному миру, рожденному справедливостью. «Существует очень тесная связь между справедливостью отдельного человека и миром для всех». [190] Комментируя псалом «справедливость и мир соединились» (Пс 84:11), святой Августин писал: «Нет никого, кто бы избегал стремления к миру, но не каждый желает творить справедливость... Но совершайте дела справедливости, помня, что справедливость и мир соединились; они не противоречат друг другу. Зачем вы противитесь справедливости? Вот, например, справедливость говорит вам не красть, но вы не обращаете на это внимания; не прелюбодействовать, и вы глухи к этому; не делать другим того, чего не хотели бы, чтобы делали вам; не говорить о ближнем своем того, чего не хотели бы, чтобы говорили о себе... Хотите ли вы обрести мир? Тогда творите справедливость!» [191] Давайте никогда не будем уставать искать справедливость!

Принятие точки зрения жертв

216. Бывают моменты, когда, чтобы оставаться людьми, мы должны отбросить свои сомнения и занять твердую позицию. В некоторых конфликтах оставаться нейтральным несправедливо, и недостаточно просто заявлять о своей непричастности. [192] Когда мы становимся свидетелями бомбардировок мирного населения, нападений на больницы, школы или жизненно важную инфраструктуру и насилия, затрагивающего детей, мы сталкиваемся со скандалами, которые ранят само человечество. По этой причине мы не можем ограничиваться уровнем абстрактного анализа. Папа Франциск призвал нас «прикоснуться к израненной плоти» [193] тех, кто страдает, посмотреть на их лица, выслушать их истории и признать их раны. Болезненные события требуют как истории, так и памяти: первая — для того, чтобы рассказать о фактах, вторая — для того, чтобы засвидетельствовать пережитый опыт.

217. Предоставление пространства для точек зрения и голосов жертв посредством общения и образования помогает нам осознать бездну зла, присущую войне и вообще всем формам насилия. Это помогает нам отвергать нормализацию конфликта; не отворачиваться, когда нарушается человеческое достоинство; и вернуть жертвам достоинство быть признанными и услышанными. [194] Внимание к этим голосам укрепляет убеждение, что, за исключением насильственных меньшинств, человечество не желает войны. В некотором смысле Церковь может быть местом живой памяти для жертв. Как напоминание святой Павел VI, Церковь чувствует, что должна сделать своим собственным как голос тех, кто погиб в прошлых войнах, так и голос живых, которые до сих пор несут раны, чтобы их крики стали призывом к миру и гармонии, а не прелюдией к новым конфликтам. [195]

Развитие здорового реализма

218. Нам необходим здоровый реализм, избегающий как политического идеализма, так и цинизма. Существует своего рода идеализм, который, стремясь сохранить собственное мировоззрение, склонен избирательно выбирать факты, искажая и переименовывая их. Его сторонники в конечном итоге оказываются в реальности, созданной в соответствии с их собственными убеждениями. И наоборот, существует также искаженная форма реализма, которая путает наблюдение с смирением, утверждая, что, поскольку сила побеждает, она всегда будет побеждать. Подлинный реализм не отказывается от стремления изменить мир; напротив, он начинает с четкого определения интересов, страхов, ограничений и динамики власти именно для того, чтобы определить, чего можно достичь и какие меры необходимы для этого. Он не сводит политику к морали; он также не сдается перед насилием. Вместо этого он ищет жизнеспособные пути к тому, чтобы мир стал чем-то большим, чем просто слово, посредством заслуживающих доверия институтов, проверяемых гарантий, терпеливых переговоров, предотвращения конфликтов и защиты гражданского населения.

Возрождение диалога

219. Для построения цивилизации любви мы должны вступать в диалог, ибо это основное средство сосуществования людей и народов, и это альтернатива открытому конфликту. Накануне Второй мировой войны Пий XII утверждал, что в мире ничего не потеряно, тогда как в войне можно потерять всё. Он настаивал на том, что люди должны вернуться к общению друг с другом, потому что искренний и настойчивый диалог всегда открывает возможность достойного решения. [196]

220. Действительно, диалог — это обычная часть человеческой жизни, и он касается не только отношений между государствами. Он предполагает формирование отношения, направленного на создание братских уз, основанных на умении слушать, открытости, уделении времени друг другу и даже совместном времяпрепровождении. Ведь если мы переживаем подлинные встречи с другими, с теми, кто отличается от нас, с незнакомцами и мигрантами, становится гораздо труднее даже представить себе войну.

221. На политическом уровне существует острая необходимость перехода от «культуры власти» к подлинной «культуре переговоров», в которой диалог и дипломатия становятся стандартными средствами разрешения конфликтов. Джорджо Ла Пира выразил надежду, что «метод войны будет заменен методом мира: методом переговоров, встречи, сближения, то есть подлинно человеческим методом!» [197] Осознание того, что все народы разделяют общее будущее, требует, чтобы

«культура переговоров» стала все более распространенным политическим и культурным обязательством, способным постепенно вывести человечество из цикла насилия.

222. Тем, кто удостоен чести и ответственности управлять, я хотел бы повторить слова, которые произнес в начале своего понтификата: «Народы нашего мира желают мира, и к их лидерам я обращаюсь всем сердцем: давайте встретимся, давайте поговорим, давайте договоримся! Война никогда не бывает неизбежной. Оружие можно и нужно заставить замолчать, ибо оно не решает проблем, а лишь усугубляет их. Миротворцами являются те, кто творит историю, а не те, кто сеет семена страданий. Наши соседи — не в первую очередь наши враги, а наши собратья; не преступники, которых следует ненавидеть, а другие мужчины и женщины, с которыми мы можем поговорить. Давайте отвергнем манихейские представления, столь типичные для того образа мышления, основанного на насилии, который делит мир на добрых и злых». [198]

223. В отказе от мышления, ориентированного на насилие, решающую роль играет межрелигиозный диалог, поскольку в основе великих духовных путей лежит послание мира. [199] В то время как те, кто использует имя Бога для легитимизации терроризма, насилия или войны, предают Его истинную природу, ибо бороться во имя религии означает нападать на саму религию. [200] «Дух Ассизи», упомянутый святым Иоанном Павлом II и продолженный Папой Франциском — например, через его диалог с Великим Имамом Аль-Азхара — показывает, что верующие могут опираться на самые подлинные источники своих особых духовных традиций, где нет места «освященной ненависти».

Оннеобходимость дипломатии и многостороннего сотрудничества

224. В международных отношениях диалог является незаменимым дипломатическим инструментом предотвращения конфликтов и восстановления доверительных отношений. В условиях импульсивных передач, агрессивной риторики и силовой политики, характерных для нашего времени, «призвание дипломатии состоит в том, чтобы способствовать диалогу со всеми сторонами, включая тех собеседников, которые считаются менее «удобными» или не считаются легитимными для ведения переговоров». [201] Поэтому следует проявлять максимум смирения и терпения, чтобы взрастить даже самые слабые признаки доброй воли между сторонами конфликта, чтобы продвинуть процесс установления мира.

225. Киберпространство также стало полем битвы. Кибератаки, манипулирование данными и кампании влияния, организованные с помощью ИИ, могут дестабилизировать целые страны еще до начала открытого вооруженного конфликта. Более того, в этой области часто возникает неопределенность в отношении возложения ответственности. Когда неясно, кто совершил нападение, возрастает риск непропорциональной реакции, просчета и эскалации. По этой причине дипломатия должна быть способна эффективно действовать в этой новой среде, согласовывая общие правила использования цифровых технологий, чтобы защитить гражданское население и наиболее уязвимые группы населения от «невидимых», но реальных форм насилия.

226. Международные организации, в частности Организация Объединенных Наций, являются важнейшими инструментами содействия цивилизации любви, поскольку они могут способствовать диалогу между народами и содействовать мирному разрешению конфликтов, всестороннему развитию народов, защите наиболее уязвимых групп населения, разоружению и заботе о природе. Благодаря таким усилиям международное сообщество может работать над сокращением неравенства, защитой прав беженцев и меньшинств, перераспределением ресурсов с военных расходов на развитие человеческого потенциала и защитой нашего общего дома. Святой Престол поддерживает и сопровождает эти усилия, признавая при этом, что нынешняя слабость ООН и международной политической системы свидетельствует о необходимости глубоких реформ. Это не просто вопрос технических корректировок, поскольку кризис убеждений и ценностей, который также затрагивает этические основы наций, затрудняет направление многостороннего сотрудничества к истинному общему благу. [202]

227. В международном контексте дипломатия Святого Престола принимает евангельский принцип милосердия как конкретный критерий политических действий. Это один из способов, с помощью которого Святой Престол ставит себя на службу человечеству, тем самым взывая к совести во имя милосердия и истины, защищая достоинство каждого человека и выступая в защиту бедных, мигрантов и жертв войны. Таким образом, папская дипломатия выражает всеобщность Церкви и способствует построению цивилизации любви, где даже новые технологии могут быть ориентированы на общее благо.

Молитва и надежда

228. Эти пути проявления ответственности поддерживаются молитвой и, в свою очередь, питают молитву. Действительно, для каждого из нас мир прежде всего исходит «от Бога, Бога, который любит нас всех безусловно». [203] Это дар, данный Иисусом своим ученикам в день Пасхи: «Мир вам! Это мир воскресшего Христа. Мир безоружный и обезоруживающий, смиренный и стойкий». [204] Этими словами я приветствовал Церковь и мир в день моего избрания на Престол Петра. Я хочу повторить их сейчас и призвать всех молиться об этом даре. Давайте никогда не будем уставать молиться о мире и посвящать себя его достижению в наших отношениях и в обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

229. «Пусть каждый строитель тщательно выбирает, как строить» (1 Кор. 3:10). Этими словами святой Павел призывал христиан Коринфа сохранять единство. Дорогие братья и сестры, мы размышляли о мире, который строим, и задавались вопросом, что значит оберегать человеческую личность в эпоху искусственного интеллекта. В конце этого размышления я хотел бы предложить трезвую, но требовательную программу христианской жизни, с помощью которой мы сможем пройти через эти эпохальные перемены в свете Евангелия. Этот путь открывается через созерцание Божьего плана, жизнь в церковном единстве через участие в Евхаристии, построение мира, сосредоточенного на общем благе, и молитву в единстве с Пресвятой Девой Марией.

Слово стало плотью

230. Наш мир полон попыток захватить контроль над рынками и сферами влияния, часто окутанных успокаивающей риторикой и соблазнительными идеологиями. И все же наши сердца жаждут мудрого и благожелательного подхода, подобного тому, который Мария восхваляет в своем «*Магнификате*», провозглашая, что милость Божья в каждом поколении распространяется на тех, кто боится Его. [205] Этот план милосердия продолжает разворачиваться на протяжении всей истории и сегодня, даже на фоне быстрых и тревожных изменений, вызванных алгоритмами и глобальными сетями, и в цифровую эпоху он становится компасом для жизни в соответствии с Евангелием.

231. В основе всего лежит тайна Воплощения, Слово, ставшее плотью и обитавшее среди нас. Плоть Сына, бедная и уязвимая, вызывает в памяти плоть многих братьев и сестер, лишенных достоинства и обреченных на молчание. [206] Благодаря близости Господа дар мира парадоксальным образом входит в мир. Он делает это через силу стать детьми Божьими и пробуждается, когда мы позволяем себе быть тронутыми слезами маленьких детей, хрупкостью стариков, молчанием жертв и борьбой тех, кто борется со злом, которое они не желают совершать. [207] В этой израненной, но любимой плоти Отец показывает нам истинную человечность жизни, исполненной через открытость и общение, что побуждает нас желать, чтобы Его воля исполнялась на земле, как на небе. [208]

232. В обещаниях трансгуманизма и некоторых постгуманистических течений мысли, стремящихся к улучшенному и почти бестелесному человечеству, мы видим тоску, которая нас волнует, а именно потребность в более полной жизни, менее подверженной ограничениям и страданиям. Однако Воплощение открывает иной путь. С одной стороны, старые и новые идеологии призывают человечество преодолевать ограничения с помощью технологий и возвышаться над другими, утверждая свое господство. В противоположность этому, тайна Сына Божьего, входящего в наше человеческое состояние, обещает нечто совершенно иное. Живой Бог нисходит в нашу историю, чтобы освободить нас от всех форм рабства. [209] Он берет на Себя нашу слабость и превращает ее в обстановку для спасения. Нет ни одного момента или человеческой ситуации, которые не были бы достойны Бога. «Согласно учению нашей веры, мы имеем и почитаем в наших таинствах Бога, рожденного в яслях, Бога, живущего и путешествующего по Иудее, Бога, умирающего на кресте, мертвого Бога, лежащего в гробнице». [210] Поэтому будущее человечества находит свой ориентир в способности принять этот божественный путь приближения, разделения бремени мира, преобразования отношений изнутри. «О чудо... человек есть Бог, и этот Богочеловек проходит через все эти стадии, выдерживает все эти состояния и облагораживает их, освящает их, обожествляет их в Себе!» [211] Что спасает человечество, так это божественная любовь, которая нисходит в самую хрупкую точку нашей истории и обновляет ее изнутри.

233. Поэтому, как верующий среди верующих, я призываю всех созерцать перед лицом Сына Божьего *величие человечества*, которое освещает также эпоху ИИ. Во Христе мы призваны сотрудничать в деле творения, а не быть беспристрастными наблюдателями технологических процессов, которые ограничивают нашу свободу и ответственность. [212] Достоинство, заложенное в каждом из нас Святым Духом, также проявляется в нашей способности критически размышлять, свободно выбирать и любить, а также формировать подлинные отношения. Никакая вычислительная система, какой бы сложной она ни была, не может создать сердце, отдающее себя, или совесть, различающую добро и зло. Даже когда машины превосходят в эффективности, человеческое лицо, которое просит, чтобы на него смотрели, остается центром нашей истории. Это человеческое лицо — полнота, к которой движется история. Это тайна «повторения»: уверенность в том, что Отец предопределил вернуть все, что на небесах и на земле, ко Христу, единой Главе (ср. Еф. 1:10). В этом плане ничто подлинно человеческое не будет утрачено. Напротив, всё будет очищено и воссоединено в Том, кто собирает каждый фрагмент жизни, каждую слезу и каждое подлинно человеческое достижение, спасая их от небытия и предавая их, искупленных, Отцу.

Одно тело во Христе

234. Необходимая нам духовность — это евхаристическая духовность, то есть духовность церковного единства в любви. Воплощение и Пасхальная тайна показывают, как Бог входит в наше человеческое состояние и преобразует его через дар Себя. Этот дар остается присутствующим и действующим в Евхаристии, в которой Господь отдает Себя и собирает Церковь вместе, так что Его приношение становится принципом единства и источником новой жизни. Именно из этого общения возникает и христианская солидарность, поскольку «единство со Христом есть также единство со всеми теми,

кому Он отдает Себя». [213] Как объяснил святой Августин новообращенным христианам своей местной Церкви, хлеб и вино на алтаре являются таинством единства верных во Христе: «Видимое — лишь физическое подобие, а постигаемое приносит духовный плод. Итак, если вы хотите понять тело Христово, послушайте апостола Павла, обращающегося к верным: *вместе вы — тело Христово* (1 Кор 12:27). Если вы — тело и члены Христовы, то именно ваше таинство возлагается на стол Господень; именно ваше таинство вы принимаете. Вы отвечаете «Аминь», и, отвечая таким образом, вы соглашаетесь с ним. Ибо вы слышите слова «Тело Христово» и отвечаете «Аминь». Будьте же членом Тела Христового, дабы ваше «Аминь» было истинным!» [214]

235. «Аминь», которое мы произносим в литургии, Тело, которое мы вкушаем, и Кровь, которую мы пьем, формируют всю нашу жизнь. Евхаристия «— это чрезвычайно личная встреча с Господом, и всё же это никогда не просто акт личного благочестия» [215]. В Евхаристии мы находим видимое проявление того, что мы «— Церковь Христова, Его члены, Его тело. Мы — братья и сестры в Нем. И во Христе, хотя мы многочисленны и разнообразны, мы едины: *In Illo uno unum* » [216]. Евхаристия открывает нам путь к справедливости и состраданию, проявляя особую заботу о тех, кто обременён бедностью или маргинализацией. И хотя новые экономические и технологические сети могут порождать исключение, изоляцию и зависимость, Церковь — питаемая Евхаристией — призвана сделать видимой другую парадигму, которая сохраняет человеческие связи, даёт голос невидимому и гарантирует, что процессы направлены на уважение достоинства людей.

Строительная площадка нашего времени

236. Духовность, которую я хочу похвалить, — это духовность «мудрого архитектора», который, движимый надеждой на Царство Божие, стремится строить мир во благо всего человечества (ср. 1 Кор. 3:10). Как я уже упоминал в начале этого размышления, [217] задача созидания в наше время должна ставить в центр наши отношения с Богом. Нашим правилом должно быть принятие человеческих ограничений как естественной и позитивной реальности, и оно должно характеризоваться общей ответственностью и языком, основанным на Евангелии. В конце этого размышления план цивилизации любви становится более ясным, и строительная площадка, кажется, уже возведена и функционирует, особенно благодаря множеству живых камней, прочно соединенных с Христом, краеугольным камнем (ср. 1 Пет. 2:4-6). В этой задаче мы призваны играть активную роль, не прибегая к духовной сентиментальности. или же уходить в свои маленькие мирки. Мы должны быть верны истине, вкладывать средства в образование, развивать отношения и любить справедливость и мир.

237. Давайте останемся верны истине! Живя в условиях непрерывного потока информации, мнений и изображений, мы знаем, как легко можно влиять на решения и предпочтения с помощью все более сложных алгоритмов. [218] В этом контексте крайне важно возвращать сердца, любящие истину, предпочитающие то, что правильно, несмотря на наиболее привлекательное содержание, и стремящиеся к мудрости, а не к немедленным результатам. Мы всегда должны помнить истину о Боге и человечестве, как Христос открыл их нам. Мы должны отбросить индивидуалистический и технический взгляд на человечество, как если бы реальность была всего лишь материей, которую можно формировать в соответствии с эгоистичными интересами, как индивидуальными, так и коллективными. [219] Вместо этого давайте будем культивировать то, что Папа Франциск назвал «ситуативным антропоцентризмом», [220] который признает человека как существо, встроенное в сеть взаимоотношений с другими живыми существами и со всем творением. Верность истине требует интеграции возможностей, предлагаемых технологиями, в рамках, отмеченных мудростью, способной защитить как достоинство каждого человека, так и будущее нашего общего дома.

238. Давайте инвестировать в образование, начиная с самих себя! Нам всем необходимо научиться взаимодействовать с цифровым миром по-человечески, как неотъемлемой части нашего духовного образования и жизни в соответствии с Евангелием. Действительно, мы должны рассматривать цифровой мир как новый континент для евангелизации, требующий щедрых миссионеров, зрелых в вере. В частности, нам нужны взрослые, которые заново откроют свое призвание как мастера образования, готовые терпеливо работать каждый день при поддержке обширных и взаимных образовательных партнерств. Сегодня сопровождение детей и молодежи в использовании технологий для развития ответственных отношений, помощь им в осознании рисков и выборе того, что способствует внутренней свободе, является конкретной формой благотворительности и защитит их достоинство. Обучение новых поколений тому, что технологическая эволюция не следует predetermined пути, а может быть направлена личной и коллективной ответственностью, представляет собой одну из самых ценных услуг на благо общества.

239. Давайте развивать отношения! В эпоху, благоприятствующую скорости и фрагментации, человек по-прежнему жаждет заботы и признания от внимательных людей, добрых слов и рук, способных на нежность. Цифровая культура умножает связи и предлагает новые возможности для взаимодействия; однако человеческое сердце сохраняет непреодолимую потребность в подлинной близости. Я призываю всех ценить места и время, где физическое присутствие остается крайне важным, такие как совместные трапезы, христианские общинные собрания, время, проведенное с одинокими и служение бедным. Это признаки человечества, которое продолжает верить, что тело каждого человека — это

обитель Бога и храм Святого Духа. Именно этот завет между славой и хрупкостью становится критерием оценки антропологических моделей, предлагаемых современной культурой.

240. Давайте любить справедливость и мир! Те же технологии, которые облегчают общение и доступ к ресурсам, могут также поддерживать модели, которые эксплуатируют наиболее уязвимых, создают новые формы рабства и извлекают прибыль из конфликтов. Каждое техническое или экономическое решение должно включать духовное различие и быть возможностью оценить, способствуют ли достижения в области ИИ справедливости и участию или концентрируют богатство и власть в руках избранных. Я бы призвал к тщательному изучению цепочек поставок цифрового производства, условий труда, скрытых за нашими устройствами, и механизмов, которые извлекают выгоду из манипуляций и войны. В то же время необходимо найти практические способы содействия справедливости, участию и заботе о творении. Мы провозглашаем надежду, коренящуюся в Том, кто сошел с небес, чтобы «сотворить новую историю здесь, внизу». По этой причине верующие стремятся к тому, чтобы большая справедливость заняла место неравенства, а индустрия войны была заменена ремеслом мира. [221]

241. Глядя в будущее, я хотел бы вспомнить образ Неемии, которого мы выбрали своим спутником и проводником в самом начале. Неемия услышал крик разрушенного города, выразил эту боль в молитве, распознал её перед Богом, попросил о помощи, получил разрешение вернуться, организовал работу, столкнулся с внутренним и внешним сопротивлением и восстановил стены Иерусалима с помощью народа, кирпичик за кирпичиком. В эту эпоху цифровой трансформации я вижу в нём поразительную притчу о нашем собственном призвании, которое состоит не в том, чтобы быть пассивными наблюдателями социальных и культурных потрясений, не в том, чтобы быть просто комментаторами того, что рушится, а в том, чтобы быть мужчинами и женщинами, готовыми войти на строительные площадки истории — в исследовательские лаборатории, технологические компании, школы, средства массовой информации, учреждения и местные сообщества — чтобы восстановить то, что рухнуло, и защитить то, что находится под угрозой. Подобно Неемии, мы тоже призваны объединить умение слушать и мужество, молитву и ответственность, чтобы даже когда, кажется, преобладает технократический менталитет или партийные интересы, человеческий город стал более подходящим местом для жизни.

242. Образ восстановления Иерусалима вызывает в памяти новозаветное обетование о святом городе, который дан нам прежде всего как дар. В Книге Откровения новый Иерусалим нисходит как дар для всего народа Божьего, «приготовленный, как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр. 21:2). Стены Иерусалима больше не являются оборонительными укреплениями, а драгоценными украшениями Невесты Агнца. Его врата, которые Неемия так усердно охранял, остаются навсегда открытыми для всех народов. Присутствие Бога дарит свет и жизнь всем. Город — это новый Эдем, с живой водой, предлагаемой жаждущим, и деревом жизни, листья которого «для исцеления народов» (Откр. 22:2). В ожидании его исполнения это видение предстает перед нами как ободрение — призыв преодолеть наши разногласия и работать вместе — ибо это путь Иисуса Христа, вчера, сегодня и вовеки.

Песнь надежды: Магнификат

243. Рассмотрев веру, которая созерцает любящий замысел Отца; любовь, которая объединяет нас в единое церковное тело; и надежду, которая поддерживает наши действия в мире, четвертым столпом этой программы христианской жизни является молитва. Песнь Марии сопровождает наше посвящение. Перед Елизаветой, которая возвещает ей, что она стала матерью Господа, Мария разражается гимном хвалы и радости. Ее душа прославляет Господа, и ее дух радуется Богу, своему Спасителю, ибо Он избрал для Своего плана спасения молодую, бедную и смиренную девушку. Мария внезапно видит всю историю через призму этого откровения. Вокруг нее ничего не изменилось; социально-политическая ситуация ее времени остается прежней. Римляне продолжают контролировать ее землю, а ее народ по-прежнему поработен и унижен. И все же все изменилось внутри нее, и это позволяет ей увидеть невидимое. Бог уже явил силу Своей руки; Он уже рассеял гордых, низверг сильных, возвысил смиренных, накормил голодных благами и отослал богатых с пустыми руками. Он уже помог Израилю, Своему слуге. Бог «принимает на Себя роль смиренных. Его план часто скрыт под непрозрачным контекстом человеческих событий, в которых торжествуют «гордые, сильные и богатые». И все же Его тайная сила в конце концов должна быть явлена». [222]

244. Пресвятая Дева Мария не только учит нас распознавать невидимое деяние Бога, но и направляет наш взор к «точкам, в которых человечество сломлено и мир искажен: контраст между смиренными и сильными, бедными и богатыми, сытыми и голодными», уча нас «смотреть на мир с более низкой позиции: глазами страдающих, а не могущественных; смотреть на историю глазами малых, а не с точки зрения сильных; интерпретировать события истории с позиции вдовы, сироты, странника, раненого ребенка, изгнанника и беглеца». [223] Таким образом, Пресвятая Дева становится «поэтессой и пророчицей Искупления», потому что на ее устах провозглашается «самый сильный и новаторский гимн из когда-либо созданных, *Магнификат*; именно она раскрывает преобразующее видение христианской экономики, исторический и социальный результат, который до сих пор черпает свое начало и силу из христианства». [224]

245. С той же верой, что и Мария, станем же «ткачами надежды» в нашем мире, делясь тем, кто мы есть и что имеем, чтобы присутствие Иисуса возрастало среди нас и чтобы Его Царство обретало форму. В смиренной верности повседневной жизни даже эпоха искусственного интеллекта может стать временем, когда Святой Дух созидает

цивилизацию любви в нашей жизни. Воистину, Господь продолжает обновлять всё и предлагает каждой эпохе возможность стать частью истории спасения в свете Воплощения. Я уверяю наше желание Матери Христовой, Женщине Магнификата, чтобы она направляла наши шаги в это время перемен и сохраняла в каждом из нас истинную веру в Евангелие, чтобы мы могли свидетельствовать о величии человечества, в котором Бог обитает.

Дано в Риме, в соборе Святого Петра, 15 мая 2026 года, во второй день моего понтификата.

ЛЕО ПП. XIV

- [1] Второй Ватиканский Вселенский Собор, Пастырская Конституция *Gaudium et Spes*, 22: AAS 58 (1966), 1042.
- [2] См. *там же*, 11: AAS 58 (1966), 1033-1034.
- [3] Второй Ватиканский Вселенский Собор, Догматическая Конституция *Lumen Gentium*, 1: AAS 57 (1965), 5.
- [4] См. Лев XIII, Энциклика *Rerum Novarum* (15 мая 1891 г.), 22: ASS 23 (1890-1891), 653.
- [5] Бенедикт XVI, Энциклика *Caritas in Veritate* (29 июня 2009 г.), 69: AAS 101 (2009), 702.
- [6] Франциск, Энциклика *Laudato Si'* (24 мая 2015 г.), 104: AAS 107 (2015), 888.
- [7] Там же.
- [8] Святой Августин, *Исповедь*, I, 1, 1: CCSL 27, Turnhout 1981, 1.
- [9] Франциск, Апостольское обращение *Evangelii Gaudium* (24 ноября 2013 г.), 183: AAS 105 (2013), 1097.
- [10] Второй Ватиканский Вселенский Собор, Пастырская Конституция *Gaudium et Spes*, 36: AAS 58 (1966), 1054; ср. Указ об апостольстве мирян *Apostolicam Actuositatem*, 7: AAS 58 (1966), 843-844.
- [11] Второй Ватиканский Вселенский Собор, Пастырская Конституция *Gaudium et Spes*, 44: AAS 58 (1966), 1065.
- [12] Франциск, Апостольское обращение *Evangelii Gaudium* (24 ноября 2013 г.), 257; AAC 105 (2013), 1123.
- [13] Святой Иоанн Павел II, Апостольское письмо, выпущенное «*Motu Proprio*» *Socialium Scientiarum* (1 января 1994 г.): AAS 86 (1994), 209.
- [14] Франциск, Энциклика *Laudato Si'* (24 мая 2015 г.), 61: AAS 107 (2015), 871.
- [15] См. Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Sollicitudo Rei Socialis* (30 декабря 1987 г.), 41: AAS 80 (1988), 570-572.
- [16] Святой Иоанн Павел II, Апостольское послание *Tertio Millennio Adveniente* (10 ноября 1994 г.), 35: AAS 87 (1995), 27.
- [17] *Обращение к членам фонда «Centesimus Annus Pro Pontifice»* (17 мая 2025 г.): AAS 117 (2025), 696.
- [18] Франциск, Апостольское обращение *Evangelii Gaudium* (24 ноября 2013 г.), 222: AAS 105 (2013), 1111.
- [19] См. *там же*, 236: AAS 105 (2013), 1115; Фрэнсис, Энциклика *Fratelli Tutti* (3 октября 2020 г.), 215: AAS 112 (2020), 1045-1046.
- [20] Второй Ватиканский Вселенский Собор, Догматическая Конституция *Lumen Gentium*, 13: AAS 57 (1965), 17.
- [21] См. Святой Павел VI, Апостольское послание *Octogesima Adveniens* (14 мая 1971 г.), 4: AAS 63 (1971), 403.
- [22] См. Франциск, Апостольское обращение *Evangelii Gaudium* (24 ноября 2013 г.), 243: AAS 105 (2013), 1118.
- [23] См. Пий XII, Апостольское обращение *Menti Nostrae* (23 сентября 1950 г.): AAS 42 (1950), 657-702.
- [24] Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus Annus* (1 мая 1991 г.), 5: AAS 83 (1991), 799.
- [25] Пий XI, Энциклика *Quadragesimo Anno* (15 мая 1931 г.), 39: AAS 23 (1931), 189; ср. Пий XII, *Радиосообщение по поводу 50-летия «Rerum Novarum»*: AAS 33 (1941), 198.
- [26] См. Пий XII, *Обращение к Священной коллегии кардиналов и Римской прелатуре* (24 декабря 1940 г.): AAS 33 (1941), 13.
- [27] См. энциклику Святого Иоанна XXIII *Mater et Magistra* (15 мая 1961 г.), 2-3: AAS 53 (1961), 402.
- [28] См. Святой Иоанн XXIII, Энциклика *Pacem in Terris* (11 апреля 1963 г.), 87: AAS 55 (1963), 301.
- [29] См. Второй Ватиканский Вселенский Собор, Пастырская Конституция *Gaudium et Spes*, 26: AAS 58 (1966), 1046-1047.
- [30] Ср. Второй Ватиканский Вселенский Собор, Декларация *Dignitatis Humanae*, 2: AAS 58 (1966), 930-931.
- [31] Святой Павел VI, Энциклика *Populorum Progressio* (26 марта 1967 г.), 14: AAS 59 (1967), 264.

- [32] Там же , 76: AAS 59 (1967), 299.
- [33] См. Святой Павел VI, Апостольское послание *Octogesima Adveniens* (14 мая 1971 г.), 4–7: AAS 63 (1971); 404–406.
- [34] Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Sollicitudo Rei Socialis* (30 декабря 1987 г.), 36: AAS 80 (1988), 561.
- [35] См. Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Laborem Exercens* (14 сентября 1981 г.), 19: AAS 73 (1981), 625–629.
- [36] См. там же , 10: AAS 73 (1981), 600–602.
- [37] См. Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Sollicitudo Rei Socialis* (30 декабря 1987 г.), 14: AAS 80 (1988), 526–528.
- [38] См. там же , 16: AAS 80 (1988), 531.
- [39] См. там же , 31–33: AAS 80 (1988), 555–559.
- [40] См. Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus Annus* (1 мая 1991 г.), 46: AAS 83 (1991), 850–851.
- [41] См. там же , 42: AAS 83 (1991), 844–846.
- [42] Бенедикт XVI, Энциклика *Caritas in Veritate* (29 июня 2009 г.), 21: AAS 101 (2009), 656.
- [43] См. там же , 22: AAS 101 (2009), 657.
- [44] См. там же , 24: AAS 101 (2009), 658–659.
- [45] См. там же , 36: AAS 101 (2009), 671–672.
- [46] Там же , 2: AAS 101 (2009), 642.
- [47] См. Франциск, Апостольское обращение *Evangelii Gaudium* (24 ноября 2013 г.), 198: AAS 105 (2013), 1103.
- [48] Франциск, Энциклика *Laudato Si'* (24 мая 2015 г.), 49: AAS 107 (2015), 866.
- [49] Фрэнсис, Энциклика *Fratelli Tutti* (3 октября 2020 г.), 127: AAS 112 (2020), 1013.
- [50] Фрэнсис, Энциклика *Dilexit Nos* (24 октября 2024 г.), 167: AAS 116 (2024), 1421.
- [51] См. Папский совет по справедливости и миру, *Сборник социальной доктрины Церкви* , Ватикан, 2004, 32.
- [52] Второй Ватиканский Вселенский Собор, Пастырская Конституция *Gaudium et Spes* , 24: AAS 58 (1966), 1045.
- [53] Там же , 22: AAS 58 (1966), 1042.
- [54] См. Папский совет по справедливости и миру, *Сборник социальной доктрины Церкви* , 38.
- [55] Святой Иоанн Павел II, Энциклика *«Redemptor Hominis»*. (4 марта 1979 г.), 14: AAS 71 (1979), 284.
- [56] См. Бенедикт XVI, Энциклика *Caritas in Veritate* (29 июня 2009 г.), 11: AAS 101 (2009), 647–648.
- [57] Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Veritatis Splendor* (6 августа 1993 г.), 31: AAS 85 (1993), 1159.
- [58] См. Второй Ватиканский Вселенский Собор, Пастырская Конституция *Gaudium et Spes* , 26: AAS 58 (1966), 1046–1047.
- [59] См. Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus Annus* (1 мая 1991 г.), 11: AAS 83 (1991), 806–807.
- [60] См. Дикастерия доктрины веры, Декларация *Dignitas Infinita* (2 апреля 2024 г.), 7: AAS 116 (2024), 592–593.
- [61] См. там же , 8: AAS 116 (2024), 593–594.
- [62] Там же , 1: AAS 116 (2024), 589–590.
- [63] См. Святой Иоанн Павел II, *Ангелус с инвалидами в соборе Оснабрюка* (16 ноября 1980 г.): *Insegnamenti di Giovanni Paolo II*, vol. III/2, Ватикан 1980, 1232.
- [64] Папский совет по справедливости и миру, *Сборник социальной доктрины Церкви* , 152.
- [65] См. Святой Иоанн Павел II, *Обращение к 50-й Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций* (5 октября 1995 г.), 2: *Insegnamenti di Giovanni Paolo II*, том XVIII/2, Ватикан, 1998 г., 731.
- [66] Святой Иоанн Павел II, *Обращение к 34-й Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций* (2 октября 1979 г.), 7: AAS 71 (1979), 1148.
- [67] Святой Иоанн Павел II, *Послание ко Всемирному дню мира* (1 января 1999 г.), 3: AAS 91 (1999), 379.
- [68] См. Святой Иоанн XXIII, Энциклика *Pacem in Terris* (11 апреля 1963 г.), 5: AAS 55 (1963), 259.
- [69] Святой Павел VI, *Послание к Международной конференции по правам человека* (15 апреля 1968 г.): AAS 60 (1968), 285.
- [70] См. Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Evangelium Vitae* (25 марта 1995 г.), 2: AAS 87 (1995), 402.

- [71] См. Второй Ватиканский Вселенский Собор, Пастырская Конституция *Gaudium et Spes*, 27: AAS 58 (1966), 1047–1048; ср. Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Veritatis Splendor* (6 августа 1993 г.), 80: AAS 85 (1993), 1197–1198; ср. Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Evangelium Vitae* (25 марта 1995 г.), 7–28: AAS 87 (1995), 408–427.
- [72] Фрэнсис, Энциклика *Fratelli Tutti* (3 октября 2020 г.), 208: AAS 112 (2020), 1043.
- [73] См. *там же*, 209: AAS 112 (2020), 1043–1044.
- [74] *Там же.*, 23: AAS 112 (2020), 977. Ср. Апостольское обращение *Evangelii Gaudium* (24 ноября 2013 г.), 212: AAS 105 (2013), 1108.
- [75] Бенедикт XVI, Апостольское обращение *Sacramentum Caritatis* (22 февраля 2007 г.), 83: AAS 99 (2007), 169.
- [76] Второй Ватиканский Вселенский Собор, Пастырская Конституция *Gaudium et Spes*, 26, AAS 58 (1966), 1046–1047.
- [77] См. Папский совет по справедливости и миру, *Сборник социальной доктрины Церкви*, 164.
- [78] Франциск, Апостольское обращение *Evangelii Gaudium* (24 ноября 2013 г.), 235: AAS 105 (2013), 1115.
- [79] Фрэнсис, Энциклика *Fratelli Tutti* (3 октября 2020 г.), 105: AAS 112 (2020), 1005.
- [80] Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Sollicitudo Rei Socialis* (30 декабря 1987 г.), 38: AAS 80 (1988), 564.
- [81] Франциск, Апостольское обращение *Evangelii Gaudium* (24 ноября 2013 г.), 220: AAS 105 (2013), 1110.
- [82] Папский совет по справедливости и миру, *Сборник социальной доктрины Церкви*, 169.
- [83] Фрэнсис, Энциклика *Fratelli Tutti* (3 октября 2020 г.), 16: AAS 112 (2020), 974.
- [84] См. Святой Иоанн Павел II, *Обращение к 50 -й Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций* (5 октября 1995 г.), 8: *Insegnamenti di Giovanni Paolo II*, том XVIII/2, 735.
- [85] Папский совет по справедливости и миру, *Сборник социальной доктрины Церкви*, 171.
- [86] Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus Annus* (1 мая 1991 г.), 31: AAS 83 (1991), 831.
- [87] Святой Иоанн Павел II, *Проповедь во время мессы, отслуженной для фермеров в Ресифе* (7 июля 1980 г.), 4: AAS 72 (1980), 926.
- [88] Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Laborem Exercens* (14 сентября 1981 г.), 19: AAS 73 (1981), 626.
- [89] Фрэнсис, Энциклика *Laudato Si'* (24 мая 2015 г.), 93: AAS 107 (2015), 884; ср. Энциклика *Fratelli Tutti* (3 октября 2020 г.), 120: AAS 112 (2020), 1010.
- [90] Франциск, Апостольское обращение *Evangelii Gaudium* (24 ноября 2013 г.), 189: AAS 105 (2013), 1099.
- [91] См. Папский совет по справедливости и миру, *Сборник социальной доктрины Церкви*, 187.
- [92] См. Лев XIII, Энциклика *Rerum Novarum* (15 мая 1891 г.), 26: ASS 23 (1890–1891), 656.
- [93] См. Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus Annus* (1 мая 1991 г.), 11: AAS 83 (1991), 806–807.
- [94] См. *там же*.
- [95] См. *там же*, 48: AAS 83 (1991), 852–854.
- [96] См. Фрэнсис, Энциклика *Fratelli Tutti* (3 октября 2020 г.), 169: AAS 112 (2020), 1028.
- [97] См. *там же*, 168: AAS 112 (2020), 1027–1028.
- [98] См. Святой Павел VI, Энциклика *Populorum Progressio* (26 марта 1967 г.), 17: AAS 59 (1967), 265–266.
- [99] Франциск, Энциклика *Fratelli Tutti* (3 октября 2020 г.), 32 и 54: AAS 112 (2020), 980 и 988.
- [100] См. Бенедикт XVI, Энциклика *Caritas in Veritate* (29 июня 2009 г.), 58: AAS 101 (2009), 693–694.
- [101] Фрэнсис, Энциклика *Fratelli Tutti* (3 октября 2020 г.), 116: AAS 112 (2020), 1009.
- [102] Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Sollicitudo Rei Socialis* (30 декабря 1987 г.), 38: AAS 80 (1988), 564.
- [103] Фрэнсис, Энциклика *Fratelli Tutti* (3 октября 2020 г.), 116: AAS 112 (2020), 1009.
- [104] См. Бенедикт XVI, Энциклика *Caritas in Veritate* (29 июня 2009 г.), 48: AAS 101 (2009), 685.
- [105] См. Второй Ватиканский Вселенский Собор, Пастырская Конституция *Gaudium et Spes*, 25: AAS 58 (1966), 1045–1046.
- [106] См. Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Sollicitudo Rei Socialis* (30 декабря 1987 г.), 42: AAS 80 (1988), 572–574.
- [107] Франциск, Апостольское обращение *Evangelii Gaudium* (24 ноября 2013 г.), 53: AAS 105 (2013), 1042.

- [108] См. Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Sollicitudo Rei Socialis* (30 декабря 1987 г.), 36-37: AAS 80 (1988), 561-564.
- [109] См. Франциск, *Послание ко 110^{-му} Всемирному дню мигрантов и беженцев* (29 сентября 2024 г.): AAS 116 (2024), 735.
- [110] Святой Павел VI, Энциклика *Populorum Progressio* (26 марта 1967 г.), 14: AAS 59 (1967), 264.
- [111] См. там же, 17: AAS 59 (1967), 265-266; Франциск, Энциклика *Fratelli Tutti* (3 октября 2020 г.), 125-127: AAS 112 (2020), 1012-1013.
- [112] См. энциклику Святого Павла VI *Populorum Progressio* (26 марта 1967 г.), 14: AAS 59 (1967), 264; Бенедикта XVI, *Обращение к дипломатическому корпусу, аккредитованному при Святом Престоле* (8 января 2007 г.): AAS 99 (2007), 73; Франциска, *Обращение к участникам 3^{-го} Глобального совещания Форума коренных народов Международного фонда сельскохозяйственного развития* (15 февраля 2017 г.): AAS 109 (2017), 244-245.
- [113] *Итоговый документ Второй сессии XVI Очередной Генеральной Ассамблеи Синода епископов* (26 октября 2024 г.), 17.
- [114] См. там же, 11.
- [115] См. там же, 103-108.
- [116] См. там же, 100-101.
- [117] См. Фрэнсис, Энциклика *Fratelli Tutti* (3 октября 2020 г.), 94: AAS 112 (2020), 1001.
- [118] См. Папский совет по справедливости и миру, *Сборник социальной доктрины Церкви*, 53.
- [119] См. Франциск, Энциклика *Laudato Si'* (24 мая 2015 г.), 106-109: AAS 107 (2015), 889-891.
- [120] Р. Гуардини, *Das Ende der Neuzeit*, Вюрцбург, 1951, 89.
- [121] Святой Павел VI, *Обращение по случаю 25^{-й} годовщины ФАО* (16 ноября 1970 г.): AAS 62 (1970), 833.
- [122] См. Франциск, *Обращение к Совету за инклюзивный капитализм* (11 ноября 2019 г.): *L'Osservatore Romano*, 11-12 ноября 2019 г., стр. 8.
- [123] См. Дикастерия доктрины веры – Дикастерия культуры и образования, Note *Antiqua et Nova* (14 января 2025 г.): AAS 117 (2025), 159-210; Франциск, *Послание к 57^{-му} Всемирному дню мира* (8 декабря 2023 г.): AAS 116 (2024), 54-64; Франциск, *Послание к 58^{-му} Всемирному дню социальных коммуникаций* (24 января 2024 г.): AAS 116 (2024), 261-266; Франциск, *Обращение к сессии G7 по искусственному интеллекту: «Захватывающий и устрашающий инструмент»* (14 июня 2024 г.): AAS 116 (2024), 866-875; Международная богословская комиссия, *Quo vadis, humanitas? Размышления о христианской антропологии в свете некоторых сценариев будущего человечества* (9 февраля 2026 г.); *Послание к 60^{-му} Всемирному дню социальных коммуникаций* (24 января 2026 г.): *L'Osservatore Romano*, 24 января 2026 г., 2-3.
- [124] См. Дикастерия доктрины веры – Дикастерия культуры и образования, Note *Antiqua et Nova* (14 января 2025 г.), 96: AAS 117 (2025), 201.
- [125] Франциск, *Обращение к участникам встречи «Диалогов Минервы», организованной Дикастерией культуры и образования* (27 марта 2023 г.): AAS 115 (2023), 465.
- [126] См. Дикастерия доктрины веры – Дикастерия культуры и образования, Note *Antiqua et Nova* (14 января 2025 г.), 41: AAS 117 (2025), 178.
- [127] См. там же, 44-45: AAS 117 (2025), 179-180.
- [128] См. Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Centesimus Annus* (1 мая 1991 г.), 40: AAS 83 (1991), 843.
- [129] См. Международная богословская комиссия, *Quo vadis, humanitas? Размышления о христианской антропологии в свете некоторых сценариев будущего человечества* (9 февраля 2026 г.), 63.
- [130] См. выступление святого Павла VI *по случаю 25^{-летия} ФАО* (16 ноября 1970 г.): AAS 62 (1970), 833.
- [131] Международная богословская комиссия, *Quo vadis, humanitas? Размышления о христианской антропологии в свете некоторых сценариев будущего человечества* (9 февраля 2026 г.), 3.
- [132] «Если мы обесцениваем сердце, мы также обесцениваем то, что значит говорить от сердца, действовать сердцем, возвращать и исцелять сердце. Если мы не ценим специфику сердца, мы упускаем послания, которые один лишь разум не может передать; мы упускаем богатство наших встреч с другими; мы упускаем поэзию. Мы также теряем из виду историю и наше собственное прошлое, поскольку наша подлинная личная история строится сердцем. В конце нашей жизни только это будет иметь значение». Франциск, Энциклика *Dilexit Nos* (24 октября 2024 г.), 11: AAS 116 (2024), 1372.
- [133] В. Франкл, «Поиск смысла жизни». Введение в логотерапию, Бостон, 1963, 213.

- [134] Св. Фома Аквинский, *Summa Theologiae*, I-II, q. 112, a. 1, компания; в. 114, а, 5, ко.: изд. Леонина, VII, Рим 1892, 323 и 349.
- [135] См. Там же, q. 114, а. 1, со.: ed. Leonina, VII, 344.
- [136] См. Святой Фома Аквинский, *Super Boetium de Trinitate*, q. 1, а. 2, объявление 3: изд. Леонина Л., Рим 1992, 96; *Summa Theologiae*, I, q. 7, а. 1, объявление 3: изд. Леонина, IV, Рим 1888, 72.
- [137] Франциск, Апостольское обращение *Evangelii Gaudium*, (24 ноября 2013 г.), 8: AAS 105 (2013), 1022.
- [138] Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Redemptor Hominis*. (4 марта 1979 г.), 15: AAS 71 (1979), 286-287.
- [139] Святой Августин, *De civitate Dei*, XIV, 28: CCSL 48, Turnhout 1955, 451.
- [140] Бенедикт XVI, Энциклика *Caritas in Veritate* (29 июня 2009 г.), 34: AAS 101 (2009), 668-669.
- [141] Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Veritatis Splendor* (6 августа 1993 г.), 32: AAS 85 (1993), 1159.
- [142] Франциск, Энциклика *Fratelli Tutti* (3 октября 2020 г.), 207: AAS 112 (2020), 1043.
- [143] Х. Арендт, *Истоки тоталитаризма*, III, Нью-Йорк, 1962, 474.
- [144] *Обращение к представителям СМИ* (12 мая 2025 г.): AAS 117 (2025), 681-682.
- [145] Бенедикт XVI, *Послание к 47^{-му} Всемирному дню социальных коммуникаций* (24 января 2013 г.): AAS 105 (2013), 183.
- [146] Франциск, *Обращение по случаю присвоения звания рыцаря и дамы Большого креста ордена Пиана г-ну Филиппу Пулелле и г-же Валентине Алазраки* (13 ноября 2021 г.): *L'Osservatore Romano*, 13 ноября 2021 г., стр. 12.
- [147] См. Платон, *Письмо VII*, 344b-c: изд. Суйе, XIII/1, Париж, 1931 (CUF, греческая серия 63), 54.
- [148] См. *Обращение к участникам конференции «Достоинство детей и подростков в эпоху искусственного интеллекта»* (13 ноября 2025 г.): *L'Osservatore Romano*, 13 ноября 2025 г., 3.
- [149] См. *Обращение к членам Консультативного совета Академии Королевского Красного Креста* (7 ноября 2025 г.): *L'Osservatore Romano* 7 ноября 2025 г., 4.
- [150] Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Laborem Exercens* (14 сентября 1981 г.), 3: AAS 73 (1981), 584.
- [151] См. Франциск, Энциклика *Laudato Si'* (24 мая 2015 г.), 128: AAS 107 (2015), 898.
- [152] Дикастерия доктрины веры — Дикастерия культуры и образования, Note *Antiqua et Nova* (14 января 2025 г.), 67: AAS 117 (2025), 188-189.
- [153] См. Святой Иоанн Павел II, Энциклика *Laborem Exercens*, (14 сентября 1981 г.), 18: AAS 73 (1981), 622-625.
- [154] См. Франциск, Энциклика *Laudato Si'* (24 мая 2015 г.), 109: AAS 107 (2015), 891.
- [155] См. Бенедикт XVI, Энциклика *Caritas in Veritate* (29 июня 2009 г.), 32: AAS 101 (2009), 666.
- [156] См. Папский совет по справедливости и миру, *Сборник социальной доктрины Церкви*, 268.
- [157] См. Бенедикт XVI, Энциклика *Caritas in Veritate* (29 июня 2009 г.), 64: AAS 101 (2009), 698.
- [158] См. Франциск, Энциклика *Laudato Si'* (24 мая 2015 г.), 129: AAS 107 (2015), 899.
- [159] См. там же.
- [160] См. Фрэнсис, Энциклика *Fratelli Tutti* (3 октября 2020 г.), 108: AAS 112 (2020), 1006.
- [161] См. Дикастерия по доктрине веры — Дикастерия по содействию всестороннему развитию человека, *Oeconomicae et Pecuniariae Quaestiones. Соображения для этического различения некоторых аспектов нынешней экономико-финансовой системы* (6 января 2018 г.), 6: AAS 110 (2018), 772.
- [162] Фрэнсис, *Приветствие сотрудникам Международного фонда сельскохозяйственного развития (МФСР)* (14 февраля 2019 г.): AAS 111 (2019), 309. Сфр. Бенедикт XVI, Энциклика *Caritas in Veritate* (29 июня 2009 г.), 22: AAS 101 (2009), 657.
- [163] См. там же, 36: AAS 101 (2009), 671-672.
- [164] См. Франциск, Апостольское обращение *Evangelii Gaudium* (24 ноября 2013 г.), 204: AAS 105 (2013), 1105-1106.
- [165] См. Святой Павел VI, Энциклика *Populorum Progressio* (26 марта 1967 г.), 87: AAS 59 (1967), 299.
- [166] См. Энциклика святого Иоанна Павла II. *Centesimus Annus* (1 мая 1991 г.), 39: AAS 83 (1991), 841.
- [167] См. Папский совет по справедливости и миру, *Сборник социальной доктрины Церкви*, 211.
- [168] См. Святой Иоанн Павел II, Письмо семьям *Gratissimam Sane* (2 февраля 1994 г.), 17: AAS 86 (1994), 903-906.

- [169] См. Конференция католических епископов США, «*Сыны и дочери света*»: *Пастырский план служения молодежи* (12 ноября 1996 г.), Вашингтон, округ Колумбия, 1996 г., I, 3.
- [170] См. Папский совет по справедливости и миру, *Сборник социальной доктрины Церкви*, 290.
- [171] См. *там же*, 214.
- [172] См. Франциск, *Послание по случаю 48^{-го} Всемирного дня молодежи за мир* (8 декабря 2014 г.), 4: AAS 107 (2015), 70-71.
- [173] См. Международная богословская комиссия, *Память и примирение: Церковь и ошибки прошлого*, Ватикан, 2000, 5.3.
- [174] Как в папских буллах *Sicut Dudum* (13 января 1435 г.) и *Etsi Suscepti* (9 января 1442 г.) Евгения IV, а также в папских буллах *Dum Diversas* (18 июня 1452 г.) и *Romanus Pontifex* (8 января 1455 г.) Николая V. Политические, а порой и экономические потребности преобладали над требованиями Евангелия. Необходимость евангелизации часто ставилась под угрозу или, по крайней мере, неправильно понималась в отношении потребностей мирских держав, тем самым сводя на нет проблематичную несовместимость рабства с христианской совестью.
- [175] См. энциклику Льва XIII *In Plurimis* (5 мая 1888 г.), *Acta Leonis XIII*, VIII, Рим, 1889, 169-192. Обратите внимание, что еще в 1866 году Священная канцелярия различала аморальные и моральные аспекты рабства, не осуждая его полностью: *Инструкция Священной канцелярии по различным сомнениям монсеньора Массая, апостольского викария в Галле*, апрель 1866 г., ответ на вопрос № 15.
- [176] См. Святой Иоанн Павел II, Bull *Incararnationis Mysterium* (29 ноября 1998 г.), 11: AAS 91 (1999), 139-141.
- [177] См. Святой Павел VI, *Регина Казели* (17 мая 1970 г.): *Insegnamenti di Paolo VI*, vol. VIII, 506.
- [178] См. Франциск, Энциклика *Fratelli Tutti* (3 октября 2020 г.), 183: AAS 112 (2020), 1033-1034.
- [179] См. Второй Ватиканский Вселенский Собор, Пастырская Конституция *Gaudium et Spes*, 26: AAS 58 (1966), 1046-1047.
- [180] Святой Павел VI, *Обращение к 20^{-й} Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций* (4 октября 1965 г.): AAS 57 (1965), 881.
- [181] Организация Объединенных Наций, *Устав Организации Объединенных Наций*, Сан-Франциско (26 июня 1945 г.), Преамбула.
- [182] См. Франциск, Энциклика *Fratelli Tutti* (3 октября 2020 г.), 258: AAS 112 (2020), 1061: «В последние десятилетия каждая война якобы „оправдана“. *Катехизис Католической Церкви* говорит о возможности законной защиты с помощью военной силы, которая предполагает демонстрацию соблюдения определенных „строгих условий моральной легитимности“. Однако легко впасть в чрезмерно широкое толкование этого потенциального права. Таким образом, некоторые ошибочно оправдывают даже „превентивные“ нападения или акты войны, которые вряд ли могут избежать „зла и беспорядков, более серьезных, чем зло, которое необходимо искоренить“».
- [183] См. Дикастерия доктрины веры — Дикастерия культуры и образования, Note *Antiqua et Nova* (14 января 2025 г.), 99: AAS 117 (2025), 202-203.
- [184] См. *там же*, 103: AAS 117 (2025), 204.
- [185] См. *Обращение к участникам пленарного заседания «Союза организаций помощи восточным церквям (ROACO)»* (26 июня 2025 г.): AAS 117 (2025), 847-849.
- [186] См. Франциск, *Послание ко Всемирному Дню мира* (8 декабря 2019 г.): AAS 112 (2020), 54-61.
- [187] Дж. Р. Р. Толкин, *Властелин колец. Возвращение короля*, Часть III, Книга пятая, Глава IX, Нью-Йорк, 1965, 190.
- [188] *Обращение к представителям СМИ* (12 мая 2025 г.): AAS 117 (2025), 682.
- [189] *Там же*.
- [190] Святой Иоанн Павел II, *Послание ко Всемирному Дню мира* (1 января 1998 г.), 1: AAS 90 (1988), 147.
- [191] Святой Августин, *Enarrationes in Psalmos*, 84, 12: CCSL 39, Turnhout 1956, 1172-1173.
- [192] См. Франциск, Энциклика *Dilexit Nos* (24 октября 2024 г.), 22: AAS 116 (2024), 1375-1376.
- [193] Фрэнсис, Энциклика *Fratelli Tutti* (3 октября 2020 г.), 115: AAS 112 (2020), 1008-1009.
- [194] См. *там же*, 261: AAS 112 (2020), 1062.
- [195] См. выступление святого Павла VI *на 20^{-й} Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций*. (4 октября 1965 г.): AAS 57 (1965), 878-879.

- [196] См. Пий XII, Радиосообщение *«Час смерти»* (24 августа 1939 г.): AAS 31 (1939), 334.
- [197] Джорджио Ла Пира, *Riflessioni sul Concilio*. Обращение профессора Джорджио Ла Пира, мэра Флоренции, к «Гидам Франции» (Рим, 4 сентября 1962 г.), Флоренция, 1962 г., 6.
- [198] *Обращение к участникам юбилея восточных церквей* (14 мая 2025 г.): AAS 117 (2025), 686.
- [199] См. Фрэнсис, Энциклика *Fratelli Tutti* (3 октября 2020 г.), 271: AAS 112 (2020), 1066.
- [200] См. Франциск, *Призыв к миру в Ассизи ко Всемирному дню молитвы за мир «Жажда мира: вера и культура в диалоге»* (20 сентября 2016 г.): AAS 108 (2016 г.), 1124.
- [201] Франциск, *Обращение к членам дипломатического корпуса, аккредитованным при Святом Престоле* (9 января 2025 г.): AAS 117 (2025), 110.
- [202] См. Фрэнсис, *Обращение к участникам 38-й конференции ФАО* (20 июня 2013 г.): AAS 105 (2013), 616-617.
- [203] *Первое благословение «Urbi et Orbi»* (8 мая 2025 г.): AAS 117 (2025), 660.
- [204] Там же .
- [205] См. *Проповедь на Первой вечерне в честь торжества Пресвятой Богородицы Марии* (31 декабря 2025 г.): *L'Osservatore Romano* , 2 января 2026 г., 1-2.
- [206] См. *Проповедь мессы в течение дня* (25 декабря 2025 г.): *L'Osservatore Romano* , 27 декабря 2025 г., 3.
- [207] См. там же .
- [208] См. *Angelus на торжество Богоявления* (6 января 2026 г.): *L'Osservatore Romano* , 7 января 2026 г., 3.
- [209] См. *Проповедь ночной мессы* (24 декабря 2025 г.): *L'Osservatore Romano* , 27 декабря 2025 г., 2.
- [210] П. де Берюль, *Discours de l'état et des grandeurs de Jésus, Discours IV, Unité de Dieu en l'incarnation: Œuvres complètes*, Paris 1856, col. 218.
- [211] Там же .
- [212] См. *выступление на конференции «Искусственный интеллект и забота о нашем общем доме»* (5 декабря 2025 г.): *L'Osservatore Romano* , 5 декабря 2025 г., 2.
- [213] Бенедикт XVI, Энциклика *Deus Caritas Est* (25 декабря 2005 г.), 14: AAS 98 (2006), 228.
- [214] Святой Августин, *Проповеди* , 272: *In die Pentecostes ad infantes de sacramento* : PL 38, Paris 1865, col. 1247.
- [215] Бенедикт XVI, *Проповедь на мессе Вечери Господней* (21 апреля 2011 г.): AAS 103 (2011), 321.
- [216] *Обращение к Римской курии по случаю обмена рождественскими поздравлениями* (22 декабря 2025 г.): *L'Osservatore Romano* , 22 декабря 2025 г., стр. 6-7.
- [217] См. выше, №№ 11-14.
- [218] См. *Доклад на конференции «Достоинство детей и подростков в эпоху искусственного интеллекта»* (13 ноября 2025 г.): *L'Osservatore Romano* , 13 ноября 2025 г., 3.
- [219] См. Бенедикт XVI, Энциклика *Caritas in Veritate* (29 июня 2009 г.), 34: AAS 101 (2009), 668-670.
- [220] Франциск, Апостольское увещание *Laudate Deum* (4 октября 2023 г.), 67: AAS 115 (2023), 1059.
- [221] См. *Angelus на торжество Богоявления* (6 января 2026 г.): *L'Osservatore Romano* , 7 января 2026 г., 3.
- [222] Бенедикт XVI, *Генеральная аудиенция* (15 февраля 2006 г.): *L'Osservatore Romano* , 16 февраля 2006 г., 4.
- [223] *Размышление по случаю Молитвенного бдения и Розария за мир* (11 октября 2025 г.): *L'Osservatore Romano* , 13 октября 2025 г., 2.
- [224] Святой Павел VI, *Проповедь в Марианском святилище Богородицы Бонарии* (24 апреля 1970 г.): AAS 62 (1970), 301.

Святой ПРЕСТОЛ

[ЧАСТО ЗАДАВАЕМЫЕ ВОПРОСЫ](#) [ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ](#) [ПОЛИТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФАЙЛОВ СОOKIE](#) [ПОЛИТИКА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ](#)